

ЦЕНТР КОНСЕРВАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ЛЕВИАФАН

ВЫПУСК 4

Гегемония и многополярность

Евразийское Движение
Москва
2012

ББК 66.4
Л 36

*Печатается по решению кафедры
Социологии международных отношений
социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Главный редактор
Профессор социологического факультета МГУ, д. пол. н. А. Г. Дугин
Редактор-составитель
Савин Л. В.

Научно-редакционная коллегия

Д. ист. н. В. Э. Багдасарян, Альберто Буэла (Аргентина),
Флавио Гонсалес (Португалия), Тиберио Грациани (Италия),
д. филос. н. И. П. Добаев, С. А. Жигалкин, к. ю. н. В. И. Карпец,
д. соц. н. А. К. Мамедов, к. филос. н. Н. В. Мелентьева,
Матеуш Пискорски (Польша), д. филос. н. Э. А. Попов,
Пшемислав Серадзан (Польша), к. филос. н. В. В. Черноус

Л 36 **Левнафан** : Гегемония и многополярность (вып. 4) / [Под. ред.
А. Г. Дугина; Ред.-сост. Савин Л. В.]. — М.: Евразийское Движение,
2012. — 226 с.

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Фондом подготовки кадрового резерва <<Государственный клуб>> по итогам конкурса, проведенного в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 216-рп от 03.05.2012 года <<Об обеспечении в 2012 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества>>.

ISSN 2226-6992

ББК 66.4

*В оформлении обложки использована гравюра Альбрехта Дюрера
"Четыре всадника Апокалипсиса", 1498 г*

ISSN 2226-6992

© «Евразийское Движение», оформление, 2012
© Авторы, тексты докладов и статей, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕГЕМОНИЯ И ПОЛЮСА ВЛАСТИ

<i>Дугин А. Г.</i> Квадриполяризм и мышление в терминах Больших пространств	9
<i>Добреньков В. И.</i> Полюса и социальные системы	25
<i>Мелентьева Н. В.</i> Деконструкция однополярной гегемонии: об арсенале контр-гегемонического дискурса	27
<i>Бовдунов А. Л.</i> Российская альтернатива для Восточной Европы. Россия как консервативный полюс	39
<i>Натэлла Сперанская</i> Роль евразийского полюса в многополярной модели мира	53
<i>Савин Л. В.</i> Экстерриториальность и динамика геополитических полюсов	63
<i>Кузнецов А. Н.</i> Кризис национальных государств и политико-правовой режим многополярности	71
<i>Адриана Ратмирская</i> Империя в теории МО	79
<i>Есин С. Ю.</i> Либеральная Гегемония, или Многополярный Мир? . . .	87
<i>Савин В. В.</i> Интегрирование планетарного человеческого сообщества: от девятиполярного мира к трем «естественным» коалициям больших пространств	99
Экспресс-интервью журнала «Геополитика» с экспертами в области международных отношений и геополитики по поводу полюсов силы в современной мировой политике.	109

СТРАТЕГИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

<i>Юре Вуич</i>	Евразия: новое осознанное геополитическое пространство	129
<i>Дугин А. Г.</i>	Евразийство и многополярность — абсолютные императивы будущего	151
<i>Савин Л. В.</i>	«Альтернативные миры» наступают	159
<i>Савин Л. В.</i>	Новая волна американской геополитики: взгляд на Китай	157
<i>Савин Л. В.</i>	Переломный 2012-й	217
<i>Савин Л. В.</i>	Формирование евразийского геополитического контекста	221
<i>Андреа Фаис</i>	Будущее Европы определяется в Грузии?	232
<i>Сергей Бирюков, Владислав Савин</i>	Гегемония США или квинтет держав	221
<i>Раджа Мохан</i>	Дипломатия нового треугольника: Индия, Китай и США на море	232
<i>Ксения Агапеева</i>	Концепция «Промежуточного региона» Димитриса Кицикиса	217

***МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА
ЦЕНТРА КОНСЕРВАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ,
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА. 13.11.2012***

ГЕГЕМОНИЯ И ПОЛЮСА ВЛАСТИ

Дугин А. Г.

КВАДРИПОЛЯРИЗМ И МЫШЛЕНИЕ В ТЕРМИНАХ БОЛЬШИХ ПРОСТРАНСТВ

Сегодня мы приступим к конкретизации многополярности, в частности, обсудим тему квадриполяризма как конкретного выражения многополярности. Почему сегодня квадриполяризм актуален и почему нам нужно говорить о четырехполюсном мире, должно стать понятным из выступлений нашего заседания ЦКИ.

Для начала нужно поставить вопрос — где впервые возникает идея организации мира на основе четырех полюсов? Первым автором такого подхода на мир был немецкий геополитик Карл Хаусхофер, который выдвинул теорию пан-идей. Он предложил в своей работе рассмотреть различного рода исторические и политические взаимодействия по двум осям в рамках глобального взгляда на мир: по оси Север-Юг и по оси Запад-Восток. С точки зрения Хаусхофера оптимальная организация мира — это интеграция по оси Север-Юг с преобладанием Севера над Югом, но строго проходящая по меридианам. Это он называл меридианальной геополитикой, которая связана с рассмотрением мира, представляющего собой несколько пластов, интегрированных по оси Север-Юг. И как

Профессор А. Г. Дугин

конкретное воплощение геополитики меридианов Хаусхофер предложил деление мира на четыре зоны, которые выражаются в пан-идеях: панамериканская идея, которая с его точки зрения должна интегрировать американские континенты с севера на юг; пан-европейская идея, или Евроафрика, где предполагалось объединение вокруг Европы также средиземноморского ареала, включая северную и транс-сахарскую Африку; пан-евразийская идея, с доминацией России над южными территориями; и пан-океанская идея, подразумевающая создание кондоминиона с Японией, Китаем и другими странами региона. Если говорить в историческом контексте, то мы увидим интересную закономерность. Сам Хаусхофер выступал от лица пан-Европы, Советской России он уделял роль интегратора пан-евразийского пространства, Японии выделял главенствующую роль в объединении Тихоокеанского региона, а Соединенным Штатам Америки в рамках доктрины Монро он предлагал установить контроль над пространством обеих Америк — Северной и Южной. Безусловно, нужно учитывать исторический контекст, в котором формировалось видение такого устройства, но, как мы увидим в дальнейшем, в нем были и постоянные элементы, которые в той или иной степени актуальны.

Вторая версия, которая, строго говоря, была оформлена как квинтаполяризм, это теория Рихарда Куденхове-Калерги, который в 20-е -30-е гг. прошлого столетия выдвинул теорию существования пяти больших пространств, из которых должен был складываться будущий миропорядок. Сам Куденхове-Калерги был создателем движения Паневропейский союз и одним из теоретиков европейской интеграции. Он же предложил в качестве гимна единой Европы, которой еще тогда не было, «Оду к радости» Л.-В. Бетховена, которая потом и стала официальным гимном ЕС. Т.е. практически, идея создания единой Европы Куденхове-Калерги реализовалась в полной мере. При этом наряду с пан-Европой он выделял еще четыре пространства. Это пан-Евразия, пан-Америка, пан-Пацифика и Британская Империя,

т.к. он считал это государство отдельным полюсом. Хотя, если проанализировать место Британии, мы увидим, что теснейшее сотрудничество этой страны и передачу атлантистской инициативы США, по сути, слило эти два государства в один полюс.

Таким образом, если мы сделаем эту поправку, мы увидим в лице Хаусхофера и Куденхове-Калерги первых теоретиков квадриполярного мира. В их трудах коренятся идеи интеграции на цивилизационной основе, так как Хаусхофер использует термин «идея» для интеграции этих пространств. Речь идет о некоем цивилизационном логосе, который объединяет целые территории, которые превосходят и трансцендируют границы национальных государств. А Куденхове-Калерги был отцом идей политической интеграции.

На следующем этапе мы сталкиваемся с таким же точно районированием мира, но только в несколько ином ключе. Это период после заключения Версальского мира в Европе. Тогда в США создается Совет по международным отношениям на основе политических интеллектуальных групп, а президент США Вудро Вильсон, будучи либералом в области международных отношений, формулирует идею о глобальной миссии Америки, которая состоит в обеспечении демократии на всем пространстве планеты, и как конкретным воплощением этой демократии, о чем также говорил сэр Хэлфорд Макиндер в работе «Демократические идеалы и реальность», выступает идея трех пространств как трех опор демократии. После Версаля формируется идея трех полюсов. В центре стоят США и Совет по международным отношениям, что демонстрирует ведущую роль США в глобальных процессах. До Вильсона в США колебались между открытостью и закрытостью, между экспансионизмом и изоляционизмом, а после Вильсона курс на экспансионизм и доминирование американской демократии в международной политике стал очевидным. Поэтому наиболее важный центр формируется именно в США, но параллельно с этим формируется еще два института. Один из них получил

долгую жизнь. Это Королевский институт стратегических исследований — Chatham House, который существует до сих пор и является главным интеллектуальным центром европейского атлантизма. И тогда же был создан еще один — Институт тихоокеанских исследований. Таким образом, эти организации были созданы в роли интеллектуального плацдарма для укрепления позиций Запада под эгидой США. И это было сделано еще до того, как США вошли в свой зенит, что подтверждает тезис о том, что лабораторные исследования и теория всегда предшествуют реальности. Версальская конференция была отправной точкой когда мир начался формироваться под эгидой Америки. В XIX веке США еще не стали лидером, хотя проект лидерства уже начал формироваться именно тогда и обосновываться еще во время Первой мировой войны.

Но здесь мы имеем дело и с вопросом — против кого направлена эта структура? Она направлена против Евразии, против Хартленда, в который Макиндер, участник этих процессов и подготовки решений версальских переговоров, включал Германию, Россию и Китай. Для того, чтобы демократические идеалы смогли реализоваться, — писал Макиндер, необходимо интегрировать продемократические талассократические державы для оппозиции Хартленду, который является оплотом теллуократии. И вот здесь мы видим применение принципов геополитики к квадриполярному пространству. Здесь говорится о трех полюсах, но подразумевается четвертый, так как они направлены против четвертого, который в данном случае является объектом эксклюзии и своего рода козлом отпущения для клуба глобальной демократии. Четвертое пространство в модели C.F.R. присутствует как антагонист трех остальных пространств. И в это четвертое пространство включена Германия, Советская Россия и прогерманские силы в Японии, т.е. те страны, которые были отражены в модели континентального блока Хасухофера.

И в этой геополитике, помимо атлантического полюса, есть деление на сегменты — три полюса. Ту же самую модель чуть

позже предлагает Карл Хаусхофер с точки зрения обратной интеграции континента. Здесь присутствует европейская пан-идея с Германией, а не Англией в качестве центра, пан-евразийская с Хартлендом-Россией и пан-тихоокеанская с Японией, но ориентированной на континентальные силы. Здесь три полюса объединяются на основе континентализма вокруг Евразии, куда добавляется меридианальное районирование мира.

В общем, видение четырех полюсов как основы мироустройства мы видим и у представителей континенталистской геополитической школы, и у атлантистов, и у сторонников идеи европейской интеграции. Оперирование с четырьмя полюсами, четырьмя пан-идеями, четырьмя меридианально интегрированными зонами является константой глобальной политики, а также внутренней, тщательно скрываемой схемой в планировании глобальных политических процессов. Квадриполяризм, таким образом — это не нечто надуманное сегодня, это некая схема, которую учитывают все игроки и архитекторы глобальных процессов. Это принципиальный вопрос. И такова предыстория квадриполяризма.

Дальше следует Вторая мировая война, двуполярный мир и последующий распад этой системы. И здесь крайне важным представляется текст Сэмюэля Хантингтона, который пишет о столкновении цивилизаций, где он опять выделяет цивилизации как субъекты большой политики. То есть, опять полюса, и опять конфликты между интегрированными наднациональными территориями. Хантингтон выделяет восемь таких полюсов-цивилизаций. Шесть он рассматривал как сложившиеся и два как новые. Евроатлантическая цивилизация включает Европу и Америку; исламская охватывает Ближний Восток и часть Средней Азии; евразийскую он называет славяно-православной; четвертой является индийская цивилизация, куда кроме Индии относится Непал и Шри-Ланка; далее следует китайская, также более обширная, чем само государство КНР; и японская, за что японцы были очень благодарны Хантингтону, так как он

выделил их в отдельный полюс. И две потенциальные цивилизации — это латиноамериканская, которая может отличаться от североамериканской, а интеграция стран Латинской Америки подтверждает такое развитие сценария, и транссахарская африканская, которая подразумевает интеграцию черной Африки. Как мы знаем, Муамар Каддафи был сторонником объединения африканских стран, этому вопросу также посвящены различные теории самих африканских интеллектуалов, так как границы нынешних государств имеют колониальный характер, не имеющий ничего общего с историческими, религиозными и этническими началами.

Хантингтонианская модель восьми цивилизации, по сути дела, развивает тематику многополярности. Но для нас здесь принципиально важно одно — что мы имеем дело с признанием четвертого полюса, который обозначен как пан-евразийский у Хаусхофера. Он, в лице православно-славянской цивилизации на территории Хартленда, Хантингтоном признается и фиксируется.

Модель Хантингтона, конечно же, не бесспорна. Например, некоторые европейцы начали критиковать его модель за то, что он включил США и Европу в одну цивилизацию, этот аргумент также подлежит определенной дискуссии.

Но Хантингтон вводит понятие цивилизации в центр политического международного анализа, при этом признавая за славяно-православной цивилизацией статус исторического субъекта.

Так как Хантингтон был представителем школы реалистов в международных отношениях, ему был ближе именно конфликт, поэтому он писал о столкновении цивилизаций. Президент Исламской Республики Иран Мохаммад Хатами ответил ему, что необязательно между цивилизациями должно быть столкновение, может быть и диалог. Это вопрос открытый. Война или мир составляют два условия внешней политики, тесно связанные друг с другом. Однако нужно учитывать, что сами

реалисты вообще мыслят в категориях войны и эта традиция начинается с классиков реализма — Ганса Моргентау, Эдварда Карра и др. Соответственно, мы сейчас не ставим акцент на столкновении, но выделяем второй аспект — цивилизации в качестве акторов международной политики. И этими игроками становятся полюса, интегрированные большие пространства. Здесь мы можем вспомнить Карла Шмитта, который согласно теории прав народов и больших пространств говорил о том, как формируются юридические концепции, аналогичные доктрине Монро, английскому морскому праву и т.д., когда те или иные цивилизационные, экономические и стратегические модели постепенно поднимаются на уровень концептов международной политики. Для этого Карл Шмитт и вводит понятие Большого пространства, которое помогает очертить феноменологический объем процессов в международной сфере, который постепенно, по мере своего дальнейшего оформления приобретает юридический и политический характер .

Большое пространство как зона цивилизации постоянно поднимается от подразумевания естественной культурной и экономической близости до уровня политического правового субъекта. Так, собственно говоря, и показывает Карл Шмитт, Это было в истории и точно так же объединялась Европа. В Европе сначала говорили об экономической близости европейских государств и постепенно это большое пространство развивалось до уровня политического концепта, то есть Евросоюза как юридической инстанции. Так же, по такой же шкале в терминах больших пространств и мыслится создание многополярного мира. Есть цивилизационное единство, есть экономико-стратегическая близость или взаимозависимость, есть, с точки зрения Фридриха фон Листа, естественное тяготение стран, находящихся на общем уровне развития, к сближению для того, чтобы создать общую экономическую систему, таможенный союз для защиты от более развитых стран и для консолидации позиции перед лицом менее развитых стран. Это знаменитая концепция

Фридриха фон Листа, которая позволила осуществиться немецкому экономическому чуду и объединению Германии Бисмарком. Ведь Германия как единое государство возникла довольно поздно, в XIX веке на основании искусственного объединения ряда немецких государств, объединенных общей цивилизацией, общей культурой, но с разными религиями на основании именно таможенного союза.

То есть так от цивилизации происходит переход в нечто большее, формирование из общего культурного и экономического контекста, общих стратегических интересов политического организма или политей. Термин политейя очень удобен в этом смысле, поскольку он описывает политическое образование с не определенным в точных юридических категориях статусом. Политейей может быть государство, может быть конфедерация, может быть союз разных государств, и может быть даже какая-то субгосударственная инстанция в рамках широкого федерализма. То есть политейя — это нечто политическое, по крайней мере, так понимался этот термин в эпоху Платона. Нечто политическое, без уточнения, о чем идет речь, о большом, малом, законченном, незаконченном, суверенном или не суверенном. То есть, переход от большого пространства и принципа цивилизации и общего культурно-экономическо-стратегического контекста к политическому выражению и юридическому оформлению этого нового актора международных отношений, это процесс движения к политейи, политизация цивилизации. У нас цивилизация дана в рамках большого пространства, большое пространство описывает приблизительно его границы, и дальше начинается оформление этого большого пространства от экономической близости в политейю. Этот процесс может занять совершенно разные сроки и в различных условиях протекать по-разному. В одном, как это проходило, например, в рамках доктрины Монро, в другом в случае доктрины Вильсона, в третьем случае с Евросоюзом. И сейчас мы видим, что процессы

в разных зонах проходят с разной скоростью и совершенно по-разному сценарию, но они происходят везде.

Наш проект Евразийского союза, озвученный Президентом Путиным, является классическим выражением такого интеграционного проекта. И соответственно, если мы говорим о Евразийском союзе, обозначенном Путиным, речь идёт об интеграции одного из четырех больших пространств, больших зон, которую мы видели ещё у Хаусхофера, эту же зону мы встречали у Куденхове-Калерги и у Хантингтона, который признавал существование особой православно-славянской цивилизации.

Если вернуться в 90-е годы, когда стало формироваться наше Международное Евразийское движение, мы, на основании этих принципов, стали выступать в поддержку многополярного мира, причем, мира с требованием отказа от гегемонии США и созданием разных центров для разрешения текущих и возможных конфликтов. И этот, направленный против однополярности тренд, стал основой евразийской модели во внешней политике. Соответственно, интересно, как наши позиции и наши идеи изменились к 2012 г. Тогда Чарльз Краутхаймер объявил об однополярном мире, он сказал, что Америка правит миром сегодня безраздельно. Однополярный мир торжествовал, поэтому сторонники однополярности, особенно среди неоконсов, откровенно провозглашали ориентацию на американскую империю как свою цель.

Однополярный мир был доминирующей моделью в 90-е годы. Мы, евразийцы противопоставили этому многополярную модель, но поскольку в тот период в самой России доминировали представители однополярности, то и евразийство имело несколько маргинальный статус и даже обоснование многополярности вызывало у многих недоумение. А о евразийской интеграции вообще никто не хотел слышать, так как на повестке дня стояло дальнейшее расчленение самой Российской Федерации по этнонациональному признаку, что, например, проявилось в двух чеченских войнах.

Но за это время были сформулированы основные принципы евразийства во внешней политике, для многополярности, больших пространств и пан-идей — все это присутствует в ранних материалах неоевразийства начала 90-х гг., т.к. это была революционная евразийская идеология, направленная против существовавшего режима статус-кво. Тогда мы наблюдали интересный диалог с представителями единственного полюса однополярного мира. На другой стороне шахматной доски были Бжезинский и прочие сторонники атлантистской гегемонии., которые ставили крест на идее многополярности и говорили, что этот проект не возможен. Они говорили, что однополярность — это демократия, прогресс и модернизация, а многополярность — регресс, консерватизм, коррупция и реваншизм с ностальгией русского национализма. Таким был этот неприятный диалог в 90-е годы. И даже к терминам «евразийство», «интеграция», «многополярность» со стороны апологетов однополярности было крайне брезгливое отношение. В их понимании была лишь одна, американская и западная цивилизация, а все остальные являлись недочивилизациями. Однополярный момент при этом пытался зафиксировать себя как теоретический, не подлежащий сомнению концепт.

А дальше, после 90-х гг. мы стали свидетелями провала этого однополярного проекта. И это признали даже на Западе те же люди, которые впервые о нем заговорили. Чарльз Краутхаммер, который двадцать лет назад написал статью «Однополярный момент», заявил, что он уже прошел, Америка уже достигла своего пика и прошла его. И вот здесь наша позиция уже обрела свое подтверждение в историческом масштабе.

При этом к концу 90-х гг. начали прорабатываться, а в 2000-х гг. стали доминантой внешнеполитического дискурса в США уже другие модели. Вначале заговорили о бесполярном мире. О том, что США не могут править миром, поэтому в управление им нужно включить другие страны и цивилизации. Полюса вообще не будет, но ценности будут западными: идеология

прав человека, рынок, свободное гражданское общество и т.д. В общем, бесполярный мир — это тотальное торжество Запада, но без главенствующей роли США. Это мир, которым будут править глобальные западные элиты, глобальные олигархи. Об этом говорит Ричард Хаас из Совета по международным отношениям, которые разрабатывали базу трехполярности в эпоху своего становления. А Барак Обама провозглашает многосторонний проект — нечто среднее между бесполярным и однополярным миром. Это идея того, что США, оставаясь гегемоном западного мира, оставаясь супердержавой, передает частично свои полномочия тем странам, которые готовы следовать ее указаниям, — Европе, китайской олигархии и другим акторам, которые признают американскую повестку дня. То есть это и глобализация, и однополярный мир и предложение посоветоваться с кем-то еще на условиях США. Данный проект не имеет ничего общего с многополярностью, но сам язык, дискурс уже изменился. И здесь возникает интересный момент.

Многополярность продолжает оставаться ярлыком, неприемлемым для глобального западного дискурса. Уже есть однополярность, которая видится сзади, есть бесполярность и многосторонность. А многополярность остается табуированной, так как она предполагает четвертый полюс. И в последние годы мы сталкиваемся с интересным аспектом, когда западные эксперты начинают использовать наш термин — многополярность. Как, например, Энтони Гидденс стал использовать выражение «Третий путь», так и представители западной цивилизации начали использовать термин, который раньше всячески дискредитировали.

Когда мы начинаем знакомиться с новейшими изданиями западных авторов, где все больше и больше говорится о многополярности мы видим, что начиная с Параг Ханны до Катценштайна и даже Бжезинского под многополярностью имеется нечто удивительно напоминающее трехполярность. Мы имеем дело именно с трехполярностью, которая выдается за много-

полярность. Ведь уже не говорится о едином центре принятия решений, есть три полюса, которые вписываются в теорию многополярности. И в качестве этих трех базовых цивилизаций, например у Катценштайна, автора книги «Цивилизации в мировой политике» мы видим американскую, европейскую и китайскую. И дальше на основании этого строится модель многополярного мира, но, как и раньше, речь идет о двух версиях мироустройства. Хаусхофер и Куденхове-Калерги оперировали с четырьмя пространствами и неявно предполагали интеграцию вокруг Евразии, в то время как Трехсторонняя комиссия апеллировала к трем пространствам, а четвертое являлось объектом борьбы.

И в данном случае мы имеем дело с очень интересной эксклюзией, которая выражается в конкретном действии — в отказе России быть самостоятельной цивилизацией. В теории это очень четко прослеживается во всех публикациях о многополярности. Говорится, что Россия — это европейская страна с азиатским населением или что это православно-христианский народ с большим количеством мусульман. И объектом этой прямой экспансионистской атаки становится Россия как цивилизация. Евразийцы, которые утверждали, что Россия — это самостоятельная туранская и православная цивилизация — такая постановка вопроса отрицается. Не случайно в подробнейшей работе Катценштайна, вышедшей в 2012 г. тщательным образом описываются европейская, китайская, исламская, индуистская цивилизации, а о России вообще нет упоминания. Они следуют словом в слово за Хантингтоном, только выбрасывают славянско-православную цивилизацию из своих работ. И такая трактовка стала базовой идеей наших отечественных западников, которые говорят, что с Россией не нужно считаться. По их мнению, нужно смотреть на США, Китай и на Европу, а Россия — это второстепенная периферия. И из этого возникает определение России — что это периферия одновременно европейской и азиатской цивилизаций. И, соответственно, любая претензия

русских на цивилизацию на корню отвергается. Стоит русскому заявить о принадлежности к особому типу цивилизации, что мы являемся носителями уникального цивилизационного кода — это не воспринимается. И если мы не являемся цивилизацией, то о какой евразийской интеграции может быть речь? Это всего лишь ностальгия по империи, Советскому Союзу и «тюрьме народов». Соответственно, если мы не являемся цивилизацией, то у нас нет оснований для создания Евразийского союза. Значит наша политика — это не что иное, как неоколониализм, — говорят либералы.

Итак, произошел отказ от однополярности, принята модель многополярного мира, а четвертое пространство снова является исключенным из новой модели. Есть три полюса и наша страна, подлежащая разделу на сферы влияния между ними, на Запад и Восток, на христиан и мусульман. Данные попытки деления на славян и кавказцев, на русских и нерусских являются инструментом логической борьбы против четвертого полюса, и все, кто стоят на этой позиции являются врагами российской государственности. Это либералы, которые откровенно говорят о необходимости развала России, и еще две колонны внутри нашего общества — русские националисты, предлагающие утвердить российскую идентичность как западную, а также исламские сепаратисты и фундаменталисты, которые хотят оторвать исламскую составляющую от России и интегрировать ее в другое большое пространство. Эти три силы присутствовали и на Болотной площади, включая их идеологов, финансистов и активистов. Все эти носители трехполюсного мира, противоположного квадриполярному, в нашем обществе присутствуют. И большая геополитика имплазивно обращается внутрь нашего общества — Навальный и «Пусси Райот» становятся элементами сетевой борьбы против большого четвертого полюса, а их действия тут же подхватывают провокаторы неонацисты и ваххабиты. Эта системная модель направлена против тех, кто

утверждает самобытную идентичность русской и евразийской цивилизации, т.е. против нас.

А наша цивилизация обосновывается довольно простой формулой. У русской евразийской цивилизации есть два лица. Это Европа как православная Византия в качестве части Европы. Это своего рода граница нашего западничества, которая встречается и у Ф. Тютчева с идеей завоевания Россией Европы и восстановления Византийской Империи с русским православным царем, и у В. Соловьева, который предполагал, что Европа может объединиться с Россией, а во главе нового образования будет русский царь. Иными словами, наше допустимое западничество — это Византия.

Наша западная граница лежит по православному миру. Да, у нас могут быть и западники — это византисты, сторонники православной идентичности. А второе лицо — это Чингисхан. Так как Московское царство, а позже Российская Империя — это не что иное, как воссоздание Золотой Орды с дополнительными приращениями. И это настолько тесно определяет нашу историческую судьбу, что мы как носители туранской цивилизации во многих организационных, культурных, мировоззренческих вопросах не отличимы от Орды. Это авторитаризм туранской государственности, — когда мы полностью отдаем себя в руки вождя, но он должен вести нас к победам. Это требование к лидеру не быть частной личностью, а стать коллективной личностью, которая зачастую обожествлялась. Кстати, сам Чингисхан заимствовал идею создания земного царства у несториан-христиан, которые были в составе его войска. В общем, у нас есть два наследия — византийское как русское западничество и наследие Чингисхана с тюрско-монгольской государственностью. Оба, безусловно, присутствуют и формируют русскую цивилизацию с особой идентичностью, которая отлична от западной, т.к. у нас восточное христианство как минимум, и от Азии, так как эта составляющая у нас туранская и кочевая.

Евразийская византийско-туранская цивилизация, таким образом, является безусловным культурным, социальным, историческим и геополитическим фактом. Это то четвертое пространство, четвертый полюс, который и меняет всю картину. Если вокруг этой цивилизации мы сможем объединить постсоветское пространство, тогда будет настоящая многополярность, где будет свое место у Америки, у Европы, у Китая с Японией, а мы будем выступать как важнейший игрок на всех уровнях принятия решений, отстаивая свои интересы.

Поэтому квадриполяризм представляет состояние с минимальным количеством полюсов, которое мы должны отстаивать самым радикальным образом. Попытки лишить наш четвертый полюс его онтологического и дискурсивного статуса (т.к. дискурс — это также способ осуществления гегемонии) должны всячески пресекаться. Феномен квадриполяризма должен не только исторически обосновываться, наша задача — чтобы четвертый полюс был в будущем, это логика нашей истории и государства. Поэтому понятие квадриполяризма приобретает характер базовой идеологической установки, идейной борьбы за пан-идею Евразии.

В этой борьбе чрезвычайно важно наличие понимания сути евразийской идентичности как духовного начала. Евразия не должна распадаться в нашем сознании, анализе и исследованиях. Синтез Византии и Турана — это то, что должно обосновываться в нашей образовательной практике, медийной деятельности, научном сообществе. Евразийство должно стать догмой нашего нынешнего исторического этапа и патриотизма. Любой другой патриотизм, который не будет евразийским, сам по себе сомнителен.

Мы либо утверждаем квадриполярность, либо нас просто не будет. Но квадриполяризм — это не последнее слово. Полюсов должно быть не меньше, чем четыре. Вполне возможно, что латиноамериканская, исламская и африканская цивилизации сложатся в нечто самостоятельное. А кто будет говорить

только о трех полюсах это должно восприниматься не иначе, как попытка перетолковать и украсть у нас будущее. С теми, кто отстаивает данную позицию, мы не будем продолжать диалог. Если они уже начали перетолковывать наши термины, то они подтвердили свое поражение, что является и символом нашей победы.

Добреньков В. И.

ПОЛЮСА И СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Если рассматривать современные геополитические тренды, то главным из них будет гегемония Соединенных Штатов Америки в мире. Она и определяет направление всех международных отношений, хотя сейчас и формируются силы, противостоящие этому основному тренду. Они могут противостоять в виде полюсов, о которых говорил А.Г. Дугин, но, как мне кажется, нужно учитывать одну вещь. Я хотел бы обратиться к марксистской теории, которая рассматривает все противоречия в мире как противоречие между капитализмом и социализмом. Это и есть главное противоречие той нашей эпохи, которая также определяла всю архитектуру международных отношений. Мы часто забываем об этой специфике. Ведь те страны, которые определяют полюс, являются еще и определенным типом социальной системы. Всё-таки капитализм, существующий в мире,

В. И. Добреньков

находится в стадии империализма, что уже в своё время было описано мыслителями прошлого столетия. Причем, это последняя стадия капитализма, предшествующая его гибели, и в то же время мир, в лице разных стран, сопротивляется этой гегемонии.

Для примера рассмотрим Россию. И поставим вопрос — какой социальный строй в России? Мы ведь построили олигархический капитализм. И в данном контексте и перед Россией, и перед США стоит вопрос поиска и

организации экономической, социальной и духовной сферы общества. Получается, что у нас сейчас нет никаких идеалов и какой-либо программы. А у Китая они есть. В Китае строят социализм, т.е. общество, которое по своей природе антагонистично американскому и, в этом смысле, они больше всего противостоят ему. Мне кажется, что мы сейчас должны присоединиться к Китаю, а не Китай к нам. На мой взгляд, Китай — это будущее человечества, потому что они не отказались от своей идеи. Если заканчивается эпоха капитализма, перед миром стоит вопрос о будущем типе социальной системы. И кроме социализма я не вижу никакой другой системы. Хотя Запад сделал все возможное, чтобы скомпрометировать социализм.

Нельзя построить общество, не опираясь на теорию. Я являюсь сторонником многополярного мира, но борьба в мире всегда осуществляется между двумя полюсами, один из которых — либерально-империалистический капитализм в лице США и их сателлитов, а другой— это страны, которые не хотят строить капитализм американского типа, обреченный на гибель. И этот процесс упадка американского общества уже пошел. Многие американские социологи это подтверждают и предрекают свою гибель. Что будет с Россией тоже не известно, но если мы будем продолжать строить капитализм— она перестанет существовать как государство, начнется распад территории. Поэтому главная задача сейчас — не только отстаивать квадриполярный мир, но искать выход из сложившегося тупика. Когда будет союз мощных государств (Бразилия, Венесуэла, Россия и т.д.), тогда мы сможем противостоять агрессивным тенденциям Запада.

Мелентьева Н. В.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОДНОПОЛЯРНОЙ ГЕГЕМОНИИ: ОБ АРСЕНАЛЕ КОНТР- ГЕГЕМОНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Антонио Грамши — учение о гегемонии

В евразийском подходе к теории многополярного мира принципиальным является тезис А. Грамши о том, что всякая власть опирается как на насилие и принуждение, обеспеченные политической и экономической властью, так и на согласие, консенсус массы населения, за которыми стоит доминация гуманитарного дискурса.

Согласно Грамши, захват политической власти и собственности как ее экономической основы автоматически не гарантирует стабильности власти. Ситуацию, при которой достигается достаточный уровень согласия, Грамши называет гегемонией. Гегемония — не застывшее состояние, а непрерывный динамичный «молекулярный» микропроцесс, протекающий не в открытой классовой борьбе, а по законам невидимого столкновения, изменения или сохранения представлений, настроений, мнений в коллективном сознании.

В этом процессе государство с его бюрократическим аппаратом является лишь внешней, грубой силой гегемонии, «об-

К. ф. н. Н. В. Мелентьева

леченной в броню принуждения», но при этом не самой эффективной. Подлинным тонким телом гегемонии, обеспечивающим стабильность или провоцирующим слом общественного механизма, является то, что называется «культурным ядром» общества. Это доминирующий мировоззренческий дискурс, включающий в себя долговременные цивилизационные приоритеты и ценности (традиции и предрассудки, образы и символы, представления о человеке и космосе, добре и зле, справедливости и дисгармонии, традиции и новаторстве), и транслируемый различными общественными группами— активными и пассивными носителями коллективного сознания, коллективной воли сообщества.

Устойчивость или подрыв, разрушение этого «культурного ядра» есть условие успешности или неуспеха социальной революции. Как отмечалось, и поддержание, и размывание этого культурного ядра есть «процесс малых токов», микропроцесс, своего рода, ползучая революция диссолюции или артикуляции дискурса. Она обеспечивается тем, что в современной антропологии называется «плотным описанием» социо-культурной ситуации, созданием массивов пространства истин— верований, которые за счет бесконечной повторяемости, тиражируемости образуют высокую концентрацию узнаваемого и широко разделяемого содержательного пространства.

Высокая плотность дискурса, как правило, обеспечивается значительным массивом материалов— книг, брошюр, статей в прессе, коллоквиумов, семинаров, лекций в различных высших и средних учебных заведениях, разговоров, передач, обсуждений на радио, телевидении и в интернете, создающих как формы высокого интеллектуального топоса, так и контуры обыденного сознания массы. С точки зрения А. Грамши главными лицами, агентами поддержания или диссолюции дискурса являются, с одной стороны, так называемая «традиционная» и, с другой, оперативная или «органическая» интеллигенция. При этом последняя обслуживает правящий класс за вознагражде-

ние, быстро перестраиваясь под запросы текущего момента и действуя оперативно, в то время как «традиционная» интеллигенция сохраняет относительную укорененность в многовековой культурной традиции и верность типу культурного и исторического развития нации, менее активно идет на прямое и циничное сотрудничество с властью, ориентируясь на духовные приоритеты как ценность. Подобная «традиционная» интеллигенция представлена прежде всего церковнослужителями, академическими учеными, философами, преподавателями вузов, школ, некоторыми представителями творческих кругов, писателями, режиссерами, актерами и т.д.

Борьба за дискурс

В такой ситуации следует признать важность грамматической формулы о том, что включенность массы в доминирующий дискурс властной элиты есть результат гносеологической и общекультурной работы определенных компетентных групп: «органической интеллигенции», которая включается в существующий политический порядок, разделяет его основные тезисы и транспонирует властные стратегии в культурные и мировоззренческие коды, создавая или транслируя то, что называется «обыденным сознанием», миропереживанием, «здравым смыслом», «философским фольклором». В то же время оппонировать этому процессу иные группы интеллигенции, среди которых, помимо вышеназванной «традиционной интеллигенции», существуют иные группы, целенаправленно работающие на разрушение доминантного дискурса.

В центре сражения за многополярный мир стоят интеллектуалы, владеющие арсеналом деконструкции современного однополярного господствующего дискурса (и его вариантов), то есть выявления его рукотворного, ситуативного, локального во времени и пространстве статуса, его парадигмального, то есть изменяемого— создаваемого и разрушаемого— характера. Иными словами, существует контр-элита или контр-интеллигенция,

контр-интеллектуалы, носители контр-гегемонистского дискурса, которые в условиях доминации одного дискурса могут выступать суверенами создания альтернативного дискурса, особенно в тех случаях, когда господствующий дискурс искусственен, навязан извне и не соответствует культурным кодам и традициям данного цивилизационного образования. Такой контр-элитой, контр-гегемонистской группой в современных условиях мы считаем евразийское интеллектуальное сообщество, концентрирующееся в России вокруг партии «Евразия» и «Международного Евразийского Движения».

Теория многополярного мира еще не является полноценной, развитой и универсально принятой теорией. Евразийское сообщество интеллектуалов находится на концептуальных подходах к этой теории. Но следует отметить, что евразийские теоретические арсеналы очень внушительны.

Потенциал русской мысли для теории многополярности

Если обратиться к русской мысли XIX века, то там блистательно разработана тема множественности культур и цивилизаций, а также тема альтернативности русской и евразийской цивилизаций по отношению к другим, и в частности, к западно-европейской. Здесь можно сослаться на славянофилов, указать на гениальные разработки Николая Данилевского, Константина Леонтьева, русских евразийцев XX века, в частности, Петра Савицкого и Николая Трубецкого.

В русской мыслительной традиции XIX века гениально разработана тема специфики западноевропейской цивилизации как неединственной и несовершенной, в каком-то смысле дефектной, имеющей множество злых и скучных сторон — вспомнить хотя бы остроумное рассуждение К. Леонтьева о красоте и фееричности восточного турецкого костюма в сравнении с убогой серостью, одномерностью и скукой европейского платья для присутственных мест — своего рода метафору соотноше-

ния принципов западного рассудочного индивидуализма и восточного многомерного красочного холизма.

Интересны русские рассуждения о западной цивилизации как о необязательной к исполнению, в том смысле, что само развитие общественных организмов является нелинейным, многомерным, идет параллельными путями, а не путем однонаправленной единой последовательности культур, не столбовой дорогой цивилизации. Все эти блески русской мысли евразийские интеллектуалы считают своим бесценным наследием и арсеналом.

Постмодерн как союзник

Еще одним источником евразийских рассуждений о многополярности является постмодерн, который релятивизировал историю, представив ее как смену парадигм, «больших рассказов», своеобразных рукотворно-нерукотворных мифов, то есть властных дискурсов, обладающих вполне конкретной темпоральной и пространственной привязкой и, в конечном счете, подлежащих деконструкции.

Исследование фазового перехода от модерна к постмодерну, фундаментально проведенное в рамках евразийского дискурса, вскрыло основания модерна как доминирующей парадигмы последних столетий и позволило рассматривать, казалось бы, еще недавно консенсусные принципы прогресса, научности, рациональности, индивидуализма, демократии, приоритета западной цивилизации и отсталости других народов как искусственные и релятивные онто-гносеологические построения, подлежащие деконструкции и выявлению лежащих в их основаниях человеческих устремлений, интересов, типов поведения, способов освоения мира.

В этом отношении чрезвычайно полезными в евразийском дискурсе являются размышления Фридриха Ницше и Мартина

Хайдеггера о властном характере гносеологии в том виде, как она сложилась в западноевропейском сообществе.

«Знание-сила» — тезис Френсиса Бэкона начала Нового времени. Знание как «воля к власти» («Wille zur Macht») — тезис Ницше. «Forsetzunge Durchsetzung», «преднамеренное навязывание» или «Forstellung», «постав» — идея Мартина Хайдеггера. Внимание евразийских интеллектуалов к концепциям бытия, знания, сущего у Мартина Хайдеггера было абсолютно неизбежным с точки зрения выстраивания аргументации в пользу идеи очень специфической по мировым меркам и исключительной судьбы западноевропейской технической цивилизации. Ведь «Forsetzunge Durchsetzung» — это навязывание миру воли человеческого действия, человеческого интереса по изъятию сущего из бытия. Хайдеггер глубочайшим образом отслеживает, как западноевропейская мысль, начиная с Платона, проходит путь от живого контакта с бытием, как у досократиков, к механическому, искусственному взаимодействию с сущим и к утрате бытия и богов в современной западной философии. История техники рассматривается Хайдеггером как история одномерной манипуляции с сущим. Нас интересуют стратегии взаимодействия западного человека с бытием и сущим, гениальные хайдеггеровские прозрения относительно властного манипулирования западной ментальностью и практикой с бытием.

Тематика искусственного выстраивания онтологии и приоритета воли и «воли к власти» в гносеологических и практических стратегиях отношения человека с миром дает нам взгляд в глубину проблематики и позволяет обоснованно критиковать стратегии западной одно-, двух- и трех-полярности.

На идее Хайдеггера о преднамеренном навязывании, Forsetzunge Durchsetzung — идее своего рода предрешенчества человечества западного сектора мира относительно того, как он видит, понимает, ассимилирует, включает в свое пространство мир, как он его обрезает, кроит и сшивает заново — основано все европейское учение о бытии.

Другими словами, в основе западноевропейской онтологии лежит своеобразное гносеологическое и онтологическое предрешенчество, можно сказать, гносеологическая выкройка, своего рода гносеологическая манипуляция. И именно поэтому евразийское отношение к стратегиям западноевропейской цивилизации как к универсальным стратегиям человечества чрезвычайно осторожно и скептически. Признавая темпоральную и пространственную, то есть локальную обоснованность, приемлемую в цивилизационных пределах западной ойкумены, мы отказываем западной парадигме в универсальности и вселенской общезначимости.

Далее, евразийский контр-гегемонический дискурс строится на глубоком и пронизательном предложении Мартина Хайдеггера западному человечеству выстраивать новую онтологию, искать пути и тропы к потерянному бытию. И одновременно с этим мы предвкушаем и глубоко убеждены, что другие цивилизации, другие народы выстраивают иные траектории смыкания и размыкания человеческой реальности и Бытия. И поэтому мы готовы к исследованию многообразия того, что Хайдеггер назвал «дазайн», и признаем плюрализм человеческого бытования или пребывания в мире, плюрализм специфической человеческой реальности «вот-бытия».

В условиях доминанции дискурса однополярности, гегемонии однополярного (двух— и трех— полярного) мира, который использует не только силу, но и убеждение и добивается определенного согласия масс на собственные стратегии, евразийцы активно и даже агрессивно вводят понятие «контр-гегемонии».

Следует отметить, что евразийские стратегии деконструкции идеи западной монополярности глубоко эшелонированы не только в русском, но и в самом западноевропейском контексте. Здесь можно опереться на французских постструктуралистов, и в частности, на Ж. Деррида, с их терминами «counter-hegemony» (в этом термине присутствует смысл «сведения счетов», который нам очень приятен).

Надо понимать, что те, кто испытывают гегемонию, обычно не ведают о том, что они ее испытывают. Гегемония есть там, где согласие с властным дискурсом является неосознанным, неотрелективированным.

Контр-гегемония предполагает высокую степень отрелективированности относительно искусственности и навязывания гегемонического дискурса, то есть предлагает наличие критической теории в отношении гегемонистского процесса и сохранения высокой степени субъектности в рамках теории.

Мы говорим о плотной, насыщенной субъектности контргегемона.

Ведь мы находимся на пороге теории многополярного мира, что предполагает мощнейшие предварительные деструктивные усилия против гегемонического навязывания однополярного, а теперь уже и двух— и трех-полярного мира. Дело в том, что западные элиты, «органическая интеллигенция» (по Грамши), обслуживающая власть, уже перехватила идею многополярности в удобном для нее варианте— двухполярности или трехполярности, с тем, чтобы исключить, проигнорировать евразийский полюс как самостоятельный в новом мировом раскладе.

Если быть максималистами, то мы, евразийцы, разумеется, за многополярный мир, с большим числом полюсов, равным числу потенциальных цивилизаций. Но в современной ситуации мы поднимаем на щит лозунг момента— «квадриполяризм», «четыреполярный мир,» в который заведомо включен евразийский полюс, которого теперь не просто выкинуть из контекста.

О субъекте контргегемонии

Мы понимаем необходимость экзальтации субъектности контргегемонии в пространстве современного мира. Как отмечалось, речь идет о насыщенной плотной субъектности, о консолидированной группе и о консолидированном продукте этой

группы, о масштабных исследованиях, о создании высокотехнологичного продукта, многостороннего тиражирования евразийского дискурса, создания культурного обрамления качественных философских поисков в виде литературных произведений, кинопродукции, клипов, рекламных роликов, книг— и другой арт-продукции.

Но при акценте на субъектный полюс можно параллельно теоретически наметить еще один путь развития дискурса— тематику о возможности контр-гегемонического дазайна.

Тезис о полюсе субъектности и тезис о бессубъектном дазайне как предонтологической базе цивилизаций и культур противоречат друг другу. Однако наш дискурс и не должен быть гладким. Точнее, догматических решений быть в нем не может. И поэтому мы с удовольствием принимаем к рассмотрению контроверзу: либо гегемония бессубъектна, развоплощена и понимается как реальность несопоставимая с единичным или коллективным субъектом как носителем дискурса, либо мы рассматриваем поляризацию дазайна, принимаем его неравновесность и фиксируем субъектность гегемонии и тогда говорим о субъекте как носителе эпистемы или мифемы... Это тема для обсуждения, которая, например, дискутируется американскими политологами Коксом и Эшли: либо гегемония бессубъектности, развоплощенного дискурса, либо создание неравновесной системы дискурса с элементами субъектного насилия.

Далее, если мы говорим о «дазайне», встает тема его единственности или множественности. «Дазайн», в понимании Хайдеггера, как реальность человеческого уникален. Но если рассмотреть «дазайн» как реальность «вот-бытия» коллективного субъекта— племени, народа, этноса, нации, то мы получим множественность, соцветие «дазайнов». Это еще одна тема евразийского контр-однополярного дискурса. В этом случае в рамках Теории Многополярного Мира (ТММ) можно получить очень интересную картину взаимодействующих «дазайнов» разного качества. Их равноправие или выстраивание в опре-

деленной иерархической соподчиненности по логике контргегемонии.

Одновременно мы знаем, что из разных «дазайнов» могут рождаться различные логосы, различная морфология речи, разные властные дискурсы и властные отношения. Соотношение логосов и «дазайнов» — это еще одна тема евразийского контр-однополярного дискурса. Здесь ценным вкладом является книга А. Дугина «В поисках темного логоса» о подходах к альтернативной рациональности.

Если все же сделать акцент на субъектности дискурса контргегемонии, что в настоящих условиях является предпочтительным и неизбежным, если мы хотим выиграть сражение с однополярностью, то следует опираться на неравновесный дискурс с акцентом на субъект контр-гегемонии и, соответственно, на концепт «воли к власти». Иное дело, что воля к власти в многополюсной системе может быть конфигурирована по-разному: каждый субъект может реализовывать свой тип воли к власти, плюральность «Wille zur Macht». И вновь возникает идея того, что из разных «воль к власти» будут рождаться разные дискурсы, логосы и культуры, разные властные отношения.

Мы — за цветущую сложность. Мы стоим за различные полюса, конфигурации власти, политических отношений, политических дискурсов и политических дазайнов. Квадрополяризм — это не конечный пункт нашего теоретического размышления. Это ответ, контр-удар .

Если же вернуться к концепции «Радикального субъекта», составляющей стержень евразийского размышления последних лет, то мы увидим определенную несовместимость этой концепции с концепцией «дазайна».

Как уже отмечалось, дазайн предполагает демонтаж субъектности. Радикальный субъект предполагает, напротив, постоянное горение в человеке субъектного полюса, жесткую упряжь субъекта в ноуменально-онтологическую схему, как у Платона в концепции «зюгона».

Но и это не должно обескураживать. Мы на подступах к теории многополярного мира. Здесь нет догматических решений. Наоборот, мы можем и должны обострить конфликт понятий, мы— революционеры контр-гегемонии. Мы можем и должны жить в состоянии конфликта, противоречия, несчастного сознания, где концы с концами подчас не сходятся. Болезненность проблематики интереснее применения готовых решений. Именно в «максимально рискованном риске» мы добываем золото возможного решения. Именно в гносеологическом сдвиге, в прыжке вверх или в сторону мы сможем вступить в Событие, Эрайгнис.

Бовдунов А. Л.

РОССИЙСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. РОССИЯ КАК КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОЛЮС

Современная западная аналитика, как правило, очень неохотно, если вообще признает за Россией роль центра силы или особого полюса в формирующемся многополярном миро-порядке. Это можно назвать точкой своеобразного консенсуса между теми, кто готов признать формирующийся миропорядок бесполярным, надеется на коалиционное вовлечение России в орбиту Запада, оглашает бравурные тезисы об американской империи и новом американском веке и теми, кто вынужден при-знать, что мир в ближайшее время станет многополярным. В значительной степени это проекция wishfull thinking западных экспертов. Непрерывающаяся борьба с Россией, в том числе и на западном фланге СНГ с опорой на режимы и часть правящих элит стран Восточной Европы говорит скорее об обратном. Рос-

А. Л. Бовдунов

сия представляет опасность для однополярного мира, и с ней продолжают бороться. Для Восточной Европы это тем более актуально, что присутствие, наличие, осознание присутствия России является важнейшим элементом идентичности и геополитической истории региона, культура и государственность многих народов которого складывалась

или прямо в темном соприкосновении, длительном контакте (и столь же длительной конфликтной историей), или во всяком случае не без влияния России, то притягиваясь то отталкиваясь от нее. Для восточноевропейцев Россия есть всегда, (даже если России в нем «нет», если интерес России к стране и региону незначителен), не важно, под каким знаком оценивается это присутствие.

Сегодня отсутствие полномасштабного российского проекта для Восточной Европы, затрудняет проведение активной внешней политики России в этом регионе. Восточная Европа воспринимается зачастую либо только как «санитарный кордон» между Россией и Германией, как традиционная сфера влияния США, а страны Восточной Европы, прежде всего, Польша и Румыния как извечные противники России, либо как просто продолжение Европы Западной или германской Средней Европы. Обе точки зрения неверны.

Восточная Европа отличается цивилизационным своеобразием, подкрепленным историческими, религиозными и культурными особенностями, что заставляет отделять страны этого региона как от Западной и Средней Европы, так и от пространства «Русского мира», «России-Евразии» и в то же время политически и культурно связана с этими двумя пространствами. Как во внешнеполитической традиции восточноевропейских стран, так и в предлагаемых нашими современниками проектах ее геополитической организации наблюдается противостояние атлантистских и континенталистских проектов, русофильских и русофобских тенденции, позитивного восприятия современной международной системы и ее отвержения, вместе со всей социокультурной парадигмой, навязываемой Западом. Современный атлантистский вектор восточноевропейских стран не безальтернативен.

Фиксируемое в современной Восточной Европе сопротивление ценностям толерантности, защиты прав меньшинств, мультикультурализма в их западноевропейском и североамериканском

риканском выражении, являются как раз тем, что и делает актуальным представление о цивилизационном различии между Восточной и Западной Европой. Как отмечает один из ведущих представителей конструктивистского подхода в современной социологии международных отношений Питер Катценштайн, цивилизации, как символические комплексы, существующие в основном в сознании людей, могут проявляться в политической сфере, «политически материализоваться» при определенных обстоятельствах, в частности при взаимодействии с другими цивилизациями¹. Они проявляются при столкновении с другими культурами, их нормативами, ценностями, носителями этих ценностей и нормативов. Реакция общественности на гей-парад в центре Берлина или Варшавы, или Белграда будет разной. В одном случае согласие в целом с постхристианской и практически постчеловеческой повесткой дня, с нормами и ценностями современного западного общества, в другом отторжение и этих ценностей, а значит и их цивилизации, этой версии Европы.

Важным представляется утверждения о множественности Европ. По меньшей мере в сознании европейцев существуют две Европы, собственно Европа и ее восток, описанный по всем правилам ориенталистского дискурса. В 2003 году французский политолог Dominique Moïsi задал на страницах Форин аффайрс риторический вопрос не пришли ли мы от мира, в котором были две Европы и один запад, к миру в котором существует одна Европа и два Запада². Последующая речь Рамсфельда и провозглашение «Новой Европы» на Востоке, трудная интеграция Востока и его растущий евроскептицизм, исследования на эту тему самих западно и восточноевропейцев, позволяют признать, что он был прав лишь в части множественности понятия «Запад». Но не в части единства Европы.

¹ Katzenstein P. *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. London, UK: Routledge, 2010. P. 6-7.

² Dominique Moïsi. *Reinventing the West* // Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/59367/dominique-mo%C3%83%C2%AFsi/reinventing-the-west> (дата обращения — 20.09.2011).

Европа двойственна, хоть многие стараются и не замечать это, в первую очередь сами западноевропейцы и восточноевропейские модернизаторы, ликвидирующие вышеупомянутый цивилизационный зазор, а вместе с ним и культурное и цивилизационное своеобразие восточноевропейских стран репрессивными по сути практиками «воспитания», «оцивилизовывания», создавая специфические отношения властного характера между двумя частями Европы.

Переформулирование дискурса Восточной Европы, лишение его негативной коннотации, положительная оценка цивилизационных отличий восточноевропейцев от Европы Западной, с опорой на соответствующие восточноевропейские теории (например, идею «Третьей Европы» Т. Замфиреску, традиционалистской культуры Боснии как альтернативы для Европы и мира в целом Р. Махмутчеаича, возрожденный венгерский туризм в версии партии «Йоббик»), должно стать смысловой осью проекта независимой, Великой Восточной Европы, как ответ на колониалистские стратегии, связанные с «восточноевропейским» и «центральноевропейскими дискурсами. Только такой проект, где отвергается устоявшиеся вокруг геополитических образов Центральной и Восточной Европы представления о восточноевропейцах как европейцах второго сорта, всегда обязанных подтверждать перед западом свое право на европейскость и представление о России как значимом Другом, главной оппозиции, дает шанс на строительство российско-восточноевропейских отношений по настоящему нового типа. Greater Eastern Europe Project не может не прийти и к деконструкции территориализации прежних властных дискурсов, как расширяя поле своего охвата на такую страну как Греция, так и разделяясь внутри себя самого на множество новых проектов.

Для корректной выработки российского проекта для Восточной Европы необходимо опереться как на уже существующие проекты и общественные тенденции, имеющие место в восточноевропейских странах, так и рассмотреть принципиальные

провалы и недоработки атлантистских проектов для Восточной Европы. С точки зрения национальных интересов России, недвусмысленно провозгласившей в собственной Стратегии национальной безопасности до 2020 года, а также в Концепции внешней политики движение в сторону многополярного мира своим стратегическим приоритетом¹, рассмотрение многополярных геополитических проектов, созданных интеллектуалами геополитически важного региона Восточной Европы, могло бы стать одним из шагов на пути институционализации такой системы. Необходимо налаживание диалога с такими научными и общественными кругами. Российский проект для Восточной Европы, если он хочет быть близким и понятным для восточноевропейцев, должен опираться на уже существующие проекты многополярного мира, возникающие в интеллектуальных кругах региона, а также на ожидания широких слоев населения, выраженные в поддерживаемых ими лозунгах национал-популистских движений.

Российский проект для Восточной Европы не может изменить геополитический баланс, не меняя данную ситуацию, то есть, не ликвидируя базис для данных властных практик, кроме того, сама приверженность идее многополярного мира, отмеченная в российских внешнеполитических документах обязывает принимать во внимание, сохранять и поддерживать культурное своеобразие мира. Восстановление в достоинстве незападноевропейских культур означает, в том числе, и понимание и осмысление культур Восточной Европы такими, какие они есть, во всем их, обусловленном уникальной историей своеобразии, и отвержение прокрустова ложа «европейскости» или «современности». Западная наука, в наиболее передовых своих проявлениях в социо-гуманитарной сфере давно уже легитими-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения — 20.09.2011); Концепция внешней политики РФ [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/785> (дата обращения — 20.09.2011).

зировала опыт незападноевропейских цивилизационных моделей, отказываясь признавать их «варварскими».

Но до сих пор западноевропейский и североамериканский геополитические проекты, игнорируя последние парадигмы социальной и структурной антропологии, социологии, историографии и культурологии основывают свое могущество именно на распространении своего культурного кода как универсально-го. А. С. Панарин отмечал: «Если иметь в виду западную идеологию, посредством которой «передовая часть человечества» осуществляет процедуру идентификации — оппозиции (создание собственного образа и отличие от других), то здесь старая дихотомия «цивилизация-варварство» продолжает сохраняться. Собственно, на ней основывается вся теория модернизации, являющаяся методологической базой международной политики Запада, деятельности Международного Валютного фонда, Банка реконструкции и развития, транснациональных корпораций — всей инфраструктуры, посредством которой осуществляется гегемония индустриально развитых государств в современном мире¹».

Противостоять этой гегемонии можно лишь подрывая сами ее основы, то есть, научным образом вскрывая властную суть европейского дискурса, и выстраивая собственный контргегемонистский проект на основе признания плюральности и самоценности всех цивилизационных проектов, всех исторических путей развития народов и их традиционных ценностей. То есть, восточноевропейский проект быть проектом ценностным, традиционалистским, что открывает широкую основу для взаимодействия с обществами восточноевропейских стран. И тогда, как ни парадоксально, российский геополитический проект для Восточной Европы будет опираться на наиболее современные теории в сфере социогуманитарного знания.

Суммируя вышесказанное, опираясь на историческую традицию русской геополитики применительно к Восточной Ев-

¹ Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. М., 1996. С. 91.

ропе, геополитические проекты и общественные тенденции в восточноевропейских странах можно обозначить главный смысловой блок российского проекта для Восточной Европы:

**Идея «Восточной Европы» как одного из центров
(вместе с Россией) ценностной альтернативы
«современному миру» в условиях кризиса чувственной
цивилизации Запада**

Столкновения теории социокультурной динамики, те вызовы, с которыми сталкиваются восточноевропейские общества, идентичны тем, с которыми сталкивается и Россия. Как отмечает В.И. Добренков, постсоциалистическое общество, выйдя из идеационной фазы, «проскочило идеалистическую и сорвалось в чувственную культуру»¹. Общность проблем вполне может быть конвертирована в концептуальную общность их решений и в виде «мягкой силы» — в геополитический ресурс, если Россия предложит иную цивилизационную альтернативу, нежели та, что предлагается Восточной Европе в рамках западной социокультурной суперсистемы, принадлежность к которой определяет и геополитическую ориентацию на ее центр — США. Принятие социокультурной системы современности обществами Восточной Европы, присоединение к суперсистеме, где в качестве базовых ценностей выделяются «демократия, права человека, этика и нормы предпринимательской деятельности»² означает ценностную ориентацию на Запад и сближение с ее историческим центром, где данный тип проявляет себя наиболее долго и интенсивно, то есть с США, где находятся основные продуцирующие центры данной культуры³. Отвержение, чувственной социокультурной

¹ Добренков В.И. Кризис нашего времени в контексте теории социокультурной динамики Питирима Сорокина // Русское Время. Журнал консервативной мысли. 2010. Январь-март. №1 (2) С. 4-11.

² Мнацаканян М.О. «Нации: психология, самосознание, национализм (интегральная теория). М.: Анкил, 1999. С. 95.

³ Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001. С. 23.

системы современности в геополитическом плане будет означать и выбор антиатлантического геополитического вектора. Положительную роль тут должны сыграть, как ни парадоксально, элементы ориенталистского дискурса, в котором за «Востоком» зарезервировано измерение духовности и мистицизма. Сохраняющееся частично представление о России как источнике духовности, к которой нужно относиться с уважением, может быть как нельзя кстати¹. Запад же будучи во многом источником духовного кризиса современного общества, как отмечает ведущий современный румынский социолог Илие Бэдеску, не может предоставить восточноевропейцам никакой перспективы в этой области².

В рамках этого блока геополитическими союзниками России становятся все силы национал-популистской ориентации в публичном пространстве восточноевропейских стран которые уже сейчас выступают за многополярность и консервативную альтернативу современному Западу, и что еще важнее, те слои общества, выразителями настроений которых они являются. Работа с политическими партиями, НПО, молодежными организациями, работа в сфере медиа, публичная дипломатия должны быть приоритетными методами работы на данном направлении. В условиях экономического кризиса, разочарования в западных институтах и ценностях, поддержка этого вектора, поиск альтернативы современному пути Европы будет усиливаться. Также союзниками России могут выступить религиозно-ориентированные слои населения и их политические организации.

А. Тойнби отмечает, что, например, для национальной идеи Польши характерно представление о себе как форпосте западного христианства, защищающего его от православной России и мусульманской Турции. С этим Противостоянием, ответом

¹ Зарицкий Т. Российский дискурс в Польше. Образ России в конструировании польской идентичности /Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2002). СПб., 2006. С.76

² Badescu I. Noology. The Knowledge of spiritual order in the world, the system of noological sociology. Bucharest, 2010. P. 394.

на православный и мусульманский вызов связан расцвет Речи Посполитой, приходящийся на XV-XVI век¹. Современную внешнюю политику Польши в отношении России и своих восточных соседей можно расценить как стремление искусственно продлить эту тенденцию в условиях когда предъявляется совсем другой вызов. При этом, несмотря на серьезную роль католической идентичности в польском национальном самосознании тот Запад, который она защищает, давно не является ни христианским (но секулярным), ни католическим (если говорить о талассократических США и Великобритании). Тем более что со стороны России никакой угрозы «христианскому миру» сейчас не исходит. Реальный вызов христианству исходит из центра социокультурной системы современности, он же центр талассократии, т.е. США и связан с тенденциями глобализации, распространением идеологии «прав человека», толерантности и т.п. Решением «польского вопроса», так волновавшего Данилевского, может быть только переориентация Польши на борьбу с реальной угрозой христианству, исходящей не с Востока, но с Запада. Только ответив на этот реальный (а не симуляционный, как в случае антироссийской политики) вызов согласно концепции «Вызова-Ответа» Тойнби, Польша сможет утвердить себя в новой исторической ситуации и вписаться в геополитический проект «Великой Восточной Европы» в качестве одной из главных его опор. В этом случае «пястовская» стратегия польской геополитики получает духовно-ценностное подкрепление (преимущество, которым ранее пользовалась стратегия «ягеллонская»). Такая же стратегия может быть предложена Румынии с ее «геополитикой православия» и другим странам, в национальном самосознании которых религиозный фактор играет значительную роль.

С точки зрения Дж. Най, «мягкая сила», опирающаяся на культуру, идеи, ценности, возможна, только если существует возможность объяснить другим акторам международных отношений, что они хотят того же, что и использующая этот

¹ Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 158.

ресурс держава¹. Сегодня обществам России и Восточной Европы предъявляются схожие вызовы и инстинктивные реакции защиты традиционных ценностей показывают, что они хотят во многом одного и того же. Мягкой силой России может быть роль консервативного центра, идейной оппозиции современному мировому порядку, западноевропейскому или американскому Западу.

**Достройка основных геополитических осей,
ориентированных на Россию в Восточной Европе с учетом
ряда новых факторов, переоценкой значения Турции и
усилением мусульманского фактора в регионе.**

Дополнение фундаментальных положений А.Г. Дугина

Традиционное неприятие немецкой гегемонии в регионе, свойственное чехам и словакам, а также и полякам, усугубленное к тому же вопросом о выселенных после Второй мировой войны немцах, требует осторожности в рассмотрении этих стран как зоны влияния Германии. Россия может выступить в качестве гаранта их суверенитета и как покровитель славянства в целом в его отношениях с Германией и Венгрией. Частичное восстановление панславистской идеи и использование ее идеологического потенциала на этом направлении в соответствии с концепциями О. Крейчи и С. Хелемендика может послужить идейным обоснованием такой политики.

С учетом геополитической концепции Л. Сыкульского о создании континенталистской оси Париж-Берлин-Варшава-Москва-Анкара-Рим должна быть переосмыслена роль Польши в Восточной Европе². Также определенные тенденции во внешней политике Турции позволяют построить геополитическую ось «Москва-Анкара» и отказаться от негативного восприятия

¹ Единство Запада и трансатлантическая безопасность — перед лицом испытаний. Публикация №4 Центра им. Дж. Маршалла. М., 2002. С. 5.

² Гулевич В. Leszek Sykulski, «Ku Nowej Europe:perspektiva związku Unii Europej I Rosji». С.111-112.

турецкого фактора в регионе¹. Геополитические концепции М. Франчишковича и Ю. Вуича требуют переосмысления роли Хорватии на Балканах. Присоединение хорватского Римланда к Срединной Европе требует дополнения ромба София – Москва-Белград-Афины — София осью Москва-Берлин-Загреб. Учет Анкары, как потенциально континентального геополитического фактора и Ирана как центра исламского сопротивления «Новому Мировому Порядку» делает возможной ось Москва-Анкара-Сараево и Москва-Тегеран-Сараево. В то же время, принципиальное понимание того, что Россия сама может выступать в качестве центра евразийского суфийского ислама, делает принципиально возможным и прямое сближение с исламскими странами региона, особенно в условиях того, что, например, в Албании и в особенности в Косово, несмотря на принесенную на натовских штыках «независимость» власти предпринимают все усилия по «вестернизации» и деисламизации стран, запрещается ношение хиджабов в школах, отказывают мусульманам в строительстве мечетей², усиленно пропагандируют католичество как основной элемент новой албанской идентичности³ (хотя католичество является только одной из трех традиционно исповедуемых албанцами конфессий, наряду с исламом и православием).

3) Российский геополитический проект для Восточной Европы должен учитывать этническую раздробленность региона и существующие проблемы в отношениях между этносами, народами и нациями в регионе.

Невозможно адекватно оценивать серьезные геополитические изменения, не принимая в расчет этнические процессы, ко-

¹ См.: Дугин А.Г. Ось Москва-Анкара. Евразия. Информационно-аналитический портал. [Электронный ресурс] URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2093>

² Police Uses Force Against Muslim Protesters in Kosovo. Islam in Albania [Электронный ресурс] URL: <http://www.islaminalbania.com/2011/06/police-uses-force-against-muslim.html> (дата обращения — 21.08.2011)

³ Sinani B. Mirroring Europe among Muslims in the Balkans. Islam in Albania [Электронный ресурс] URL: <http://www.islaminalbania.com/2011/08/mirroring-europe-among-muslims-in.html> (дата обращения — 21.08.2011)

торые оказывают на них существенное влияние. Так, например, вступление Румынии в НАТО во многом могло быть подкреплено и стремлением оказаться в одном военно-политическом блоке с Венгрией, чтобы не дать ей возможность использовать механизмы альянса в разрешении вопроса трансильванских венгров Румынии. Стремление Македонии вступить в НАТО также объясняются отчасти и сложной межэтнической обстановкой в стране, сепаратистскими настроениями в среде албанского меньшинства, когда единственной надеждой на сохранение государства и поддержание мира в регионе оказывается возможность войти под опеку сильной военно-политической международной структуры, какой на территории Европы в целом и Балкан в частности обладает пока только НАТО¹. Из государств Восточной Европы только Польша и Албания являются этнически однородными, одно — Босния и Герцеговина многоэтническим, остальные можно назвать гибридными этногосударствами «государствами с абсолютным этническим большинством и более или менее крупным этническим меньшинством»².

Вхождение в европейские структуры благодаря этническому фактору привело в некоторых случаях только к дальнейшему отчуждению Восточной и Западной Европы. Примером может быть проблема выселения после Второй мировой войны восточноевропейских немцев из Польши и Чехии, что сопровождалось экспроприацией их имущества. Казалось бы, уже забытый, этот вопрос стал снова предметом горячего обсуждения, причем на самом высоком уровне сразу после вступления этих

¹ Ковач М. Фактор межэтнического противостояния в Македонии в контексте региональной безопасности // Европейская безопасность. 2008. № 12 (28). С. 13-15 (15).

² Ян Э. Государственная трансформация на востоке Европы. «Второе национальное возрождение» или национализм, национальные движения и образование национальных государств в поздней — и посткоммунистической Европе с 1985 года / Ян Э. (отв. ред.) Национализм в поздней — и посткоммунистической Европе. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. М.: РОССПЭН, 2010. С. 63.

стран в ЕС¹, что негативно повлияло на отношения этих стран и Германии.

Способность России создать пространство безопасности в данном регионе, в рамках которого бы ограничивался реваншизм отдельных восточноевропейских национализмов (прежде всего венгерский), серьезным образом влияет на возможность реализации антиатлантического проекта в Восточной Европе. Возможность создания сильного православного Балканского Союза, в рамках Великой Восточной Европы отмеченная как А. Г. Дугиным в «Основах геополитики», так и О. Раку, серьезным образом сказалась бы на укреплении безопасности Восточной Европы в целом, поскольку, разрешая сами своим появлением македонский, бессарабский и приднестровский вопросы, этот блок серьезно укрепил бы и позиции Сербии применительно к разрешению косовского конфликта, а также Сербии и Румынии относительно ирредентистских тенденций, исходящих от венгерского меньшинства и дестабилизирующих регион в целом.

Наиболее важным, обеспечивающим идейный, мировоззренческий фундамент проекта нам представляется первый блок, подразумевающий масштабное использование Россией методов «мягкой силы» применительно к Восточной Европе.

¹ Тевдой-Бурмули А.И. Эволюция этнополитической ситуации в Европе в свете расширения ЕС. / Буторина О.В. (ред.) Расширение Европейского Союза и Россия. М., 2006. С. 257.

Натэлла Сперанская

РОЛЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ПОЛЮСА В МНОГОПОЛЯРНОЙ МОДЕЛИ МИРА

Остаётся ли мир сегодня однополярным или же модель мирового устройства давно изменилась, и мы вправе говорить о наступлении эры многополярности? На этот вопрос советник по геополитическим вопросам командования спецопераций США, влиятельный политолог Параг Ханна предлагает ответ —трёхполярную модель мира, где главными политическими акторами являются три субъекта Первого мира —Евросоюз, США и Китай, которые Ханна называет «империями». В соответствии с этой моделью, в настоящее время в мире можно зафиксировать три параллельно идущих процесса —американизацию, европеизацию и китаизацию. Сегодня мир уже не соответствует однополярной модели с единым центром управления в лице США. Эра американской гегемонии подошла к концу. Как и следовало ожидать, Штаты подверглись «имперскому перенапряжению». В книге «Второй мир» мы читаем: «Так называемый «период однополярности» под властью США на деле оказался всего лишь кратким промежутком времени, в течение которого Европа и Китай, пребывая в спячке под защитой американской системы региональной безопасности, набрались сил и, постепенно завершив внутреннюю консолидацию, стали прое-

Сперанская Нателла

цировать своё влияние вовне. В настоящий момент их мощный подъём остановить невозможно».

В предлагаемой Параг Ханной трёхполярной модели мира центрами влияния становятся Вашингтон, Брюссель и Пекин. Ханна, как и ряд других западных политологов, не берёт в расчёт Россию-Евразию, тем самым сводя на нет возможность возникновения многополярной модели. Поскольку многополярный мир может быть только квадриполярным, иными словами, помимо трёх зон —Американской, Тихоокеанской и Европейской — должен быть создан Евразийский континентальный пояс, являющийся 4-ой геоэкономической зоной. Но атлантистские стратеги совершенно сознательно не включают в новую парадигмальную модель, приходящую на смену однополярности, евразийский фактор, отводя России в лучшем случае место среди стран Второго мира (в методологии Параг Ханны это страны, находящиеся на полпути между «первым миром» и «третьим»), своего рода лаборатория для «обкатки» западных глобалистских проектов демократизации). Разумеется, невозможно, чтобы компетентный специалист оставался в неведении относительно того, что Россия есть *Hartland*, «срединная земля», имеющая величайший потенциал к расширению и развитию (по Ханне, это один из основных критериев стран Первого мира). Как бы между прочим сделанное замечание политолога во многом раскрывает суть нарочитого замалчивания: «для европейских амбиций не существует большего препятствия, чем Россия». Трёхполярная модель мира не создаёт многополярности, но находится в контексте всё того же глобалистского дискурса, сменившего одну маску («однополярный момент») на другую. Союз трёх сверхдержав, по мнению Ханны, знаменует собой победу глобализации над геополитикой. Политолог сравнивает трёхполосную модель с табуреткой, которая не сможет долго простоять на двух ножках, зато сможет на трёх, но в последнее время этот табурет стал шататься. Отсюда Ханна делает вывод о необходимости выработки новой глобальной

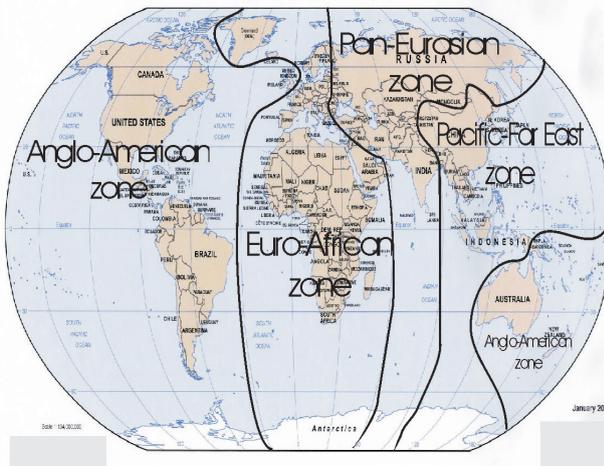
стратегии, а именно стратегии равновесия, где лидерство будет попеременно переходить от одного актора к другому.

Параг Ханна строго разделяет понятия «империи» и «цивилизации». Цивилизации имеют строго очерченные границы, в то время как империи их не признают, стремясь к постоянному расширению. По мнению политолога, именно империи определяют облик современного мира. При этом разделении Ханна совершенно не учитывает тот факт, что в истории известны случаи создания империй на основе цивилизаций (вспомним Александра Македонского), равно как те образования, что носили статус империй, после своего исчезновения, оставляли общее цивилизационное пространство. «То, что сегодня является «цивилизацией», — пишет Александр Дугин, — завтра может стать «империей», так как в основе и того и другого лежит общая матрица — «большое пространство». В труде «Теория Многополярного Мира» утверждается, что между двумя формами Grossraum — цивилизацией как культурным единством и империей как единством политическим — существует непрерывность, и эти явления можно назвать исторически взаимобратимыми явлениями.

Параг Ханна выступает за межимперское взаимодействие, диалог империй и трёхполярный мир. Мы, евразийцы, выступаем за диалог цивилизаций в квадриполярном (=многополярном) мире, не соглашаясь с атлантистским трёхполюсным проектом, исключаящим Евразийский континентальный полюс. Ханна не оставляет России (как стране Второго мира) никакого шанса на вызов странам Первого мира; единственный вариант, который он предполагает для России — это интеграция в Евросоюз. «Соединенные Штаты, Европейский Союз и Китай, — пишет он, — уже обладают большей частью глобального могущества — и сделают всё, что только в их силах, чтобы никто более не смог оспорить их положение. Россия, Япония или Индия не смогут утвердить себя в качестве сверхдержав ни военным, ни каким-либо иным методом». Россия сводится до смешного

статуса «сверхдержавки». Ханна уверенно утверждает, что, не смотря на то, что Россия по-прежнему располагает большими ресурсами и потенциалом, время её прошло. Кроме того, он отмечает, что политическая элита современной России представляет собой недоразумение; о дипломатии при таком положении вещей не может идти и речи. Ханна видит Россию как страну Второго мира, за которую ведут геополитическое соперничество два субъекта — Европа и Китай (некогда место Китая занимала Япония, образуя вместе с США и Евросоюзом экономический «треугольник»). Существует необходимость утверждения более чем трёх полюсов, тем самым выходя за пределы нового гегемонистского дискурса, постулирующего трёхполярность. В книге «Второй мир» Парег Ханна откровенно пишет о том, что «если Евросоюз перестанет расширяться, то в западной зоне Евразии появятся четыре автономные силы, контролируемые из Лондона, Брюсселя, Анкары и Москвы, — а четыре колеса не всегда вращаются с одинаковой скоростью».

Квадриполярная (или четырёхполюсная) модель мира, предлагаемая Александром Дугиным, основоположником Теории

Map of multipolar world. Four zones - four poles

Многополярного Мира, означает наличие четырёх зон, разделяющих земной шар по его меридиану.

В первой зоне, находящейся под полным контролем США, располагаются два или три «больших пространства». Два «больших пространства» мы получаем при объединении США и Канады — с одной стороны, и Латинской Америки — с другой. Три «больших пространства» могут возникнуть, если «мы разделим те латиноамериканские страны, которые достаточно глубоко интегрированы с США и находятся полностью под их контролем, и те, которые тяготеют к созданию собственной геополитической зоны, противостоящей США», как пишет Александр Дугин.

Вторая зона представляет собой область Евро-Африки. Её полюсом, безусловно, является Евросоюз. Здесь обнаруживается три «больших пространства»: Евросоюз, чёрная Африка и арабский GROSSRAUM.

Третьей зоной выступает Евразия, где полюсом является Россия (Heartland). Между тем, указывает профессор Дугин, здесь также находятся несколько региональных центров силы, а именно Турция (если она выберет евразийский путь), Иран, Пакистан и Индия. Таким образом, Евразийская зона состоит из нескольких «больших пространств»: РФ и страны СНГ представляют русско-евразийский GROSSRAUM. Тремя «большими пространствами» являются Турция, Иран, Индия и Пакистан.

Четвёртая зона — это Тихоокеанский регион. Его полюсом может стать либо Китай (который представляет собой «большое пространство»), либо Япония (потенциальный GROSSRAUM, имеющий для своего становления все предпосылки: экономические, геополитические, технологические и т.д.).

Обосновывая основные ориентиры для практических действий по строительству многополярного мира, профессор Дугин делает акцент на следующих направлениях:

1. Стратегическая реорганизация Heartland`а.

Это подразумевает геополитическую активность «срединной земли» и реализацию интеграционных проектов, направленных на укрепление многополярной модели.

2. Перемены в сознании политической элиты России.

Главным образом акцент делается на обретении геополитического мышления, а также высоком уровне компетенции в области социологической науки, истории. «Элита России должна осознавать себя как элита Heartland`а, мыслить евразийскими, а не только национальными масштабами и ясно осознавать неприменимость для России атлантического и глобалистского сценария», — пишет А.Дугин. Ни о каком пробуждении элиты не может идти и речи до тех пор, пока она не сделает сознательный выбор в пользу евразийства, отвергнув тупиковые попытки подыгрывать антироссийским сценариям атлантистских стратегов.

3. Модель выстраивания отношений России с США.

При понимании разрушительных стратегий США, направленных на демонтаж России для осуществления абсолютного контроля над всей Евразией, эти отношения принимают необратимо враждебный характер. Необходимо предпринять самые решительные меры, чтобы не допустить присутствия НАТО в евразийском «большом пространстве» и ослабление Heartland`а.

4. Модель выстраивания отношений с Европой.

Эта модель подразумевает стратегическое партнёрство со странами, в политике придерживающимися континентальной традиции — Францией, Германией, Италией, Испанией. Здесь более чем уместно говорить о проекте оси «Париж-Берлин-Москва». Другая ситуация складывается со странами «Новой Европы», а также Англией, — ориентированными антироссийски и имеющими склонность приспосабливаться под требования Вашингтона.

5. Проект «Великая Восточная Европа».

Этот проект включает в себя славян (словаки, чехи, поляки, болгары, сербы, хорваты, словенцы, боснийцы, македонцы, сербы-мусульмане), православных (македонцы, сербы, болгары, греки и румыны). Профессор Дугин отмечает, что венгры — это единственный народ, который не попадает под определение «православного», и в то же время он не может быть назван и «славянским». Венгры имеют евразийское туранское происхождение.

6. Heartland и западные страны СНГ.

Речь идёт о многополярной интеграции России, Украины и Беларуси, принадлежащих к зоне Heartland'a, в единую стратегическую структуру. Это политическое действие предотвратит риск вступления Беларуси или Украины в НАТО. Отдельного внимания заслуживает Молдова, чья интеграция с Румынией, являющейся частью блока НАТО, представляется невозможной до тех пор, пока не будет реализован проект «Великой Восточной Европы».

7. Евразийский Ближний Восток и роль Турции.

Профессор Дугин упоминает американский проект «Greater Middle East Project» в отношении Ближнего Востока. Он подразумевает демократизацию и модернизацию ближневосточных обществ, и усиление военного присутствия США и НАТО. Руководствуясь противоположными интересами, стратегия Heartland'a в этом направлении должна включать в себя политические действия, направленные на выход Турции из блока НАТО и создание оси «Москва-Анкара». Кроме того, следует со всем вниманием отнестись к проекту оси «Москва-Тегеран». По словам Александра Дугина, Иран представляет собой «стратегическое пространство, которое автоматически решает задачу превращения Heartland'a в глобальную мировую силу». Ни Россия, ни Иран не должны допустить реализации сценария, заложенного в проект «Великой Центральной Азии» (Greater Central Asia Partnership). Его запуск неизбежно привёл бы к возникновению «санитарного кордона», который бы жёстко отделил

Россию от Ирана. Кроме того, включив в себя такие страны, как Грузия, Афганистан, Азербайджан, Армения, Киргизия, Казахстан, Узбекистан, этот кордон сделал бы их подконтрольными американскому влиянию. Союз Ирана и России, безусловно, решит и другую фундаментальную проблему, а именно — разомкнёт «кольцо анаконды», лишив американских стратегов любой возможности препятствовать морским операциям России.

Стратегия Heartland`а должна включать проекты по интеграции России, Казахстана и Таджикистана в единое экономическое и таможенное пространство. В свою очередь, отношения с Пакистаном должны быть выстроены в строгом соответствии со стратегией вытеснения американских вооружённых сил с этой территории. Александр Дугин указывает на необходимость подготовки новой модели отношений с пуштунским большинством Афганистана.

Западные стратеги намереваются превратить Кавказ в часть «ближнего зарубежья» Европы, а не России, о чём прямо пишет Параг Ханна.

8.Ось «Москва-Дели».

Отношения с политически нейтральным «большим пространством» Индии должны быть направлены на достижение партнёрства. Главная задача этой оси заключается в сдерживании попыток Вашингтона развернуть своё господство в Южно-Азиатском регионе.

9.Российско-китайские отношения.

Профессор Дугин акцентирует внимание на двух сложных вопросах:

— демографическом распространении китайцев на слабозаселенных территориях Сибири,

— влиянии Китая в Центральной Азии.

Необходимо выстроить сбалансированные отношения с Китаем, ориентируясь на фундаментальную точку стратегического соприкосновения —поддержку идеи многополярного мира.

10.Российско-японские отношения.

Профессор Дугин указывает на необходимость освобождения Японии от американского влияния и поддержку Японии как суверенной региональной силы. Здесь уместно говорить о проекте оси «Москва-Токио» как неотъемлемой части азиатской политики Евразии. «Альянс с Японией жизненно необходим, — пишет Александр Дугин в труде «Основы геополитики». — Ось Москва-Токио, вопреки оси Москва-Пекин является приоритетной и перспективной, открывающей для континентального имперостроительства такие горизонты, которые, наконец, сделают Евразию геополитически завершённой, а атлантистскую империю Запада это предельно ослабит, а возможно, и разрушит окончательно».

11. Геополитика Арктической зоны.

Контролировать эту зону стремятся США, Канада, Норвегия, Дания и Россия. Все эти страны (кроме России) входят в блок НАТО. Отвоевывая территории в полярном регионе и включаясь в гонку за право разработки больших месторождений полезных ископаемых, в свои ближайшие планы Россия включила создание в Арктике масштабной системы коммуникаций и мониторинга. Россия претендует на полярную территорию размером в 1,2 миллиона квадратных километров, с входящим в неё Северным полюсом. В 2011 году американские издания писали о смелом шаге российских исследователей — ими был установлен российский флаг на дне Ледовитого океана.

Несомненно, что мы вступаем в битву за кардинальные перемены правил политического дискурса, осуществляя задачу подрыва основных принципов западной гегемонии. Реализация многополярного проекта, вопреки скептически настроенным западным политологам, зависит от того политического курса, которого будет придерживаться Россия. Выбор в пользу евразийства свидетельствует о приближающейся готовности сделать следующий шаг к построению нового мироустройства.

Список использованной литературы:

Параг Ханна. Второй мир. М.: Европа, 2010.

Дугин А.Г. Теория Многополярного Мира. М., 2012.

Савин Л. В.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЛЮСОВ

Прежде всего, нужно обозначить, что такое полюс в контексте международных отношений, так как этимологически часто это слово выводит на понятия политической поляризации и полюсов власти лишь в определенном государстве. Однако в глобальном геополитическом пространстве это нечто другое.

«Теоретически полюс многополярного мира должен представлять собой мощное военное, экономическое, демографическое, политическое, географическое и цивилизационное образование, которое было бы способно осуществить стратегическую интеграцию прилегающих к нему территорий, выступая как результирующий вектор широкого спектра региональных интересов и представляющих их совокупно перед лицом глобализма и однополярности, осознанных как вызов. При этом такой полюс заведомо должен быть достаточно дифференцированным по внутренней структуре, чтобы служить центром притяжения для разнообразных, часто противоречивых, региональных держав и политических сил»¹.

Леонид Савин

¹ Дугин А. Г. Понятие полюса в многополярной перспективе. // Геополитика № 1, 2010, с. 7.

Данный тезис вытекает из многополярного подхода, который отказывает однополярной модели в праве на существование.

Кроме того, необходимо помнить, что исходя из классической геополитики, существует всего два мировых геополитических полюса — это силы Суши и силы Моря, что отражено в работе первых геополитиков и развито их последователями. Во время Холодной войны это было подкреплено противоборством социалистического и капиталистического лагерей, что давала дополнительную доказательную базу этой теории.

Если при первом варианте говорится о необходимости приращивания территорий, то второй подразумевает географический детерминизм. Давайте посмотрим, есть ли промежуточные модели или другие вариации для создания будущих полюсов власти.

Сразу хотелось бы отметить факт существования протополюсов или больших пространств непосредственно в Евразии, если исходить их понятия государственности. Их было четыре. Необходимо обратить внимание на то, что европоцентричная точка зрения привязана к Средиземноморскому региону, охватывающему Северную Африку, Малую Азию, территорию современных Италии, Греции и юга Франции. Этот первый протополюс относится к части Промежуточного региона, который как геополитическую концепцию ввел Димитрис Кицикис¹. Вторым таким протополюсом я склонен считать регион Сибири, который Кицикис также относит к Промежуточному региону, и являвшийся родиной основных мировых империй. В Сибири взяли свое начало Орда, давшая Руси импульс для интеграции, оттуда началось и движение тюркских народов в Азию и Европу. Третий протополюс — это регион Индокитая, который из-за географических особенностей существовал во многом автономно. Хотя здесь мы можем также обнаружить

1 Агапеева К. Концепция «Промежуточного региона» Димитриса Кицикиса// Геополитика <http://www.geopolitica.ru/article/koncepciya-promezhutochnogo-regiona-dimitrisa-kicikisa>

дробление как минимум на китайское ядро и индийское ядро (империя кхмеров может быть отнесена к индийскому ядру, так как языком знати там являлся санскрит, или выделена отдельно). Четвертый полюс — это территория современного Ирана, на которой также находились различные империи (Парфянская империя, династия Ахеменидов, Персия)

При этом протополюса, как и современные геополитические полюса власти, не являются жестко фиксированными и могут сдвигаться из региона в регион. Так, современный мощный политический полюс на базе ЕС, некогда таковым не являлся. Примером может являться и борьба за гегемонию в самой Европе, где первенство переходило к разным династиям и странам, но наибольших успехов в плане геополитической экспансии добились Франция при Наполеоне и Германия при Гитлере. Как мы знаем их триумф длился недолго, и если после Наполеона Европа вернулась к системе концерта держав, то Вторая мировая война привела к появлению биполярного мира.

В этом плане довольно интересно мнение старшего сотрудника Центра новой американской безопасности, а с недавнего времени геополитического обозревателя центра Стратфор Роберта Каплана, которые он отразил в своей книге *Revenge of Geography*. Он применяет классический геополитический аппарат — деление на *Sea Power* и *Land Power*, Хартленд Макиндера и Римланд Спайкмана. Из действующих полюсов силы в Евразии Каплан серьезно рассматривает Китай. В России, он не видит угрозы будущего мощного полюса, т.к. Хартленд по его мнению ослаб. Европейский полюс он также привязывает к географическому детерминизму и даже связывает текущий финансово-экономический кризис с европейской географией.

Отдельным центром силы Каплан считает Иран, так как «он владеет ключевой географией Ближнего Востока, — в терминах положения, населения и энергетических ресурсов, — и является базисным для глобальной геополитики». Другое преимущество Ирана, уходящее корнями в историю, связано с духовным

наследием, мощью культурной традиции и цивилизационной глубиной страны... Режим аятолл является всего лишь наследником мидийцев, парфян, Ахеменидов и Сасанидов, сфера влияния которых подчинялась географии и простиралась от Сирийской пустыни до Индийского субконтинента. «Иран был первой сверхдержавой древнего мира», говорит Каплан, добавляя, что он всегда усиливал свое географическое положение, выполняя функции «самобытного универсального соединения (шарнира) (universal joint)» Ближнего Востока. Суффикс «-стан» (istan), который мы встречаем на политической карте мира в Центральной Азии, Афганистане, Пакистане и т.д., является персидским обозначением «места» и означает, что она нарисована в Тегеране и связана с Ираном¹.

Это объясняет причины того, что США оказывают на это государство такое давление и всячески способствуют его дестабилизации. Основная причина — не ядерная программа, и не режим аятолл, а важное расположение на стыке транспортных путей и других географических массивов, что делает Иран критически важным как для Евразии, так и для глобальной геополитики.

Сможет ли Иран преодолеть сопротивление Вашингтона и подняться в качестве регионального центра силы покажет ближайшее будущее.

Рассмотренные протополюса и их смещение на континенте все же обусловлены определенными рамками границ. Когда же говорится о создании новых наднациональных полюсов силы, то во многих случаях авторы имеют в виду географическую близость государств, создающих альянсы. Латиноамериканский полюс потенциально включает в себя страны, которые находятся исключительно на континенте Южной Америки и частично Северной Америки (Мексика). Евразийский Союз или более широкая коалиция подразумевает объединение стран,

¹ Арзуманян Р. Возвращение географии.// Геополитика. <http://www.geopolitica.ru/article/vozvrashchenie-geografi>

которые находятся на евразийском континенте. А могут ли политические центры власти состоять из мозаики пространств, не имеющих общих границ?

Как показывает исторический опыт, создание управляемых территорий даже на разных континентах вполне возможно. Так действовали многие Империи — включая в себя колонии и метрополию. Еще до н.э. Римская Империя достигла британских островов, распространив на них свою власть. В дальнейшем экспансионистская и колониальная политика практически всех европейских империй подразумевала управление заморскими территориями (Французская Республика до сих пор сохранила такое название в своей политической системе), будь то Африка, Южная Америка или Азиатско-Тихоокеанский регион. Нынешнее Британское содружество или содружество наций включает в себя бывшие доминионы и колонии Британской Империи, некоторые из которых имеют значительную автономию (например, Канада), а другие получили практически полную независимость (Индия и Австралия).

Конечно же, в данном случае, центр принятия решений все же находился в метрополии (Рим или Лондон), однако новая конфигурация государств и вызовы эпохи вынуждают политическую элиту даже стран с длительной историей единоличного политического могущества искать новые пути взаимодействия.

Такие организации как Большая Восьмерка, АСЕАН, и др. являются примером сотрудничества различных государств по тем или иным вопросам глобальной политики. В ряде случаев, как G-20, это вызвано скорее стечением обстоятельств и вынужденной необходимостью, однако есть и ряд примеров, которые демонстрируют консолидацию на основе идеологического подхода к решению мировых вопросов. Ярким примером такого взаимодействия является БРИКС. Хотя изначально эта коалиция государств выделялась исключительно по экономическим показателям, за прошедшие годы было отмечено наличие некоего общего базиса и согласия между политическими элитами

стран блока. При этом процедура работы в БРИКС выгодно отличается от ЕС или других западноцентричных инициатив, так как решения принимаются без согласования с парламентами стран и отсутствуют бюрократические протокольные процедуры, замедляющие взаимодействие между пятью странами.

В целом в подобных межгосударственных образованиях действует несколько иной принцип притяжения, построенный на (нео)идеологической основе. Пожалуй, наиболее ярким примером будет противостояние социалистического и капиталистического лагерей во время Холодной войны. Так и причастность к тому или иному полюсу в Третьем тысячелетии будет характеризоваться политическими решениями государственных руководителей по принципиальным вопросам, которые могут выстроиться в определенный план действий.

К современным международным отношениям также могут применяться еще несколько критериев — это финансовая система, торговля, народонаселение и контроль над добычей и транспортировкой природных ресурсов.

В первом случае нужно признать, что резервными валютами являются доллар и евро, следовательно, мировая система пока скорее двуполярная, даже несмотря на значение йены на финансовых биржах и стремительное вхождение юаня в корзину мировых валют. Создание многостороннего банка БРИКС, о чем было заявлено весной 2012 г. во время проведения саммита Большой Двадцатки в Мехико министрами финансов стран БРИКС, могло бы кардинально изменить ситуацию в валютном мире, сделав его действительно многополярным¹. Данное перебалансирование финансовых и инвестиционных потоков может привести и к серьезным политическим сдвигам, так как будут представлять альянс и каждую страну в отдельности в более выгодном свете, чем западное сообщество, критикуемое за неоимпериалистический подход в отношении развивающихся стран.

1 Bhadrakumar M. BRICS flame continues to shine. March 6th, 2012. <http://indepthafrika.com/brics-flame-continues-to-shine/>

Такое развитие предусматривают даже апологеты неолиберализма. Например, в 2009 г. Всемирный Банк подготовил исследование, озаглавленное «Новая многополярная международная финансовая система», в котором указывалось, что на данный момент происходит изменение мировой системы. «Длительное время структурная квинтэссенция международной монетарной системы являлось однополярной по причине американской гегемонии в инициативах, военной мощи, а также возможностях продвигать рыночный либеральный порядок в международных финансовых отношениях... Однако уже три полюса — доллар, евро и страны БРИКС влияют на мировую финансовую систему и управление мировой торговли» — указано в аналитическом документе¹. Отметим, что это было написано за несколько лет до предложения о создании многостороннего банка БРИКС. Конечно, оптимальным решением при его создании будет привязка именно к национальным валютам либо корзине услуг, товаров и ресурсов. При этом финансовые инструменты являются во многом экстерриториальными, хотя способны вызывать значительные трансформации на подконтрольных территориях.

Что касается торговой системы, то до настоящего момента она все еще является во многом однополярной, так как была основана на Бреттон-Вудском консенсусе «встроенного либерализма». До настоящего момента четких альтернатив данной системе сформулировано не было, за исключением социализма закрытого типа (яркий пример такой модели — Северная Корея). Тем не менее, автаркия больших пространств вполне может конкурировать с бреттонвудской моделью, однако это требует сильнейшей политической воли и понимания последствий (вряд ли российское руководство сможет принять решение, согласно которому поставки газа в страны ЕС могут быть полностью (*sic!*) прекращены до выполнения ряда политиче-

1 Mansoor Dailami, Paul Masson. The New Multi-polar International Monetary System. The World Bank, Development Economics, Development Prospects Group, December 2009.

ских условий, среди которых — расформирование блока НАТО и вывод американских войск из Европы).

В энергетическом секторе также возможно создание коалиций стран экспортеров (нефть, газ, радиоактивные металлы и пр.), которые могут влиять на котировку сырья на мировом рынке.

Что касается народонаселения, то это наиболее интересный и гибкий инструмент для достижения геополитического могущества. Man Power — или власть посредством человека, как говорили западные геополитики, в реальности является самым действенным и сильным орудием политической борьбы. От человеческой воли, лидерских качеств и мобилизации масс зависели, и будут зависеть многие вопросы в противоборстве государств. Именно человеческая воля и организаторские способности привели к созданию Air Power, а позже к Space Power и Cyber Power. Именно от людского интеллекта зависит создание стратегий и их реализация с помощью военно-технических средств и дипломатических приемов, включая теории политических учений и идею многополярности.

Кузнецов А. Н.

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Политико-правовой режим современных международных отношений официально базируется на так называемой Вестфальской системе, сложившейся в Европе на заре эпохи Модерна. Непосредственным толчком к складыванию этой системы послужила чудовищная Тридцатилетняя война 1618-1648 годов в Европе, в результате которой население Германии уменьшилось в три раза. Причиной этому послужили бесчинства французских, испанских и австрийских войск, голод и эпидемии, разразившиеся в результате военных действий. Для того, чтобы не допустить повторения ужасов этой гуманитарной катастрофы был подписан Вестфальский мир. Его концептуальными основами стали два постулата: уважение государственного суверенитета и принцип невмешательства во внутренние дела друг друга.

Заключение Вестфальского мира совпало с началом довольно болезненного процесса складывания национальных государств (Etat-Nations) в Европе, заступивших мест о прежних империй и феодальных монархий. Вестфальская система имплицитно подразумевала полное равноправие государств независимо от их военных и экономи-

А. Н. Кузнецов

ческих ресурсов, реального веса в международной политике. Разумеется, на практике подобные принципы редко соблюдались строго, будучи скорее идеальными типами в трактовке Макса Вебера (*Idealtypus*) нежели руководством к действию. Наличие Вестфальской системы не смогло предотвратить две ужасных мировых войны в двадцатом веке. Однако зачастую принципы Вестфальской системы служили сдерживающим механизмом для предотвращения конфликтов и почти всегда — правовой основой для их урегулирования. Кроме того ни одно государство мира публично не подвергало сомнению правомерность невмешательства во внутренние дела. В качестве примера можно привести внешнеполитическую практику Соединенных Штатов Америки в годы «холодной войны». В 1946 году, когда рассматривался вопрос о принятии Испании в ООН, ряд государств выступил с жесткой критикой этого шага. Нежелание принимать Испанию в ООН было мотивировано сотрудничеством режима Франко с нацистской Германией в годы Второй мировой войны. Однако США «продавили» благоприятное для Мадрида решение, мотивировав это тем, что идеологические установки того или иного режима относятся к внутривнутриполитической компетенции государства. Позже, в семидесятые годы прошлого века, американцы не позволили установить всеобъемлющую блокаду ЮАР, где тогда правило белое меньшинство. Для оправдания были опять-таки выбраны постулаты Вестфальской системы. Было заявлено, что апартеид, конечно, зло, но каждое государство само выбирает свою политическую систему.

Ситуация изменилась с переходом от двухполярной (биполярной) системы к однополярной в девяностых годах прошлого века. Обретя статус государства-гегемона мировой политической системы, Америка подвергла остракизму и забвению как принцип невмешательства во внутренние дела, так и другие основополагающие нормы международного права. Систематические нарушения существующего политико-правового режима международных отношений начались со времен конфликта

в бывшей Югославии. Вначале это выразилось во введении односторонних санкций по отношению к Югославии (Сербии), не затронувших других участников Балканского конфликта. В 1995 году Вашингтон поддержал операцию по «принуждению к миру», устроенную хорватской армией в Сербской Краине и сопровождавшейся этническими чистками.

Впрочем, одним из наиболее вопиющих случаев пренебрежения правом суверенитета является военная операция НАТО по свержению законного правительства Муаммара Каддафи в Ливии. Напомним, что резолюция 1973, принятая Советом Безопасности ООН в марте 2011 года, содержала требование об установлении в Ливии бесполетной зоны для того, чтобы воспрепятствовать правительственной авиации осуществлять обстрелы и бомбардировки зоны, контролируемой повстанцами в Бенгази. Прецедент подобной бесполетной зоны уже был в Ираке в 1991 году, когда авиации Саддама Хусейна было запрещено бомбить районы, населенные курдами на севере страны. Однако в то время авиация США все же не наносила удары по Ираку. Резолюция же 1973 немедленно подверглась расширительному толкованию, уничтожающему саму возможность правового урегулирования внутривосточного конфликта. Авиация НАТО сразу же начала наносить бомбовые и ракетные удары по мирным объектам ливийских городов. В результате НАТОвских бомбардировок погибло по самым скромным данным более двадцати тысяч человек, был причинен непоправимый ущерб объектам инфраструктуры. Ливийские события показали также вопиющий пример вмешательства во внутренние дела суверенного государства. При законном правительстве Каддафи лидеры США, Англии, Франции признали в качестве представителей ливийского народа членов никем не избранного Переходного национального совета (ПНС), по существу, самозванцев и ренегатов из числа бывших номенклатурщиков правящего режима.

Эрозия международного права не могла не повлечь за собой упадок и деградацию основной организации, призванной

это право поддерживать: Организации Объединенных Наций (ООН). По существу роль ООН сводится к функции пассивного наблюдателя процессов нарушения международного права сверхдержавой-гегемоном. Ярким примером здесь является агрессия США в Ираке в 2003 году. ООН, проводившая в Ираке в 2001-2003 году расследования на предмет производства и хранения (как потом выяснилось, мифологического) ядерного оружия, не давала Соединенным Штатам мандат на вторжение в Ирак (в отличие от операции в Афганистане, имевшей место за два года до этого). Тогдашний генеральный секретарь ООН Кофи Аннан позже задним числом признал, что был уверен в отсутствии у Багдада ядерного и химического оружия, и был против американского вторжения. Однако ООН не нашла возможностей для осуждения агрессии. Фактически эта была роспись в бессилии крупнейшей международной организации. В результате право на суверенитет (sovereignty) уступает место праву «на защиту угнетаемого гражданского населения» (right to protect), которое журналист Пепе Эскобар удачно назвал «правом на грабеж» державами НАТО слабых государств третьего мира (right to plunder).

Постепенное размывание норм международного права, в том виде, в котором оно сложилось за последние триста пятьдесят лет, во многом обусловлено упадком национальных государств, которые перестают быть наиболее сильными и значимыми акторами на международной арене. Это обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, процессами глобализации, размывающими реальные экономические и политические возможности национальных элит. Экономика государств мира все более оказывается в зависимости от таких наднациональных организаций как МВФ, Всемирный Банк, ВТО, что подрывает возможности проведения независимой политики.

Во-вторых, «интернационализацией» самих элит, все более равняющихся на единые стандарты поведения и жизни. По-

скольку эти стандарты формируются на Западе, такие процессы приводят к денационализации элит, их отрыву от собственных народов. Эти процессы очень хорошо наблюдаются на примере компрадорских элитных групп в России (т.н. «олигархата») и в Египте в период режима Мубарака.

В-третьих, появлением новых акторов мировой политики, обладающих большими возможностями, чем национальные государства. К ним относятся, прежде всего, крупные транснациональные компании. Уже сейчас бюджет российского Газпрома или английской British Petroleum превышает годовой бюджет такого далеко не маленького латиноамериканского государства как Колумбия.

В-четвертых, процесс упадка национальных государств далеко не в последнюю очередь связан с доведением до абсурда принципа национального самоопределения. В результате процесса деколонизации и распада крупных интернациональных образований, таких как Советский Союз, в мире уже сейчас насчитывается более 160 государств. По мнению известного американского политолога индийского происхождения Парага Ханна, процесс «этнического ренессанса» в XXI веке должен привести к появлению еще более сотни государств. Будут ли они в равной степени жизнеспособны и смогут ли отстаивать свои суверенные права?

Представляется, что на этот вопрос надо ответить категорическим «нет». Рассмотрим в качестве примера такое квазигосударство как Косово, уже признанное 50 странами мира. Американская агрессия против Югославии, развязанная в 1999 году, оправдывалась желанием албанцев, пострадавших от сербских шовинистов, получить свободу и независимость. Однако является ли нынешнее Косово действительно независимым государством? Финансовая политика косовских властей регулируется представителем Всемирного Банка. Мероприятия по охране правопорядка согласуются с комиссаром Евросоюза. На косовской земле расположена крупнейшая в Европе американ-

ская военная база Кэмп Бондстил, занимающая, кстати, изрядную долю территории этого крошечного края. Таким образом, ни о какой реальной независимости Косова говорить не приходится.

Выход из международного тупика просматривается на пути постепенного отказа от отмирающей национальной государственности и замены национальных государств наднациональными объединениями: политиями, по выражению Александра Дугина или импероподобными образованиями (ИПО) в терминологии историка Андрея Фурсова. Образование таких экономико-политических объединений предрекал еще в XIX немецкий экономист Фридрих Лист, окрестивший их «большими пространствами». Причем, основами таким объединениям могут послужить существующие цивилизации, которые должны войти друг с другом не в столкновение, а в плодотворный диалог для выработки общего видения нового мирового порядка в противовес имеющемуся сейчас мировому беспорядку.

Представляется, что неким эмбрионом такого содружества цивилизаций является объединение БРИКС. В пользу БРИКС как организации, способной выработать правила грядущего многополярного мира, говорит цивилизационная и геополитическая принадлежность ее участников. Раньше консолидированные политические организации создавались по антагонистическому признаку Запад-Восток (НАТО-Организация Варшавского Договора) или Север-Юг (Большая семерка-Движение неприсоединения). Что касается БРИКС, то здесь представлены евразийский Север (Россия), азиатский Восток (Индия и Китай), африканский Юг (ЮАР) и дальний Запад (Бразилия). При этом Россия олицетворяет евразийский православно-исламский блок, Китай консолидирует прилегающие страны Восточной и Юго-Восточной Азии (конфуцианско-буддийскую цивилизацию по Хантингтону), ЮАР является выразителем интересов нарождающейся цивилизации Черной Африки. Об этом недвусмысленно заявил министр иностранных дел Южной Африки

Нкоана-Машбане на одном из форумов БРИКС, подчеркнув, что его страна говорит «от имени Африки в целом».

Что касается Бразилии, то уже сейчас не вызывает сомнений, что именно эта страна станет лидером латиноамериканской интеграции. Политический ренессанс, наблюдающийся в странах Южной Америки, выдвинул целый ряд ярких лидеров. Наиболее выдающимся из них является революционный президент Венесуэлы Уго Чавес. Но в силу объективных экономических и геополитических причин Венесуэле вряд ли под силу стать локомотивом латиноамериканского объединения. Между тем Бразилия обладает и амбициями, и возможностями для того, чтобы возглавить этот процесс.

В качестве еще одного участника межцивилизационного диалога должен выступить Запад. Пока неизвестно в каком формате это будет происходить. Будут ли это два независимых субъекта: Северная Америка (США) и выступающая независимо от нее Европа, либо это будет единое евроатлантическое пространство. Необходимо лишь, чтобы при этом Запад вступил в диалог на равных, отказавшись от претензий на политическое и цивилизационное превосходство.

Адриана Ратмирская

ИМПЕРИЯ В ТЕОРИИ МО

Сегодня мировая история, вопреки известному тезису Фукуямы, не готова облачиться в саван, а стоит перед перспективой другого начала, своего фундаментального обновления. В связи с возросшим вниманием мировой политической элиты к возможности возникновения нового международного порядка, основанного на многополярности, мы констатируем агонию однополярного момента и готовы к парадигмальному переходу. Это обязывает нас основное внимание уделить прежде всего тщательной деконструкции понятий, правовых систем и основополагающих концептов, которые должны быть заложены в фундамент многополярного мира. Одной из таких ярких идей, требующих особого рассмотрения, является идея Империи, которая в XXI веке с новой силой вторгается в сферу Политического.

На протяжении всей истории имперская идея претерпевала серьезные парадигмальные изменения. Можно выделить два истока концепта Империи:

1) Древний Рим, понятие *imperium sacrum*. «Языческий империализм». Римская Империя и Византия.

2) Современное понятие империализма, как глобального проекта максимальной экспансии и гегемонистского порядка, восходит к Британской Империи (колониальный порядок, основанный на доминации).

Империя является структурой традиционного общества, или классической/античной системой по классификации Барри Бузана и Ричарда Литтла. Имеющая фундамент в трансцендентной духовной сфере, Империя премодерна выстраивает свой

порядок не в рамках географических границ, а по мере влияния структурирующей Идеи и обладает не колониальным, но холистским характером. Не универсальным, но уникальным. Имперский порядок представляет собой политическое объединение цивилизационно родственных территорий с единым стратегическим центром (полюсом).

Духовное ядро Империи равноценно правовому кодексу и составляет с ним единое целое. При этом, в обществе действует аристотелевский принцип «единства многообразия» и проживающие на территории империи этносы не ассимилируются, а сохраняют свою идентичность вследствие права на самоопределение. Онтологически именно из разнообразия воплощенных форм благодаря индивидуальной энтелехии выстраивается высшая коллективная идентичность и сохраняется бытийный порядок.

Переход от классической системы происходит в Новое Время, начиная с 1648 года (год Версальского договора), и его последним этапом можно считать окончательное утверждение идеи Нации в ходе Французской Революции. Воцаряется якобинская модель, и формат национальных государств становится приоритетным в международных отношениях. Луи Дюмон утверждает, что культ нации имеет своим истоком ценность индивидуализма и представляет собой тип глобального общества. Духовно-религиозные основы общества становятся второстепенным фактором, происходит жесткая сепарация права. Империализм колониального толка, получивший своё начало в эпохе *Rex Britannica*, зиждется исключительно на материалистических основаниях и борьбе за территориальное влияние.

Национальные государства, которые являются основополагающим субъектом в реалистской теории МО, теоретически существуют до сих пор. Однако после сокрушительного падения Вестфальской системы субъектность обретали иные образования, ставшие концентрацией суверенитета на международной арене. Венская геополитическая система была практически пер-

вой системой международных отношений, в которой акторами были не только национальные государства, но и их коалиции. Баланс сил устанавливался среди пяти великих держав: Англия, Россия, Пруссия, Австрия и Франция. Но их политика оставалась колониально-империалистической и продолжала силовые линии модерна, минуя религиозные и этно-социологические характеристики распределяемых между блоками территорий, что и привело к конфликту Первой Мировой войны.

Во второй половине XX века новыми акторами *de facto* становятся два полюса силы — США и СССР (Ялтинская система), конкурирующие за распространение собственного влияния на остальные государства, не обладающие достаточным суверенитетом для выстраивания независимой политики. После 1991 года *de facto* в мире воцаряется бескомпромиссная однополярность, но политологический дискурс официально продолжает оперировать с системой национальных государств, утратившей своё значение еще в начале 20 века.

Единственной державой, сохранившей суверенитет и силовой потенциал, стали Соединенные Штаты Америки. Уровень политической значимости, по Шмитту, определяется в ситуации конфликта и основан на способности принятия суверенных решений. В этом смысле, политической значимостью в полном объеме обладает только один полюс — США.

Изначально построенные на принципе «свободы от», США в своей внешней политике вполне логично преодолели и заложившую основы их государственности Доктрину Монро. Будучи сформированной в 1823 году президентом США Джеймсом Монро, она надолго стала основополагающим столпом американской внешней политики. Суть этой доктрины заключалась в том, что Соединенные Штаты в своей политике должны руководствоваться непосредственно интересами государств американского континента, не допуская гегемонистского влияния Европы. Именно в этом Карл Шмитт усматривал возможность

построения «Больших Пространств», должных прийти вместо национальных государств.

Однако позже Америка выходит за рамки, установленные Доктриной Монро, и сама берет на себя роль мирового арбитра, утвердившись в перманентной экспансии. Этот шаг уводит американскую цивилизацию от возможности построения порядка «Больших Пространств» в сторону колониальной гегемонии, манифестом которой стала написанная в 1902 году работа британского экономиста Джона Аткинса Гобсона под названием «Империализм».

Либерально-демократическая идеология выхолощено-го модерна, оторванная от архаических европейских корней, в Америке достигает пика своего развития. ManifestDestiny трансформируется в тотальную мировую экспансию — проект Нового Мирового Порядка. Фундаментальный анализ этого проекта был проведен антиглобалистами неомарксистского толка: Антонио Негри и Майклом Хардтом. Глобальная Империя, которую описывают Негри и Хардт, в правовом отношении не имеет истока в империализме по причине децентрализации власти. Она преодолевает также и пространственные границы. Они пишут:

«Идея Империи определяется прежде всего отсутствием границ: её владычество не знает пределов. Первое и самое главное в концепции Империи — это утверждение системы пространственной всеобщности, то есть по сути, власти над всем «цивилизованным» миром. Никакие территориальные границы не ставят пределов этой власти» (Негри-Хардт, «Империя»).

Негри и Хардт утверждают, что глобальная Империя, основанная на сетевой структуре и децентрализации власти, является совершенно новым проектом, который не имеет ничего общего с традиционным империализмом, представляющим собой экспансию воли национального государства. США, являясь талассократической державой, достигает логического развития своей морской сущности именно в окончательном низвержении

пространственных императивов. Карл Шмитт в своей работе «Номос Земли в правах народов» подчеркивает, что «Море не знает такого очевидного единства пространства и права, порядка и локализации».

В фундаментальном труде «Теория Многополярного Мира» Александр Дугин пишет: «Империя в контексте Постмодерна является сетевой (а не пространственной) структурой. Она практически совпадает с гражданским обществом, так как основана на абсолютизации либеральных ценностей и принципов, а отнюдь не на архаических принципах иерархий» (А. Дугин, ТММ)

Однополярный мир, каким мы его знаем, имеет в своей основе «мягкий» либерально-демократический террор. Претензия западной идеологии на универсальность отрицает *Justus hostis* — законность врага, признаваемую старым международным правом (*Jus publicum europaeum*) за каждым политическим субъектом. Вместо этого США, уверенные в необходимости насаждения демократии по всему миру без учета социальных, культурологических и политических особенностей того или иного народа, пользуется правом *justa causa* (справедливое дело).

Ален де Бенуа: «Шмитт показывает, что идеологические и «гуманитарные» войны нынешнего времени, которые лишают врага моральных качеств вместо того, чтобы признавать в нем противника, мотивы которого, даже ведя с ним борьбу, можно признавать, приняли эстафету от религиозных войн. Они демонстрируют точно такой же безжалостный и тотальный характер».

Такое позиционирование означает выход за рамки Политического. Необходимая для постулирования Политического пара «Друг-Враг», которая представляет собой экзистенциальную дифференциацию, в условиях постмодерна размывается. В современном политологическом дискурсе концепт Империи имеет вес лишь в постмодернистском ключе, как глобальная Империя, описанная Негри и Хардтом.

Тем не менее, в 20 веке можно было наблюдать рост интереса к имперским проектам, в частности, в Веймарской Республике.

После 1933 года уже официальные круги Германии стали активно обсуждать идею Рейха. Карл Шмитт, разрабатывающий понятие «больших пространств» (Grossraum), выдвигал концепт империи в качестве основной отправной точки для нового политического порядка в международном праве. Фундаментальным расхождением шмиттианского концепта «Рейха» с Рейхом национал-социалистов, стало постулирование последними в качества централизующей силы национального приоритета, тогда как Рейх в консервативно-революционной оптике обладал цивилизационным измерением, основанным на альянсе народов, что в гораздо большей степени соответствует актуальному потенциалу международных отношений.

Циничный и уже давно не скрываемый отказ лидирующей сверх-державы признавать за другими государствами уникальную субъектность приводит в наше время к пробуждению их самосознания и возможности построения многополярного мира. Самюэль Хантингтон еще в 90х годах писал, что «глобальная политика стала многополюсной и полицивилизационной». Французский философ, политик и теоретик движения «Новые правые» («Nouvelle Droite») Ален де Бенуа выдвигал «концепт плюриверсума», в противовес унификации и гомогенизации мировых процессов.

Основой для построения Больших Пространств становится цивилизационная, культурная общность. Это в первую очередь геополитическое объединение, основанное на фундаментальном противостоянии англо-саксонской и евразийской парадигм.

ТММ: «Большое пространство оперирует с исторической и сакральной картиной мира. Для теории Больших Пространств субъект — это народ, конкретный органический коллектив».

Народ, противостоящий гражданскому обществу как обезличенной массе постмодерна. «Мыслящее присутствие» — против двухмерной фрагментации, «метаязыка банальности».

Итак, в области международных отношений мы имеем Цивилизации (Хантингтон) — культурное, социологическое объединение ОБЛАСТЬ МО.

Империю же мы предлагаем в качестве наиболее конгениальной Цивилизациям и Большим Пространствам формы политического объединения. Империя представляет собой наднациональное политическое образование, которое, как подчеркивает Алан де Бенуа, «аргіогі совместимо с разными формами правления», то есть может быть как монархической, так и аристократической или демократической, в соответствии с цивилизационным кодом.

Идея Империи как политической формы цивилизации, концептуально противостоящей Новому Мировому Порядку постмодерна, сейчас представляет из себя прекоцепт — по Шмитту, предшествующий правовому статусу в МО. Для полноправного обоснования этих идей и преодоления глобальной сетевой системы, которая автономизируется от какого-либо центра власти, правительства и пространственных императивов, необходимо обращение к интеллектуальному ядру каждой из цивилизаций в процессе противопоставления. Это будет радикальным ответом высшего гуманизма, категорическое «нет» виртуальной постреальности.

Американские политологи уже вынуждены признавать начало многополярной эры. Но в качестве серьезных акторов готовы рассмотреть лишь Америку, Европу и Китай, полностью сбрасывая со счетов Евразию. Место для неё отводится лишь в так называемом «втором мире». Но за этим скрывается панический *ressantiment* к возрождению Хартленда, не собирающегося становиться западной колонией.

Построение четвертого, евразийского полюса требует в первую очередь обнаружения и активизации стратегического цен-

тра евразийской цивилизации. Совершенно ясно, что таковым может быть только Россия, которая в сложившейся геополитической ситуации обязана со всей ответственностью взять на себя роль структурирующей оси, «Pivotarea». Известнейший французский политолог и геополитик Эмерик Шопрад настаивает на том, что именно Россия является залогом дальнейшего развития событий. От её стратегической ориентации зависит установление многополярного миропорядка.

О стратегическом полюсе цивилизации, в задачи которого входит оформление идеологии, а также разработка стратегического проекта и тактических решений, Александр Дугин в «ТММ» пишет:

«Эта инстанция является условной и выводимой чисто умозрительно, как умозрительное пространство, где концентрируются решения, затрагивающие в той или иной степени сферу международных отношений. Этот стратегический полюс и есть полюс многополярного мира, поскольку мир цивилизаций открывается как многополярный именно за счет пересечения интересов или оформления конфликтов, проходящих через инстанцию полюса».

Парадоксальность и отказ от действия прямыми, логически выверенными, чисто западными путями — вот та особенность России, что всегда ужасала и восхищала весь мир. Россия всегда действует не благодаря, а вопреки всем законам и правилам.

Станем ли мы утверждать, что порядок Империи — наше будущее? Мартин Хайдеггер строго разделял понятия Будущего и Грядущего, Прошлого и Бывшего. Только то, что наличествует в со-бытии, имеет свой вечный, непреходящий лейтмотив, неуничтожимо вне зависимости от факта проявления в настоящем.

Империя оперирует с Вечностью. Преходящее для неё глубоко второстепенно. И сейчас, когда туман иллюзий начинает рассеиваться, мы заявляем о своем намерении реконструировать вечный порядок — порядок Империи.

Есин С. Ю.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ГЕГЕМОНИЯ ИЛИ МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР?

Спустя 20 лет после окончания Холодной Войны и перехода от биполярности к однополярной системе международных отношений, мир так и не подошел к ожидаемому «концу истории», а сама однополярная система глобального управления оказалась не в состоянии эффективно противостоять глобальным вызовам XXI века. На фоне стремительного роста Китая, усиления Индии, возвращения России и появления таких новых игроков как Бразилия, становится все более очевидной необходимость пересмотра существовавшего последние 20 лет международного дисбаланса сил, вызванного однополярной гегемонией США. После провала неоконсервативной команды Буша младшего, внешняя политика США перешла под влияние либерального окружения Барака Обамы. В последние годы в этой среде резко увеличилось количество научных работ и исследований в отношении будущего формата международной системы. Эти работы можно условно разделить на две категории: либеральные пессимисты и либеральные оптимисты¹.

Данная статья представляет краткое содержание двух возможных сценариев будущего устройства мира, предложенных Чарльзом Купчаном и Джоном Айкенберри. Оба эти специалиста являются широко известными политическими экспертами в области геополитики и международных исследований, чье влияние на формирование внешней политики США трудно переоценить. Так, например, Чарльз Купчан является одновременно

¹ В США по отношению к пессимистам используют также термин *declinists* (упадничество).

но профессором Джорджтауновского университета и старшим научным сотрудником Совета по международным отношениям (CFR), а в недавнем прошлом еще и директором европейского отдела Национального Совета Безопасности при администрации Б. Клинтона. Джон Айкенберри также преподавал в Джорджтауновском университете, где он работал профессором по таким дисциплинам как геополитика и глобальное право¹. Помимо работы в Джорджтауновском университете, Айкенберри преподавал в Принстонском университете, был старшим сотрудником Фонда Карнеги, принимал участие в нескольких проектах Совета по международным отношениям (CFR), имел опыт работы в отделе политического планирования Госдепартамента США в период с 1991 по 1992 гг. Даже краткая биография вышеупомянутых авторов показывает, что эти люди не являются просто кабинетными учеными, а наоборот — обладают достаточными инструментами для реализации своих теоретических исследований в практическую реальность.

В этой связи представляется интересным начать рассмотрение выдвигаемых вышеупомянутыми авторами концепций с краткого ознакомления их предыдущих работ, которое даст возможность проследить за развитием американской мысли в области проектирования и реализации моделей мирового управления. Для этого стоит обратить внимание на одно научное исследование под названием «Социализация и гегемонистическая сила»². Эта работа была написана совместно Чарльзом Купчаном и Дж. Айкенберри в 1990-м году. Поначалу она не приобрела широкой известности среди американских политологов, хотя со временем популярность этого исследования резко возросла. В данном исследовании Ч. Купчан и Дж. Айкенберри предлагают стратегию, согласно которой гегемон должен укреплять и распространять свое влияние, проецируя свою власть на элиты других

1 англ. Global justice.

2 Оригинальное название статьи на англ. «Socialization and Hegemonic Power». (Ikenberry & Kupchan, 1990).

стран и заставляя их действовать в интересах гегемона не только (и не столько) за счет использования грубой материальной силы в виде угрозы вторжения или применения экономических санкций, но и за счет взращивания новых элит, разделяющих мировоззрение гегемона, и не видящих противоречий между интересами своих стран и интересами гегемона. Не отвергая и не занижая важности манипулирования материальными стимулами, Купчан и Айкенберри, тем не менее, обращают внимание американской элиты на необходимость использования «скрытого компонента» гегемонистической власти, который «работает на уровне субстантивных убеждений, а не материальных отдач» (Ikenberry & Kupchan, 1990). Таким образом, в результате социализации элит из стран «второстепенного порядка», гегемоном достигаются необходимое согласие и покорность этих стран. Такая социализация проводится через создание необходимой инфраструктуры и институтов для образования элит из других стран. Так эти элиты усваивают сформулированные гегемоном нормы и затем проводят политику, соответствующую понятиям гегемона о международном порядке и месте своих стран в этом порядке. Купчан и Айкенберри в этом исследовании ставят перед собой задачу четко сформулировать механизмы такой социализации и определить условия, при которых эта социализация может стать эффективным источником проецирования силы американской гегемонии. И надо признать — с момента публикации этой статьи в 1990-м году, американская однополярная гегемония достигла значительных успехов, а так называемая «социализация элит стран второстепенного порядка» была успешно применена в странах Восточной Европы и в ряде стран постсоветского пространства¹. Есть все основания предполагать, что и в самой России эта программа социализации даёт определенные результаты, размывая национальную идентичность и поощряя космополитическое мировоззрение.

¹ Здесь имеется в виду серия «цветных революций» на Украине, в Грузии и в Киргизстане.

Тем не менее, за последние 4 года, с момента первой кризисной волны 2008 года, эпоха американской однополярности вошла в стадию серьезного системного кризиса. И если в 90-е годы Айкенберри и Купчан являлись по большому счету единомышленниками и в равной степени разделяли оптимизм по поводу растущей гегемонии США, то уже в 2000-е пути двух этих специалистов стали расходиться. Если Айкенберри продолжал заниматься исследованиями по укреплению однополярного миропорядка, то Купчан постепенно занимал более осторожную, часто критическую позицию по этому вопросу. Уже в 2003-м году Чарльз Купчан публикует книгу *Конец американской эры*¹, в которой утверждает о том, что американская однополярность обречена, а рост разногласий между ЕС и США приведет в результате к ослаблению американской гегемонии и к становлению Европейского Союза в статусе новой глобальной супердержавы (Kupchan, 2003). Можно по-разному относиться к такому прогнозу, но следует учесть, что этот прогноз отразил страхи многих американских геополитиков в отношении возможного раскола атлантического сообщества и поворота ведущих держав Европы в сторону континентальной геополитики и сближения с Россией. Стоит также отметить, что именно в этот момент был осуществлен откровенный демарш Франции и Германии, их сближение с позициями Москвы и совместная критика американского вторжения в Ирак.

Ничей Мир

Уже зарекомендовав себя в определенной степени пессимистом однополярности, в марте 2012 г. Ч. Купчан издает книгу *Ничей Мир*². В этой книге Купчан обращает внимание на процесс перераспределения силы в глобальном пространстве от

¹ В оригинале на англ. *The End of American Era.*

² В оригинале: *No One's World.*

стран Запада в пользу так называемых «остальных»¹. Купчан пишет, что в этом новом мире Америка утратит свое главенствующее положение и, хотя она останется одной из наиболее сильных и влиятельных держав, ей придется во многом уступить свои позиции другим игрокам, находящимся за пределами западной цивилизации. Ничей Мир не предусматривает глобальной гегемонии какого бы то ни было государства, либо альянса государств. Это мир, который не принадлежит никому, но при этом является крайне взаимозависимым и взаимосвязанным (Kupchan, 2012). Автор отрицает возможность перехода однополярности от США к Китаю и этим подтверждает становление новой эпохи многополярности. Однако он не считает многополярный мир чем-то положительным или желаемым. Скорее, наоборот, для Купчана это мир жестких противостояний и конкурирующих мировоззрений. США, по мнению автора, уже не в состоянии диктовать миру свои правила игры и предлагать свою модель политического развития как единственную и безальтернативную (Kupchan, 2012).

Весьма интересен подход Купчана к возможности параллельного существования разных государственных и мировоззренческих моделей, среди которых демократическая модель будет лишь одной из многих других. Мир, в котором не будет гегемонии США, будет миром с разными центрами силы и различными вариациями Модерна, пишет автор книги². Другими словами, Купчан подтверждает тезис «модернизация не равна вестернизации». На протяжении последних трех столетий, западный мир выступал в роли главного двигателя прогресса, создавая современность и продвигая историю вперед, считает автор книги. В таком мире, вопрос глобального управления был достаточно ясен — поскольку Запад считал себя единственной

¹ Здесь Купчан заимствует терминологию С. Хантингтона «The West and the Rest», проводя определённую цивилизационную черту между странами Запада и остальными участниками мировой политики.

² В книге автор использует термин *multiple modernities*, что может быть переведено как «множество современностей».

силой, двигающей историю вперед, то весь остальной мир должен был просто следовать его рецептам и разделять его веру в секуляризм, либерализм и рыночную экономику. Однако, уже сегодня, по мнению автора книги, становится вполне очевидно, что мир, в котором мы живем, является миром с разными реальностями и разными ценностными моделями. Купчан разделяет несколько таких моделей политического устройства, которые будут существовать параллельно друг другу во многополярном мире. Наряду с западной демократической моделью, будут существовать и такие, как коллективная автократическая модель Китая (*communal autocracy*), патерналистская автократия России (*paternal autocracy*), племенная автократия (*tribal autocracy*) стран Ближнего Востока и теократия (*theocracy*) таких стран, как Иран, где религия Ислама наиболее прочно интегрирована в политическую и повседневную жизнь общества. Все эти новые центры силы будут соперничать с Западом и продвигать собственные модели развития, собственное видение современности. Каждая из описанных Купчаном альтернативных социальных моделей имеет свои изыяны и недостатки. Однако и западная модель не лишена своих слабостей. Купчан считает, что главная проблема западной либеральной модели гораздо глубже того экономического кризиса, в который погрузился сегодня глобальный капитализм. Это системная проблема, которая заключается в слабом управлении, в растущем социальном разделении, во все более увеличивающейся апатии западного электората, которая в свою очередь вызвана некомпетентностью и несостоятельностью существующих сегодня элит. Все эти проблемы можно свести в одну формулу — кризис глобального управления. Западный мир должен сосредоточить все свои силы на собственном обновлении и прекратить попытки экспортировать свои нормы в другие регионы (Kupchan, 2012).

По мнению Купчана, предположения большинства западных политиков, что западные нормы являются универсальными, не соответствуют действительности. Купчан критикует тех запад-

ных специалистов, которые считают, что не смотря на кризис в западном мире, поддерживаемые Западом нормы либерализма будут продолжать доминировать в мире, а страны вне западной ойкумены — продолжать видеть в Западе единственную возможную модель развития. Вместо того, чтобы продолжать настаивать на распространении демократических принципов и идеалов, Запад во главе с США, должен принять то политическое многообразие, которое становится все более заметным. Вместо не работающего концепта «либерально-демократического управления» Купчан предлагает ввести новый критерий легитимности — «ответственное управление» (*responsible governance*). Этот критерий должен соотноситься с тем, как то или иное государство справляется со своими обязанностями перед гражданами, вне зависимости от политического строя этого государства. Вместо попыток отчуждения разных влиятельных стран исходя из идеологических принципов, введение концепта «ответственное управление» будет способствовать их более тесному вовлечению в международную систему, а их участие в этой системе — способствовать решению серьезных проблем глобального характера.

Безусловно, автора книги «Ничей Мир» нельзя считать сторонником многополярного миропорядка. В его книге нет позитивных оценок того нового баланса силы, который идет на смену однополярности. Однако в ней есть призыв к американским элитам пересмотреть свою внешнюю политику и настроить ее в соответствии с меняющимся миром, а это уже показатель некоего переосмысления однополярности, ее результатов и американской ответственности за эти результаты.

Глобальный Левиафан

Если после совместной работы по интеграции элит подконтрольных государств, Чарльз Купчан перемещался на позиции так называемых «деклайннистов», то Айкенберри остался на прежних позициях «либерального империализма». В 2000 г.

Айкенберри пишет книгу После Победы, в которой описывает, как США использовали многосторонние институты международной системы (ООН, НАТО и др.), чтобы встроить собственные национальные интересы в образующийся глобальный либеральный миропорядок. В своей новой книге, написанной в 2011 г. и названной Либеральный Левиафан, Айкенберри утверждает, что построенная США однополярная система и все ее институты, достаточно притягательны для таких растущих глобальных игроков, как Индия и Китай, чтобы элиты этих стран поддержали идею либерального миропорядка и не нарушили статус-кво, даже когда США испытывают сложности.

Само название книги — Либеральный Левиафан автоматически адресует читателя к Гоббсу. Однако европейский философ XVII века называл Левиафаном национальное государство, которому подчинялись граждане с целью сохранить порядок и избежать анархии. Здесь же автор эксплицитно использует гоббсовский термин и переносит его из внутренней политики в область международных отношений. Выдвигая концепцию либерального Левиафана, Айкенберри намеревается заменить существующую анархию, с помощью которой реалисты объясняли структуру международных отношений и поставить на место анархии глобального Левиафана в лице США. У Гоббса граждане наделяют государство эксклюзивным правом на применение силы, чтобы избежать внутренней анархии и хаоса, и тем самым упорядочить свою мрачную, эгоистическую и злую природу — *homo homini lupus*¹. Айкенберри же фактически переносит теорию Гоббса на отношения государств. И во избежание глобальной анархии приписывает США статус мирового Левиафана с эксклюзивным правом на применение силы и усмирение непокорных. На первый взгляд Айкенберри здесь мало чем отличается от концепций неоконсервативных «ястребов» времен правления Дж. Буша младшего. Именно в период его правления в США открыто стали обсуждать имперскую

¹ Лат.: «Человек человеку — волк».

тематику. И хотя имперский нарратив всегда присутствовал в американской историософии, именно в момент правления Буша мл. эта тематика получила наибольшее распространение, как в научной среде, так и в общем медийном пространстве. Однако, не смотря на явную схожесть неоконсервативной «благой гегемонии» и «либерального левиафана» Айкенберри, последний, все же, имеет некоторые отличительные характеристики. Неоконсерваторы времен Буша настаивали на проведении односторонней и силовой внешней политики. Конечно, они опирались по возможности и на «коалиции доброй воли», как это было во время войны в Ираке. Тем не менее, при отсутствии таких коалиций, неоконсерваторы не оглядывались и не прислушивались к мнению других великих держав и даже своих европейских союзников. По сути, неоконсерваторы стремились поставить США выше международного права, за что не раз подвергались критике со стороны либерального крыла, к которому относится и Дж. Айкенберри. Американский Левиафан Айкенберри именно потому является «либеральным», потому что сдерживает себя рамками международного права и нормами поведения в либеральной международной системе. Еще в 2002 г., в статье под названием «Имперская амбиция Америки», изданной в журнале *Foreign Affairs*, Айкенберри жестко раскритиковал претензии неоконсерваторов на проведение односторонней внешней политики, назвав этот подход «политически несостоятельным и дипломатически пагубным»«. Однако, критикуя неоконсерваторов за одностороннюю политику и силовое навязывание демократических ценностей, Айкенберри не критикует сам факт американской гегемонии и однополярного мироустройства. Для него однополярный мир во главе с США это не случайное последствие глобальных изменений в балансе силы, а результат тяжелых усилий по строительству «свободного мира»»; результат работы, начатой еще президентом Вудро Вильсоном. По сути, Айкенберри причисляется к последователям вильсоnianства, которое не менее агрессивно, чем не-

оконсерваторы, особенно, когда дело касается распространения демократии. Что отличает вильсонских либеральных империалистов, так это их особенное отношение к нормам либерального миропорядка. В своей книге Айкенберри предлагает отличать либеральную гегемонию США от неоконсервативной имперской иерархии. Имперская иерархия, по его мнению, устанавливается путем применения грубой материальной силы и поддерживается только в интересах имперского центра. Система либерально-гегемонистической иерархии строится не через силу, а через согласие. Эта система управляется силой закона (*rule of law*) и поддерживается в интересах создания и распространения общественных благ. Айкенберри убежден, что эта система достаточно привлекательна не только для Запада, но и для растущих Китая и Индии. Айкенберри признает, что на сегодняшний момент либеральный гегемонистический порядок переживает кризисное время. Тем не менее, для Айкенберри это кризис управления либеральным миропорядком, но не кризис самого этого порядка. Суть современного кризиса заключается в том, что либеральный миропорядок перерос своего создателя — США. Айкенберри призывает провести некоторое реформатирование глобальной либеральной гегемонии. Он убежден, что администрация Обамы намерена достичь этой цели. Обама не намерен отказываться от однополярной гегемонии. В противовес возможности создания многополярного мира, американский Государственный Департамент берет на вооружение стратегию по построению «мультипартнерского мира». Цель этой стратегии — вовлечь новые центры силы в прежний либеральный миропорядок, уступив им некоторые позиции внутри иерархии в обмен на статус-кво и сохранение за США позиции гегемона.

Айкенберри не может принять аргументы в пользу становления многополярного мира. Для него сама возможность появления многополярности является признаком краха глобального либерального проекта. Следовательно, это крыло американской

внешней политики никогда не примет аргументы, высказанные Ч. Купчаном в пользу тактики постепенной изоляции и приспособления к новым условиям. Несмотря на явное ослабление однополярного порядка, ждать плавного и постепенного перехода из одной фазы в другую не стоит. Можно с определенной уверенностью утверждать, что, даже не смотря на рост изоляционистских настроений, американские элиты приложат все возможные усилия, чтобы продлить переходную фазу в надежде на то, что время на их стороне. На сегодняшний момент в среде американских специалистов по внешней политике наиболее популярной является стратегия по созданию необходимых условий для инкорпорирования Китая в уже существующую однополярную модель с целью сохранения статус-кво. Такое инкорпорирование сделает невозможной консолидацию евразийских центров силы, а без этой консолидации построение многополярного мира станет практически невозможным.

Список использованной литературы:

Ikenberry, J. G. (2000). After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ikenberry, J. G. (2011). Liberal Leviathan. The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ikenberry, J. G., & Kupchan, C. A. (1990). Socialization and Hegemonic Power. International Organization vol. 44, No. 3 , 283-315.

Kupchan, C. A. (2012). No One's World. The West, The Rising Rest, and The Coming Global Turn. New York: Oxford University Press.

Kupchan, C. A. (2003). The End of American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. New York: Random House Inc.

Савин В. В.

**ИНТЕГРИРОВАНИЕ ПЛАНЕТАРНОГО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА:
ОТ ДЕВЯТИПОЛЯРНОГО МИРА К ТРЕМ
«ЕСТЕСТВЕННЫМ» КОАЛИЦИЯМ
БОЛЬШИХ ПРОСТРАНСТВ**

Социально-экономическое, военно-политическое, культурно-философское, религиозно-этическое, научно-техническое и т. д. развитие человечества привело к тому, что к концу 20 века стало возможным эффективное управление большим количеством людей, проживающих на большей территории, чем это было возможным еще в середине 20 века. Именно поэтому, на мой взгляд, проекты интегрирования человечества в рамках национальных государств потерпели сокрушительное поражение: свидетельством этого стало и нарастание (наиболее ярко в последние два десятилетия) локальных конфликтов и беспомощность ООН, оперирующей уже устаревшими национальными схемами. Более того, все очевиднее становится (об этом свидетельствуют также результаты компьютерного моделирования¹), что итогом продолжающихся попыток интегрирования человечества на основе национальных государств (в недавнем прошлом, Великобритании, Германии и СССР, в настоящий момент США, в будущем, возможно, Китая и т.д.) станет новая (третья) мировая война, чреватая полным уничтожением человечества².

¹ См., например, Эпштейн/Акстелл (1996).

² См., например, Аксельрод (1997) 132пп..

Основная, на взгляд, автора данной статьи, причина¹ заключается в том, что комплексность интегрирования человечества на основе национальных государств столь велика², что не поддается осознанному контролю, и, следовательно, создает стимулы к оппортунистическому поведению³.

Как известно, решение проблемы избыточной комплексности видится в эмергентных (или эмергентных) общностях (параметрах, свойствах и т.д.), уменьшающих комплексность задачи. Действительно, в последнее время повышается интенсивность консолидации национальных государств в, так называемые, большие пространства, объединяющие в единое целое большее или меньшее число территориально и культурно близких стран: в качестве примера можно назвать ЕЭС, ЕврАзЭС, МЕРКОСУР, НАФТА, ЮжноАзиатский Союз, Лига арабских государств и т.д..

Экспертное сообщество несколько разделилось в своих мнениях о том, каким будет завершение процесса формирования больших пространств и какое количество полюсов предполагается у формирующегося многополярного мира больших

¹ Объяснение всех причин подобных прогнозов займет слишком много времени и места, поэтому в данной статье автор вынужден будет ограничиться основной и достаточной причиной этих результатов: неконтролируемой комплексностью интегрирования человечества на основе национальных государств.

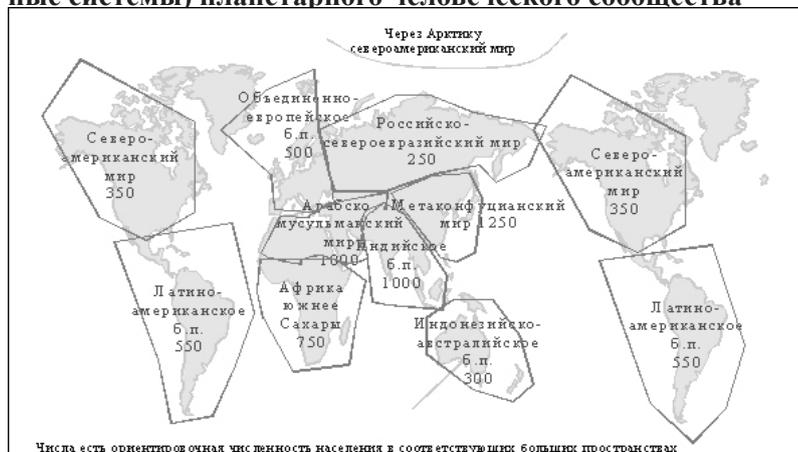
² В самом деле, если представить комплексность (К) задачи интегрирования планетарного человеческого сообщества как функцию многообразия (М) и динамики (D), т.е. $K=f(M,D)=M*D$, то даже при отсутствии динамики, т.е. $D=1$, для анализа развития человечества на основе представленных в настоящее время в ООН около 220 государств и территорий необходим учет около 20 тыс. межстрановых отношений (так как многообразии этой задачи $24090=219+218+\dots+2+1$, то комплексность $K=24090=24090*1=M*D$).

³ Как известно (см. Миллер (1956)) в силу особенностей работы человеческого мозга человек в состоянии одновременно осознанно обработать 7(±

пространств¹. Безусловно, окончательный ответ на этот вопрос даст история, однако, на мой взгляд, уже сейчас можно сказать, что мы постепенно становимся свидетелями формирования 9 (девяти) больших пространств (а следовательно и девятиполярного мира). Сюда относятся (см. рис 1):

- Р — российско-североевразийское большое пространство,
- К — метаконфуцианское большое пространство,
- ОЕ — объединенноевропейское большое пространство,
- АМ — арабскомусульманское большое пространство,
- И — индийское большое пространство,
- А — африканское большое пространство южнее Сахары,
- ИА — индонезийско-австралийское большое пространство,
- СА — североамериканское большое пространство,
- ЛА — латиноамериканское большое пространство.

Рис. 1. Большие пространства (культурно-территориальные системы) планетарного человеческого сообщества

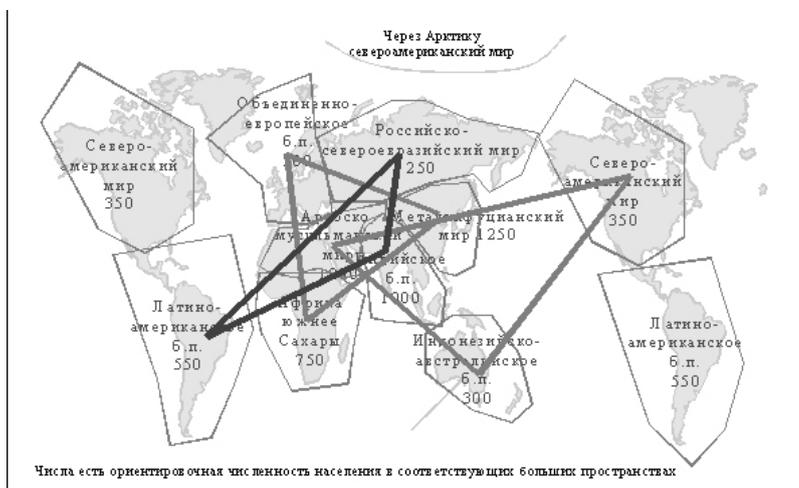

Источник: авторская разработка

¹ В частности, североамериканские эксперты предполагают установление однополярного мира, китайские эксперты предполагают создание пятиполярного мира, некоторые российско-североевразийские эксперты предполагают возникновение четырехполярного мира, объединенноевропейские эксперты подчеркивают кооперативную сущность нового мирового порядка, не называя при этом число полюсов и т. д..

К сожалению, комплексность задачи интегрирования планетарного человеческого сообщества на основе больших пространств — хотя и меньше комплексности предыдущей задачи — не позволяет избежать оппортунистического поведения¹. Так как решение проблемы избыточной комплексности видится в эмергентных общностях (параметрах, свойствах и т.д.), уменьшающих комплексность задачи, то именно как такое решение и стоит расценивать, на мой взгляд, интенсификацию дискуссии о коалициях больших пространств: например, об АСЕАН, о ШОС, о проекте Большой Европы и т.д.

Рис. 2. «Естественные» коалиции больших пространств планетарного человеческого сообщества

Источник: авторская разработка

¹ Как несложно заметить, по аналогии с ссылкой 4 для анализа развития человечества на основе 9 (деяти) больших пространств необходим учет 36 ($M=36$) межбольшепространственных отношений (так как многообразие этой задачи $36=8+7+\dots+2+1$). Однако, если отказаться от статики и предположить, что фактор, описывающий динамику, равен 5 ($D=5$), то комплексность проекта интегрирования человечества на основе больших пространств также становится неподконтрольной человеку ($K=180=36*5$) и создает стимулы для оппортунистического поведения.

На мой взгляд¹ процесс формирования коалиций больших пространств завершится созданием трех «естественных» коалиций больших пространств (трех «треугольников», см. рис. 2)²:

Россия — Индия — Латинская Америка (РИЛА),

Метаконфуцианский мир — Объединенная Европа — Африка южнее Сахары (КОЕА),

Арабско-мусульманский мир — Индонезийско-австралийский мир — Северная Америка (АМИАСА).

Комплексность задачи интегрирования планетарного человеческого сообщества на основе «естественных» коалиций больших пространств уже позволяет избежать оппортунистического поведения при интегрировании планетарного человеческого со-

¹ Мнение экспертов относительно того, каким будет завершение процесса формирования коалиций больших пространств мне неизвестно, видимо, данные «мозговых центров» до меня еще не дошли.

² При этом я исхожу из того, что

для больших пространств, соприкасающихся друг с другом, характерны пограничные конфликты (пограничные конфликты есть и между индийским пространством и китайским пространством, и между китайским пространством и североамериканским пространством, и между индонезийско-австралийским пространством и китайским пространством, и между латиноамериканским пространством и североамериканским пространством и т.д.),

большие пространства, не имеющие общих границ, обладают взаимной комплиментарностью (в качестве примера можно привести китайское пространство и объединенноевропейское пространство, индийское пространство и российско-североазиатское пространство, арабскомульманское пространство и индонезийско-австралийское пространство и т.д.).

Анализ частоты (пограничных) конфликтов позволяет сделать вывод о том, что стратегическая кооперация и комплиментарность между большими пространствами наиболее вероятны для тех больших пространств, которые не имеют общих границ и, следовательно, не конкурируют за ресурсы пограничных областей, а также наименее вероятны для тех больших пространств, которые имеют общие границы и конкурируют за ресурсы пограничных областей.

общества¹. Кроме того, в рамках концепции «естественных» коалиций больших пространств реализуется и поликонтекстуальность мира², позволяющая России (или шире, Северной Евразии)³ ориентироваться в новом «многополярии», т.е. различать, каковы принципиальные интересы России (или шире,

¹ Как несложно заметить, по аналогии с ссылкой 4 и ссылкой 7 для анализа развития человечества на основе 3 (трех) «естественных» коалиций больших пространств необходим учет 3 ($M=3$) межкоалиционных отношений (так как многообразии этой задачи $3=2+1$). При этом не нужно отказываться от динамики: при предположении того, что фактор, описывающий динамику, равен 5 ($D=5$), комплексность проекта интегрирования человечества на основе «естественных» коалиций больших пространств подконтрольна человеку ($K=15=3*5$) и предотвращает возможность появления стимулов для оппортунистического поведения.

² «Поликонтекстуальность означает, что существует множество возможных различий, множество различных контекстурностей, которые не могут быть с помощью архимедовской точки опоры спроецированы друг на друга и сравнены друг с другом. Это означает, что каждое наблюдение можно наблюдать и критиковать с помощью другого (или других) наблюдения (ий). Тем самым отпадает «абсолютно правильное» понимание мира и «абсолютно правильный взгляд на мир». То, что утверждается, всегда утверждается некоторым наблюдателем, который должен понимать, что его всегда можно критиковать и просвещать относительно его слепых пятен. Каждое наблюдение — это контингентная конструкция, которая при иным способом выбранном различии была бы другой». См. Книр/Нассехи (2000) 102пп. (пер.авт.).

³ Данная концепция также позволяет ориентироваться в новом «многополярии» и всем остальным большим пространствам.

Северной Евразии) по отношению к каждому из больших пространств^{1 2}.

Важно отметить, что без сохранения геостратегической субъектности Россией (или шире, Северной Евразией) построение нового многополярного мира «естественных» коалиций больших пространств невозможно. Это следует, в частности, из того, что

прежде всего Россия несет на себе тяжесть интеграции большого пространства Северной Евразии (Казахстана, Белоруссии, Киргизии, возможно и других территорий, чувствующих свою российско-североевразийскую идентичность),

¹ Исходя из концепции «естественных» коалиций больших пространств можно утверждать, что России (или шире, Северной Евразии) максимально близка она сама, затем Индийский и Латиноамериканский миры, в третью очередь, Африка южнее Сахары и Индонезийско-австралийский мир, и, в последнюю очередь, Объединенная Европа, Китайский мир, Арабско-мусульманский мир и Северная Америка. Вытекающую из этого последовательность задач для России (или шире, Северной Евразии) можно записать следующим образом:

Задача 1 — прежде всего, Россия должна консолидировать вокруг себя Северную Евразию, т.е. самое себя,

Задача 2 — Россия (или шире, Северная Евразия) должна интенсифицировать отношения в рамках собственной «естественной» коалиции больших пространств, (т.е. установить прочные отношения со стратегически комплементарными Индией и Латинской Америкой)

Задача 3 — в третью очередь, Россия (или шире, Северная Евразия), должна установить отношения с Африкой южнее Сахары и с Индонезийско-австралийским миром,

Задача 4 — в последнюю очередь, Россия (или шире, Северная Евразия) должна устанавливать отношения с объединенноевропейским, арабомусульманским, китайским, североамериканским большими пространствами (здесь важно, прежде всего, кооперировать для недопущения войны).

² Ирония войны североамериканского большого пространства с арабскомусульманским большим пространством заключается в том, что Северная Америка («сила есть ума не надо») предпочла установить оптимальную координацию в рамках собственной «естественной» коалиции АМИАСА с помощью полного подчинения себе одного из больших пространств данной «естественной» коалиции, т.е. с помощью простейшего директивного регулирования. Неадекватность данного подхода к решению проблемы комплексности очевидна и легко моделируется. См., например, Пачевская/Тейлор/Джонс (2002) 20.

прежде всего большое пространство России (или шире, Северной Евразии) несет на себе — в силу принадлежности к богатому «Северу» — тяжесть интеграции «естественной» коалиции больших пространств Россия — Индия — Латинская Америка (РИЛА),

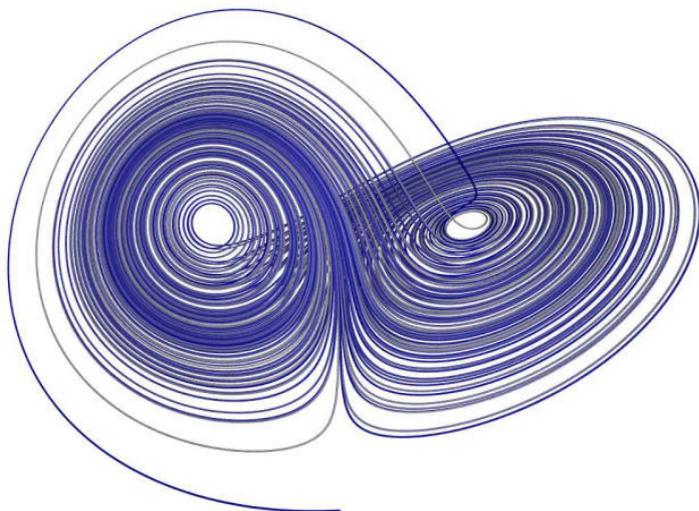
прежде всего, «естественная» коалиция больших пространств РИЛА несет на себе — в силу особого центрального положения на евразийском континенте двух центров РИЛА (России и Индии) — тяжесть интеграции человечества на основе трех «естественных» коалиций больших пространств (РИЛА — КОЕА — АМИАСА).

Зададимся теперь вопросом о том, как может быть осуществлено регулирование нового мироустройства? Если право регулирования будет передано одной из «естественных» коалиций (или если «спуститься» на более низкий уровень регулирования, одному из больших пространств одной из «естественных» коалиций или, если «спуститься» еще ниже, одной из стран), то это право будет использовано не в общих, но в своекорыстных, коалиционных, глокальных или национальных интересах. Поэтому желательно наличие регулирующей структуры, способной осуществить регулирование взаимодействия естественных коалиций.

Такая структура в принципе уже существует: вначале, в виде Лиги Наций, затем, в виде ООН, — была создана сеть глобальных организаций, потенциально способная решить проблему управления этим взаимодействием. Однако в данный момент эта организация, во-первых, не обладает достаточными военно-политическими, социально-экономическими и культурно-философскими «полномочиями», достаточными для успешного решения этой задачи, во-вторых, де-факто контролируется США (или транснациональной финансовой олигархией, прячущейся за аппаратом подавления, дислоцированным в США).

Более того, цель управления глобальными процессами не может быть формулирована статично в виде достижения в некий момент времени «устойчивого» равновесия, но должна быть определена динамически в виде нахождения в пространстве вокруг «устойчивых» траекторий развития. Для иллюстрации этого различия можно привести часто цитируемый странный аттрактор Лоренца, демонстрирующий квази-хаотическое поведение в силу наличия нелинейных зависимостей между переменными (см. рис. 3). Управление системой, демонстрирующей квази-хаотическое поведение, может и должно быть направлено не на нахождение системы в строго определенной точке, но на то, чтобы траектория развития системы не вышла за пределы некоторого заранее определенного пространства вокруг некоей «оптимальной» «устойчивой» траектории.

Рис. 3. «Странный» аттрактор Лоренца

В настоящий момент, именно в русскоязычном пространстве начинаются работы по формулированию понимания относительно: а) какой может и/или должна быть «оптимальная»

«устойчивая» траектория для планетарного человеческого сообщества, б) насколько велико может быть пространство вокруг «оптимальной» «устойчивой» траектории, в) какой может быть реализуемая система, способная разработать и реализовать программы поддержки нахождения системы взаимодействующих «естественных» коалиций больших пространств «вблизи» от «оптимальной» «устойчивой» траектории развития.

Предварительно можно предположить, что глобальная система, состоящая из четырех (4) элементов: три (3) «естественные» коалиции больших пространств и система ООН, — будет ультра-стабильной, т.е. способной сохранять свое местоположение в пределах определенного пространства.

Литература:

Аксельрод, Р.: Комплексность кооперации: агентные модели конкуренции и сотрудничества, Изд-во Принстонского университета, 1997, [Axelrod, R.: The complexity of cooperation — agent-based models of competition and collaboration, Princeton University Press, 1997], (1997)

Книр Г.; Нассехи А.: Теория социальных систем Никласа Лумана — введение, 4е изд., Мюнхен, Финк, 2000, [Kneer, G.; Nassehi, A.: Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme: eine Einführung, 4. Aufl., München, Fink, 2000], (2000)

Миллер Г.А.: Магическое число 7 ±Пачевская Е.; Тейлор, Т.; Джонс, С.: Взаимность способствует диверсифицированности и стабильности в простых искусственных экосистемах. В: Искусственная жизнь, Т.8 (2002), 5-24, [Pachevsky, E.; Taylor, T.; Jones, S.: Mutualism promotes diversity and stability in a simple artificial ecosystem. In: Artificial life, Vol.8 (2002), 5-24], (2002)

Эпштейн Дж.М.; Акстелл Р.: Выращивание искусственных социумов: социальная наука снизу вверх, 1996, [Epstein, J.M.; Axtell, R.: Growing artificial societies: the social sciences from the bottom up, MIT Press, 1996], (1996)

Экспресс-интервью журнала «Геополитика» с экспертами в области международных отношений и геополитики по поводу полюсов силы в современной мировой политике

— Почему для международного мирового порядка важно
иметь более трех политических полюсов?

Мануел Охзенрайтер, главный редактор журнала «ZUERST!», Германия: «Ответ на этот вопрос уже дан в самой геополитической ситуации текущего момента. После падения Советского Союза и коммунистического восточного блока западные политологи (Чарльз Краутхаммер, Фрэнсис Фукуяма и много др.) более или менее поддержали «момент

однопolarityности» — единый мир с одним полюсом, который был на западе. Эта идея была похожа на западную «идиллию»: «Западная демократия» и «западная свобода» распространяется по всему миру, достигая последних уголков, а человечество переходит к новому времени — «окончательному» периоду мира и процветания. Хотя каждый день в новостях мы видим доказательства провала этой идеологии, Западе по-прежнему работает с нею. Со времен окончания Холодной войны и геополитических попыток Запада установить эту однополярную идею, мы наблюдаем хаотические и насильственные результаты такого рода геополитики.

Западные идеи однополярности представляют собой смесь идеологий: экономического и политического либерализма, индивидуализма, американизма, атлантизма, постмодернизма, глобализации и массовой миграции. Эта концепция больше не рассматривает людей (хотя она постоянно говорит о правах че-

ловека), она просто видит «лица» и «Потребителей». Это рецепт западной кухни. А где эти идеи не могут распространяться через средства массовой информации, НПО и подкупленных политиков, они пытаются навязать их с помощью бомб и оружия в процессе «строительства наций». Но это не может сработать. Мы видим каждый день, что во всем мире люди сопротивляются против этой геополитической концепции. Конец однополярной идеи состоит не в том, произойдет это или нет, это всего лишь вопрос времени, потому что она не приносит стабильности.

Многополярный международный порядок — это не просто ответ, это логический результат. Вопрос в том, как этот многополярный порядок будет организован. Двуполюсная системы, которую мы имели во время периода холодной войны просто заморозила развитие. Она также будет иметь тот же эффект на периферии двух полюсов, какую имеет однополярная система.

Хорошо организованный многополярный мир с более чем тремя полюсами не только привел бы к стабильности, но и был бы отличным интеллектуальным шансом для культурного обмена на действительно высоком уровне. Он признает значение «различия», в то время как Запад сегодня пропагандирует во всем мире равенство и единство. Местные и региональные культуры будут иметь возможность свободного развития, традиций и культурной идентичности (оба отрицают западную идеологию), которые могли бы процветать. Фактически западная гегемония со средствами НПО и СМИ пытается надавить на эти вещи. Но так будет не всегда».

Матеуш Пискорски, директор Европейского Центра Геополитического Анализа, Польша: «Многополярный международный порядок является основным условием сохранения свободы любого государства, особенно средних размеров, обеспечивая возможность выбора и маневра во внешней политике. Двойные стандарты Запада, в основном США, заключаются в том, что с одной стороны догматом предлагаемого ими капитализма

является свободно-рыночная конкуренция, которая — по их мнению — гарантирует настоящий выбор; в то же время они исключают похожие схемы конкуренции в международной системе. Значит троцкизм который является основой идеологии неоконсерватизма, говорит о том, что только одна политическая идеология имеет право на существование. И это она должна являться всемирной.

Если внимательно проанализировать позиции и высказывания многих теоретиков международных отношений и геополитиков, приходим к выводу, что идея многополярного мира была поддержана не только континентальными теоретиками, а даже частей атлантистов. И так на примерь о преимуществе многополярного порядка над биполярным писал Ганс Моргентау, которого концепция национальных интересов совпадает с пониманием международных отношений как борьбы многочисленных игроков за власть. Эдуард Харлет Карр утверждал, что в многополярном мире существует возможность создания определенного баланса сил, в связи с тем, что у сверхдержав есть возможность создания разных альянсов. Американские реалисты в этом плане существенно отличались от неоконсерваторов.

Многополярность гарантирует не только политическую стабильность. Является необходимым фактором обеспечения многообразия в плане экономических модели развития. Кон-

курующие системы смогут гарантировать правильный выбор пути строения финансовых систем и определения распределения собственности. Многополярный мир это возможность развития и сохранения отдельных цивилизации и собственных иерархии ценностей. Многополярность в условиях глобализации предоставляет возможность сохранения идентичности всех народов и культур. На конец, многополярный порядок может стать единственным путем интеграционных процессов на пространстве Евразии. Как заметил Марко Тарки, в условиях глобализации создание континентального блока ЕС (или другого интеграционного образования, которые будут созданные вместо нынешних) и России является неизбежным. А это именно суть и одна из основ многополярного мира».

Эрик Уолберг, публицист изданий Al-Ahram Weekly и Presstv, автор книги «Postmodern Imperialism: Geopolitics and the Great Games», Канада: «Есть несколько кризисов в мире, поэтому также создание коалиций и подразумевает от стран совместную работу, создание консенсуса, основанного на глобальных потребностях. Идея, что одна страна диктует другим по радикально раз-

ным проблемам (экологическим, конфликтным ситуациям, космическому пространству, использованию Интернета и т.д.) не представляется ни возможным, ни желательным».

Карлос Перейра-Меле, геополитик, профессор университета в Кордобе, Аргентина: «Это имеет первостепенное значение, так как данный подход предотвращает унификацию, однообразное мышление и политическую корректность, которые были в эпоху однополярности после распада Советского Союза, что превратилось в новую глобализацию, направленную на

построение мира зависимости и неравенства (политического, экономического и социального, чего раньше на таком уровне никогда не было) для большинства стран мира, за исключением триады (США с Канадой, ЕС и Япония). Возможность наличия многих полюсов силы, чему мешал режим однополярности».

Андреа Марчильяно, старший научный сотрудник аналитического центра «Il Nodo di Gordio», Италия: «Нынешняя международная геополитическая ситуация представляется довольно размытой, даже в изменениях, а критические сценарии множатся в геометрической прогрессии. Это делает довольно затруднительным размышления о возвращении к паттернам холодной

войны, с двумя или тремя соперниками на арене, а после завершения утопии «Конца истории» и гегемонии одной сверхдержавы, даже сделать набросок рисунок с амбициями Обамы по G2 — китайско-американскому миру. В будущем повторится древняя система Концерт держав. Сценарий, конечно, не без опасностей, но он представляется очень динамичным и может

способствовать многим новым возможностям для роста и интеграции между народами, с агрегацией процессов в организации наднациональных конфедераций, когда появятся такие структуры как Евразийский союз или МЕРКОСУР в Южной Америке, которые представляют собой единственное противоядие от угроз глобализации, управляемой международной финансовой олигархией».

— Как будет формироваться геополитическая роль России в будущем полицентричном мире?

М. О.: «Россия играет важную роль. Слабость России в период сразу после падения Советского Союза и вторжение в Россию западных компаний, конечно, с русскими сотрудниками, не принесли вообще никакой пользы для людей. Россия играет важную роль не только из-за экономической мощи и ресурсов, но и как политическая и культурная сила. Москва раньше называлась «Третий Рим» в качестве центра христианско-православной культуры после падения Константинополя и Византийской империи. Мы сейчас видим, что это не просто историческая идея с давних времен, она до сих пор актуальна и жизненно важна.

И Россия это в то же время родина новой многополярной идеи. Во времена, когда в Европе и США такие идеи являются изолированными, в России уже сегодня она является частью политической и интеллектуальной дискуссии благодаря профессору Александр Дугину. Может быть, Россия станет колыбелью многополярного миропорядка. Я действительно не знаю, откуда он еще сможет появиться...»

М. П.: «Как я уже сказал, Россия будет необходимой частью континентального блока, созданного ЕС и Москвой. Дело в том, чтобы этот блок был основан на настоящем партнерстве. И это точно не «Партнерство для модернизации», которые провоз-

гласили Медведев и Меркель! Геополитическая роль России — это, прежде всего, возрождение имперского духа, не только у себя, но и у европейцев. Этот дух необходимый для осуществления любых геополитических проектов. А на данный момент он в Европе отсутствует. Поэтому я уверен, что у России есть очень важная задача — возрождение вестфальских принципов и понятия суверенитета в бездушной структуре, которой сейчас является ЕС. Российская дипломатия должна вести переговоры с европейскими столицами без лишних комплексов, с уверенностью, что в ближайшие декады Россия будет владеет углеводородами без которых ЕС никуда не денется. Вторая задача России — это защита традиционных ценностей, а точнее отрицание политической корректности путем указывания ее абсурдности. После преодоления кризиса европейской интеграции у Москвы должен появиться полноценный партнер. Переговоры с этим партнером о создании континентального блока должны проходить в формате Евразийский Союз + Европейский Союз (или новые интеграционные образование в случае провала ЕС) = Континентальный Союз. КС будет 100% конкурентоспособен в столкновении с атлантистами (США, Великобритания и Израиль), КНР и другими игроками».

У. Э.: «Важным является восстановление советского/русского присутствия на Ближнем Востоке. В основе дебатов атлантистов и евразийцев лежит судьба всего западного проекта по преобразованию Ближнего Востока, которая была в разработке с 1980-х годов с приходом неоконсерваторов и упадком Советского Союза. Этот план должен был принести управляемый хаос в регион, создав серию слабых и малых государств, из-за чего бы выиграл сильный Израиль. Овед Йинон, автор «Стратегия Израиля в 1980-х годах», предложил политику «разделяй и властвуй». Лидер Хизбаллы Хасан Насралла описал израильскую политику в 2007 году как намерение создать «регион, который был бы разделен на этнические и конфессиональные

государства, имеющие соглашения друг с другом. Это новый Ближний Восток».

Но, учитывая ужасы этой политики, которая была запущена в действие с 2000 года, животрепещущим вопросом для русских политиков должно быть не просто «Должны ли мы присоединиться к западным планам на Ближнем Востоке?», а, скорее, «являются ли западные планы на Ближнем Востоке успешными, и может ли Россия повлиять на них?».

Войны неоконсерваторов 2000-х годов являлись «стальным кулаком» для подчинения ислама: убить миллионы людей и терроризировать выживших. Планы все еще в стадии реализации и сегодня, а США и Израиль планируют вторжение в Иран. Близость России и ее связи с Ираном хорошо известны, что дает США и Израилю паузу для размышлений. Эта военная лихорадка сделала США и Израиль париями, и оставила след терроризма на своем пути. В сегодняшней Ливии и Сирии, Афганистане и Ираке будущее принимает угрожающие размеры. Русский профильный аналитик Александр Строканов опасается, что «ливийский народ еще ждет настоящая война и еще более ужасающие события», и предупредил, что оружие из арсенала Аль-Каддафи вполне может оказаться в руках террористов. Этот прогноз уже воплотился в Мали, а теперь реализуется в Сирии. Однако ни США, ни банкрутом-ЕС в любом положении не будут ввязываться в еще один проект «национального строительства», и в данный момент ищут выход из этой ситуации.

Теперь очевидно, что вся арабская весна не так спонтанна, как кажется на первый взгляд. В то время как режимы в регионе действительно были коррумпированными и диктаторскими, все они поддерживались Западом. Арабская весна, в жутком виде, стала естественным выходом из войн в Афганистане и Ираке. Своего рода американский стиль «если вы не можете победить их, присоединяйтесь к ним». Единственные, кто вышел невредимым, это шейхи из Персидского залива и короли Марокко и Иордании, которые настолько похожи, что им только остается

похлопать по плечу за исполнение приказов Вашингтона. Россия оказалась в ситуации, когда при такой имперской политике на нее смотрят все стороны, ожидая лидерских решений.

В то время как Италия и Великобритания были жестокими колониальными надсмотрщиками в Ливии до обретения независимости, Великобритания — в Египте и Ираке, а Франция в Алжире, Сирии и Марокко, Россия не имеет такого имперского багажа. О России хранят теплые воспоминания в регионе как преемнике антиссионистского Советского Союза. Она теперь имеет возможность получить долгосрочный авторитет как принципиальный партнер не только на Ближнем Востоке, но и среди неприсоединившихся стран во всем мире, и придерживаясь норм международного права, должна повергнуть империалистов».

К. П.-М.: «Обновленная Россия должна играть важнейшую роль в новой реальности Евразии, так как ее новый уровень могущества позволяет быть надежным партнером для обеспечения порядка и предотвращения вне континентального вмешательства в этом регионе, имеющем много источников напряжения, которые могут вызвать конфликты глобального масштаба, такие как, например, проблемы безопасности на Кавказе, напряженность в отношениях между Западом и Ираном, угроза блокады в соответствии с новой доктриной безопасности Обамы, которая идентифицирует Китай и его союзников нового соперника, или балканский конфликт, который теперь контролируется, однако экономический кризис в Европе, безусловно, вызывает рост волнений в регионе».

А. М.: «Судьба России состоит в том, чтобы построить мост между Европой и Азией. Судьба, которая сегодня, более чем когда-либо, также выступает в качестве определенной геополитической роли. И президент Путин, несмотря на то, что он из Санкт-Петербурга и, следовательно, учитывая его образова-

ние, является западником, недавно с гордостью заявил об этом. Тем не менее, Москва должна выполнить эту роль, избегая двух опасностей. В первую очередь, Россия не должна быть ограничена в одном направлении, Азии или Европе, но должна играть во всех областях, став точкой отсчета не только для территории бывшего СССР, но и для других стран Западной Европы — которые в настоящее время находятся в тяжелом состоянии кризиса, без руководства и управления, и, с другой стороны, для соседних азиатских странах, особенно тюркоязычных, и региона персидского залива. Во втором случае в Кремле должны все больше выступать не в роли единственной власти, но в качестве основателя новой федеральной наднациональной реальности, очень эластичной по своей сути. Короче говоря, Евразийский союз, как мне кажется, имеет большие интересные перспективы».

— Что Вы думаете о возможности кооперации между ЕС и Россией-Евразией, несмотря на евроатлантическое сотрудничество?

М. О.: «Существует большой разрыв между тем, что я хочу, а что реалистично. Короче говоря: я не ожидаю, что ЕС, судя по тому, как он сформирован и организован сегодня, сделает какие-либо шаги по отношению к России. Почему? Поскольку ЕС является проектом американской гегемонии. ЕС в настоящее время борется с самим собой, и это хорошо. Проект «ЕС» противоречит «Европе». ЕС ничего не знает о европейской культуре и идентичности. Он обожает идеологию западного либерализма. Европейский дух существует, но не в Брюсселе. Но когда этот дух возвратится в политическое устройство Европы, она была бы естественным союзником России. И когда мы говорим об этом: Россия является частью Европы, и очень важной. Германия как страна в самом сердце Европы и Россия имеют многолетнюю совместную историю. Мы привыкли быть

союзниками, и у нас было две ненужных и кровавых войны друг против друга, что никогда не должно повториться. Когда Москва и Берлин становятся ближе, от этого выиграют и Азия, и Европа».

М. П.: «Как я уже отметил выше — сотрудничество необходимый шаг к интеграции. Евроатлантическое сотрудничество, по сути, не является партнерством, а, скорее, оккупацией Европы внеевропейским центром. Интересный факт — на территории Европы у Вашингтона не только секретные тюрьмы, но еще и примерно 200 ядерных бомб типа В-61. Политическое подчинение большей части европейских политических и экспертных кругов Вашингтону не вызывает сомнений».

Э. У.: «Россия при президенте-премьер-министре-президенте Владимире Путине взяла на себя особую геополитическую роль, продолжая, в значительной степени, роль Советского Союза в противовес империи США. Она имеет устойчивые и растущие экономические отношения с Европой и Евразией. Так как Азия продолжает увеличивать свое экономическое значение, Россия готова быть в центре нового экономического мирового порядка, работая как в рамках Европейского союза, так и в новом евразийском союзе и Шанхайской организации сотрудничества».

К. П.-М.: «Это решение, которое должно быть основным для стран Европейского Союза, если они строго следуют логике своей внешней политики и геополитики, а не каким-нибудь американским интересам решать планетарные вопросы или

проводить более самостоятельную политику, соответствующую интересам материка. Все это в руках европейских политических режимов — т. е. та роль, которую они хотят играть, зная частичное уменьшение возможностей США».

А. М.: «В этой цели представляется особенно важным отношения между Евразийским союзом и ЕС. В самом деле, проекция интересов США в направлении Тихого океана и финансовый кризис, который ударил по Европе, открывают новый диалог между Россией/Евразией и ЕС. Москва, однако, должна не только смотреть на ось Берлин-Париж, но и в сторону стран Средиземноморья Европы. И в этом направлении Южный поток является хорошим знаком».

— *А можем ли мы говорить об упадке глобальной роли США и восхождению нового блока Латинской Америки?*

М. О.: «Мы являемся свидетелями освобождения Латинской Америки — это тоже признак многополярного изменения в геополитике. Латинская Америка раньше была «палисадником» США в течение длительного периода времени. Теперь мы видим, что страны Латинской Америки помнят свою старую культуру и традиции в связи с антикапиталистическими и антилиберальными идеями. Это очень интересное развитие. Что касается Латинской Америки, то можно увидеть, что означает многополярный мир: он больше не будет европоцентристским или трансатлантическим».

М. П.: «Если честно, о каком ослаблении значимости США мы можем говорить? На мой взгляд, объективных предпосылок нет. Не буду приводить примеры из военной области — это всем известно. Но посмотрите на политическую область — большинство людей в этом мире уверены в том, что Башар аль-Асад является массовым убийцей, а Махмуд Ахмадинежад — чуть ли не дьяволом. Думают, что Америка каждый день спасает мир от сотни террористов, «мягкая сила» Вашингтона создает повестку дня во всех СМИ, в Интернете и социальных сетях. Стroeение альтернативных центров силы возможное только в случае тщательного исследования и применения технологий,

которыми владеет США. А в Латинской Америке, безусловно, есть большой ресурс для создания альтернативного интеграционного центра, основанного на других ценностных принципах. Но пока про успех такого проекта говорить рано».

У. Э.: «Вторжение США в Афганистан и Ирак серьезно ослабили Вашингтон, как непосредственно, так и в глазах остального мира. Неолиберальная волна за последние три десятилетия также дискредитировала США, так как реформа по повышению уровня жизни провалилась и привела к эффекту домино в странах Латинской Америки, в результате чего к власти пришли левые популисты, вдохновленные кубинской революцией, включая президента Венесуэлы Уго Чавеса. Традиционные антиамериканские настроения были усилены, а лидеры, такие как президент Эквадора Рафаэль Корреа вырвал контроль над ресурсами своих страны из рук транснациональных корпораций и повысили уровень жизни бедных слоев населения. Эти лидеры нашли друзей в России, в Иране и по всему миру.

Так как эти процессы продолжают — упадок США, восстановление Латинской Америки / Ближнего Востока/Евразии возрождение — Россия обнаружит, что ее старые советские традиции анти-империализма и мира во всем мире не являются устаревшими. Напротив, так как мир охвачен кризисом, все ищут возможности собирать осколки после столетий имперского опустошения».

К. П.-М.: «Я повторю свое мнение о том, что Латинская Америка — это софизм, так как мы говорим конкретно об Испанской Америке и в основном о Южной Америке в этом процессе и изменениях, которые затрагивают жизнь американцев, пытающихся остановить очень сильные интеграционные процессы с США, хотя на самом деле геоэкономическая реальность меняется не в пользу консолидации с новой политикой США. Попытка остановить интеграцию договора о свободной торгов-

ле с альянсом Тихоокеанского региона исходит от руководящей роли Бразилии и Аргентины для того, чтобы усилить МЕРКОСУР, особенно с полным включением Венесуэлы, а теперь еще и с приглашением Боливии и Эквадора принять участие в проекте на тех же условиях. Во-многом прогресс интеграционных проектов с помощью энергетических транспортных маршрутов в Южной Америке из-за сильного присутствия Китая в больших транспортных проектах до сегодняшнего дня делал невозможным консолидацию развития отношений между странами Южной Америки в Африки, которая бы позволяла иметь море (*Mare Nostrum*) в Южной Атлантике. Если все эти тенденции смогут реализоваться, то они изменят реальность субконтинента и откроют новую веху в Центральной Америке, которая до сих пор функционировала в качестве подушки для битвы и географического сдерживания в планах США по отрыву этого региона от южных стран, которые думают, говорят и молятся о единстве».

А. М.: «Америка Обамы остается сверхдержавой, однако очевидно, что она не может выполнять роль уникального гегемона в мире. Теперь там всегда более склонны обговаривать и даже обустривать свои собственные решения и выбор с другими державами, не только с Китаем, но и такими новыми игроками, как Бразилия в Латинской Америке, Индия, в Азии и, конечно, Россия. Кроме того, недавние выборы в США показали серьезные изоляционистские настроения, что в ближайшем будущем может стать все более и более важным».

— *Какие еще могут быть версии многополярности, основанные на не территориальных подходах (новые межправительственные организации и альянсы)?*

М. О.: «Когда мы говорим о геополитической идее многополярного мира, мы должны признать ее сложную структуру. Она также относится к традициям, культуре, науке и религии. Как я

сказал в первом ответе, упадок однополярного подхода Запада может оказать глубокое положительное влияние на все эти элементы человеческой культуры и самобытности. Многополярная идея может просто быть продвинута вперед посредством международной сети с игроками из разных стран и культур. Кто сегодня думает, что сможет просто принести перемены в его домашнюю «территорию», не достигнет успеха. Международная сеть, соединяющая интеллектуалов, писателей, журналистов, политиков и ученых, которые разделяют идею многополярного мира, просто необходима. Это будет своего рода контрпроект против западной раковой системы НПО».

М. П.: «Я не являюсь сторонником придавать слишком большого значения так называемым негосударственным акторам в международной политике. Классическая типология этих структур говорит о том, что самое большое значение среди них имеют НПО, террористические группировки и сети, а также международные корпорации. Давайте рассмотрим отдельно каждый из случаев. НПО и think tanks получают прямо или опосредованно финансирование от государственных структур. Если посмотреть на источники средств, которые получают ежегодно крупнейшее из этих структур, становится очевидным, что в этом плане доминирует Госдеп США. Международные террористические группировки имеют спонсоров прежде всего в союзных Вашингтону суннитских государствах Ближнего Востока, плюс — как мы наблюдаем в Сирии — получают оружие и оборудование у ЦРУ. И международные крупные корпорации — тут сложно сказать кто кого контролирует, но точно можем сказать про симбиоз государственных структур США и корпорационных руководств. Это один комплекс, как утверждал еще в 50-ых годах Чарльз Райт Миллс. Единственным возможным выводом здесь призыв к тем государством, которые пытаются переделать международный баланс сил — необходи-

мо создавать и поддерживать собственные НПО, а также оказывать помощь континентальным корпорациям».

Э. У.: «Эта новая многополярность будет сложной политической ареной, где интересы некоторых странах будут отличаться от других, требующих посредничества в рамках международных институтов. Например, повышение уровня океана из-за глобального потепления будет неблагоприятно влиять на некоторые страны, в то время как другие могут даже выиграть, по крайней мере, в краткосрочной перспективе от климатических изменений (дожди, длина вегетационного периода). Это позволит начать новые конфликты между государствами. Работа ООН и НПО по конкретным кризисам, таким образом, становятся жизненно важными форумами, где страны будут вынуждены сотрудничать по принципу консенсуса, а не путем военных угроз.

Однако, наиболее важным «НПО», которая становится одним из основных «игроков», в частности, в мире ислама, — это довольно неправительственные Братья-мусульмане (БМ). Мусульманский мир был захвачен империалистическим иудео-христианским западным миром, где в течение последних двух столетий доминируют международные финансовые институты. В XX веке мы стали свидетелями низшей точки для мусульманского мира, с англо-франко-американской оккупацией на Ближнем Востоке и союзом между ваххабитами и Саудовской империей. Идея заключалась в том, чтобы обезопасить западные коммерческие интересы, подрывать местные традиции, и оставить после себя лояльные прозападные кадры, светских мусульманских чиновников, содействующих империализму. В качестве «хранителя двух священных мечетей» реакционной Саудовской Аравии было разрешено остаться в средневековье, став негативным примером для других мусульман, и в то же время, позволяя империи продолжать делить мусульманский мир так, как она любит делать.

Но ислам не так уж и легко разрушить, в отличие от других культур в странах третьего мира. Прогрессивно мыслящие сунниты и шиитами проигнорировали Саудовской пример и сохранили свое отвращение к империализму. А еврейское государство, созданное на Ближнем Востоке в качестве местного жандарма Запада оказалось ненадежным промоутером войны и расизма, представляющее опасность для самой империи. Так как подлинная исламская цивилизация возрождается, она становится привлекательной в качестве союзника даже империалистов, которые обанкротились в инициированными сионистами войнах в последние три десятилетия.

Так не должно было случиться. Ислам должен был умереть, а еврейское государство, созданное британцами при содействии США, должно было жить в мире с местными арабами и помочь в экономическом развитии Ближнего Востока, чтобы он смог присоединиться к светской империи в роли подчиненного.

Арабская весна перечеркнула эти надежды. Египетская революция 2011 года оказалась исламской, что показали последующие выборы президента. Революции никогда не являются актами чаепития. Братья мусульмане в регионе имеют ясное видение цели и вместе с салафитами представляют подавляющее большинство. При нынешнем кризисе в Египте, капризные светские либералы и социалисты плюс христиане составляет лишь четверть египтян, объединившихся против бывшего диктатора Хосни Мубарака, а теперь против БМ.

Это именно то, что произошло во время русской революции 1917 года, где политическое игровое поле было быстро сдвинуто, что расстроило ключевых участников событий. Александр Керенский тоже был либеральным «революционером», пока не бежал в Париж, разоблачив себя как реакционер. И сейчас очень похожая революционная борьба за умы и сердца происходит в мусульманском мире и будет продолжаться, независимо от того, какой хаос и саботажки будут делать секуляристы».

К. П.-М.: «На данный момент консолидация новых центров силы характеризуется сильным влиянием экономики, но особенно неправительственными организациями, которые не происходят из стран триады и не финансируются системой, которая привела к нынешнему мировому финансовому кризису миру. Они также могут принимать участие в разработке глобальных вопросов, которые не могут быть исключены из нового мирового порядка, такие как охрана окружающей среды, не фундаменталистский индигенизм или проблема контроля, доступа и эксплуатации природных ресурсов

так же, как и межправительственное партнерство, которое в ближайшем будущем также должно быть оформлено с последним континентом, чтобы использовать этот спрос на многополярность для рациональных действий».

А. М.: «Будущее Большой игры международных альянсов будет все больше определяться диалогом между конфедеративными акторами, Великими геополитическими пространствами, а не мелочной геополитикой между соседними странами, которые также будут продолжать играть существенную роль. Во всяком случае, за рамками простого территориального измерения, конвергенции, создаваемые на удалении, будут только казаться далекими, хотя будет сплоченными общими интересами. Интересным примером может быть газовая ОПЕК, разработанная Путиным, которая предусматривала бы сближение Евразийского союза с некоторыми странами Персидского залива, а также с Андским альянсом в Южной Америке».

СТРАТЕГИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Юре Вуич

ЕВРАЗИЯ: НОВОЕ ОСОЗНАННОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Когда речь заходит о геополитике, мы думаем, прежде всего, о расстановке сил и диалектике конфликта применительно к определенной территории. Однако геополитика не является точной и замкнутой научной дисциплиной. Она объясняет не только динамику пространства, но и связанные с этим пространством скрытые символические представления, которые образуют систему понятий геополитики, связывая ее с метаполитикой, философией и герменевтикой. В таком случае, геополитика является также осознанием пространства. Несмотря на то, что «онтологический» подход в геополитике (как и праксиологический и полемологический подходы) еще недостаточно исследован, уже появились выдающиеся работы о связи геополитики и философии. Австрийский генерал Йордис фон Лохаузен определяет геополитику как «географический разум государства». Еще в V веке до н.э. древнегреческий историк Геродот говорит, что способность к синтезу предполагает умение обобщать. А философ Аристотель (IV век до н.э.) включает географию в политический анализ. Связь геополитики с философией заключается, в частности, в фундаментальном понятии власти, могущества. «Умение осмыслить пространство необходимо для понимания власти». Это понятие встречается также в названиях трудов, посвященных геостратегии: «Геополитика: пути могущества» генерала Пьер-Мари Галлуа или, например, «Империи и могущество» Йордиса фон Лохаузена. Особое место в геополитике занимает миф как средство понимания мира, которое вписывается в традицию и служит, таким образом, для

передачи определенной системы ценностей. Миф — это отражение конкретного порядка по отношению к мировому хаосу. За фактами и вымыслом стоит видение мира в целом. «Мифы любого народа органически связаны с его видением мира и его историей». Однако мифы могут передавать и ложные идеи (по Платону). Следовательно, тот, кто создает и контролирует мифы, обладает властью. О силе предрассудков писал основатель философской герменевтики Гадамер: такие идеи, часто неосознанные, управляют механизмами идентификации (о них пишет и французский геополитик Франсуа Тюаль), которые обуславливают и формируют различные формы пространственных представлений. Нельзя отрицать, что геополитика — это особый способ мышления и представления пространства путем его организации и особой проекции в окружающую действительность. В философии пространство обрекает человечество на разрозненность, но, вместе с тем, дарит ему различия, индивидуальность, самобытность и избавляет его от бесформенного и однообразного существования, при котором невозможно проявление личности.

Движение, изменение и мобильность в геополитике

Стоит напомнить, что первым философским движением была борьба против движения, сопротивление восхищению движением, что обусловлено не столько этическими или психологическими причинами, сколько логикой. Вспомним спор Платона и Гераклита. Гераклит говорил: «Нельзя войти дважды в одну и ту же реку», — это было утверждением вечной мобильности и факта того, что время все превращает в ничто. На это Платон метко ответил, что непостоянство само по себе — это чистый вымысел. Ведь чтобы осознать непостоянное, нужно, чтобы это непостоянное само себе соответствовало, а его нестабильность была относительно стабильна. Различие и мобильность могут существовать только на фоне идентичности и постоянства. Схожая философская полемика была у Юма и

Декарта. Согласно концепции Юма, человек вечно меняется, а значит, не может оставаться одинаковым. Человек не является ни ребенком, которым он был, ни стариком, которым он станет. Наша личность меняется. В социальной и политической истории кто-то может сказать, что мы имеем дело лишь с последовательностью потрясений, вселенским хаосом. Гегель ответит Паскалю, что мы воспринимаем историю как нечто хаотичное только потому, что есть некоторая сущность, которая сохраняется в ходе истории, то есть коллективные различия обретают форму в государстве с определенной пространственной, географической, исторической и политической организацией.

Континуальность / консервация / дискретность

Геополитика является динамикой мобильности, движения и, одновременно, — консервации и континуальности. Если сопоставить дуальную геополитику Евразии (теллутократия и континентализм) с талассократической геополитикой атлантизма, можно заметить, что их фундаментальное и эпистемологическое различие заключается в разнице на концептуальном и философском уровне смысла, который они дают пространству. Чтобы понять концепт мобильности, необходимо понять философскую ситуацию, в которой мы находимся. С одной стороны, мы имеем дело с позицией консерватизма, при которой мобильность представляется как падение и деградация. Действительно, у Платона, да и в так называемом «сакральном» мировоззрении, мобильность зачастую равноценна смерти. Все, что способно изменяться, воспринимается как источник деградации и беспорядка. Мобильность становится синонимом беспорядка. Что касается философского и метаполитического уровня, мы узнаем из работ Генона и Эволя, посвященным традиции, что крайняя мобильность, лишённая смысла, сопровождается состоянием патологического возбуждения и истерии. На уровне политики, излишнее возбуждение в городе является признаком беспорядка и его саморазрушения изнутри. С другой стороны,

мы обнаружим «прогрессистскую» позицию по отношению к мобильности, которая возвышает ее и осуждает постоянство, «статику» как признак стагнации в материальном и психологическом плане. Постоянство — это стремление к смерти, к повторению; это стагнация, отказ от политического прогресса. Изучение эпохи Просвещения в трудах Шпенглера, Юнгера и постмодернистов Лиотара и Бодрийяра показало заблуждения и границы этой мифологии прогресса, которая была фетишизирована эпохой и стала затем причиной знаменитой западной «разочарованности».

В сфере геополитики мы имеем дело с эпистемологическим противопоставлением, которым надо оперировать весьма осторожно из-за риска начать рассматривать движение как анти-покой, а покой — как анти-движение, что приведет к патологической ситуации колебания между двумя крайностями. Велико искушение начать думать, что стагнация позволяет избежать волнения, а волнение — стагнации. В геополитике стагнация часто приводит к отказу от «власти», которая является целью геополитики. Эту стагнацию можно наблюдать в современной европейской про-атлантической геополитике, предписываемой всемирными экономическими требованиями соперничающей англо-американской талассократии. В результате, порождая намеренно стагнацию, чтобы уйти от волнения, мы порождаем стагнацию, которая возмущает, а создавая волнение в ответ на нее, мы способствуем появлению волнения, которое возвращает нас к стагнации. Иначе говоря, геополитика, лишённая мировоззрения и пространственного смысла, непременно порождает неясность, при которой смешиваются понятия «движение/покой» и «возбуждение/стагнация», в то время как разумная геополитика будет опираться на динамическую дихотомию, ловко сочетая движение и покой, осмысленные в понятиях «власть/континуальность» и «революция/консервация» на метаполитическом уровне. Именно эта разница лежит в основе оппозиции евразийской геополитики теллурократии и талассократической

геополитики: первая является, по сути, силой преобразующего движения на основе общей исторической и органической континуальности континента, вторая же является силой изменения — мобилизирующего, конструктивистского, механистического, — которое растворяет цельность континентальной основы в конструктивистской подвижной дискретности пространства. Талассократическая геополитика строится на принципе разделения и не учитывает природную и историческую континуальность пространства. В евразийской геополитике континуальность и движение вынуждены сосуществовать. Мы знаем из законов термодинамики, что именно движение структурирует систему, а покой и стагнация, наоборот, ее разрушают. Психоанализ показал, что стремление к желанию порождает само желание, а неподвижность является признаком смерти. Возникает вопрос, правомерно ли в геополитике смешивание понятий статичности и неподвижности. Статичность может быть созидательной. На медленной скорости и при замедлении происходят различные явления. Системам необходим покой, чтобы избежать перегрузки. Для человека покой — это момент созерцания и принятия окружающего мира. Между зрителем и созерцаемым объектом появляется своеобразная синхронизация, а затем происходит ускорение связи. Нельзя не восхищаться тем, как покой может стать фактором ускорения и движения.

Власть трансформации и хаос

Геополитика, понимаемая как «власть трансформации», становится сама по себе результатом осмысления. Таким образом, мобильность не является временным и пространственным концептом, это концепт продуктивный, а у существования в пространстве появляются новые отношения. Вопрос мобильности в геополитике влечет за собой и вопрос созидания на всех уровнях: пространственно-материальном, психическом и социальном, политическом и культурном. В таком случае, можно констатировать, что геополитика конструктивистских изме-

нений, проводимая талассократическими державами, не смогла создать на завоеванных территориях (я имею в виду Ирак, Ливию и Афганистан) работающую модель построения государственных отношений, приспособить инновации к культурной, религиозной и исторической континуальности завоеванных пространств. Геоконструктивистские изменения, которые разрушили результат тысячелетней политической, культурной и исторической деятельности, лишь усугубили беспорядок и раздробление завоеванного пространства. Действительно, философия изначально говорила, что для успешной трансформации необходима стабильность и континуальность. Философские и метаполитические труды немецкой Консервативной революции (в эпоху Веймарской республики) показали желание провести социальную революцию в рамках консервативного проекта, который бы учитывал традиции культуры, социальный факт и политическое пространство. В материальном плане идентичность никогда не появляется случайно — необходима континуальность жизни, динамизм материи. В геополитике понятие абсолютной статичности — нонсенс. Допустить и осуществлять абсолютный статус-кво означало бы небытие и отказ от власти, которая является сущностью геополитической динамики, остановку, до и после которой ничего бы не существовало. На самом деле, мы находимся во всеобъемлющем геополитическом динамизме, в состоянии постоянной войны, при котором покой, мир — лишь видимость. Конечно, мы наблюдаем некоторые замедления: Лейбниц говорит, что с точки зрения человека покой существует, но это лишь замедление, а не полная остановка.

Любая геополитическая идентичность вовлечена в динамизм. Лейбниц говорит, что мы всегда воспринимаем явления, даже до того, как начинаем делать это осознанно. Явления сами закрепляются в нашей памяти вне процесса восприятия, мы даже не осознаем этого. Другими словами, если бы природа сама не способствовала восприятию и закреплению в нашей памяти, мы бы не смогли ее воспринимать. Таким образом,

человеческая идентичность, восприятие и сознание возможны только на фоне динамизма. На экономическом и политическом уровне, необходимая территория, государство или общественное пространство возможно только если геопространственная и геополитическая структура предшествует экономической и политической. Государство невозможно без геополитического динамизма, продуктивного в пространственном плане. В противоположность таким философам, как Платон, Декарт и Гегель, предполагающим существование предшествующей движению статичности, некоторые философы (Делёз, Гераклит и другие досократики, Юм, Маркс) считают, что изменения и покой являются результатом динамизма, движения. Для этих философов понятие динамизма связано с понятием континуальности. Абсурдно предполагать, что явления падают с неба, а не происходят из континуальности с природой, с историей, с бессознательными силами индивидуума и народов, со скрытыми историческими силами, — необходимо исходить из понятия динамизма и движения. Продуктивная мобильность нашей культуры стала возможной только после интеллектуальной революции. Результат этой революции — то, что мы сегодня называем мобильностью. Не будем забывать, что в Древней Греции при Аристотеле приоритет отдавали местоположению, а мобильностью обладал только Бог. Бог являлся движущей силой всякого творения. Будучи неподвижным, он наслаждается самим собой и приводит в движение всякую вещь, привлекая ее к себе. В термомеханике именно движение организует систему, а не покой, а чтобы система была жизнеспособной, ей необходима гетерогенность. И наоборот, если система замкнута на самой себе, она будет постепенно разрушаться. Гетерогенность и порядок противопоставлены замкнутости и беспорядку. На геополитическом уровне, конец идеологий не является катастрофой, — это лишь обнаружение невозможности существования замкнутой на себе геополитической системы. Необходимо отказаться от утопичного идеала полиса, чтобы, наконец, научиться созда-

вать динамические геополитические структуры, позволяющие интеграцию, дифференциацию и плюрализм в Евразии.

Пространство-время и космическое тело

В философии Бергсона есть идея о том, что время тоже создает пространство. Всякая великая геополитика, сакральная и светская, основывается на создании особого пространственно-временного континуума. Речь идет о подлинно ницшеанской, дионисийской концепции пространства-времени. Делёз говорит, что проблема Эйнштейна в том, что он не дошел до конца своего открытия, потому что ограничился количественной множественностью и не вышел на уровень качественной множественности. Бергсон критикует Эйнштейна за то, что он, а за ним и вся современная наука, проигнорировал стадию качественной множественности и не смог обобщить взаимодействие пространства-времени, открытое на физическом уровне, на весь пространственно-временной континуум. В «Материи и памяти» Бергсон говорит, что все, что мы знаем о материи является лишь потоком образов. Если материя — это поток образов, и если наше сознание воспринимает эти образы, тогда наше сознание сливается с вселенной. Далее, если наше сознание сливается с вселенной, то наша личность и есть вселенная. Анри Бергсон через анализ материи и сознания делает феноменальное открытие, что наша личность, наше сознание — это и есть вселенная. Мы являемся космосом. Когда я познаю, мое сознание является сознанием земного шара, галактики. Я не гармонирую с миром, я являюсь миром, «человеком мира» по Мерло-Понти. Открытия Бергсона и Делёза отсылают нас к понятию космического тела. Глубинная сущность человека — быть космическим телом, «телом без органов» по Делёзу. Но этот космизм, присущий любой истинной евразийской геополитике, полностью отсутствует в талассократической геополитике, которая является светской и материальной.

Евразийская геофилософия?

Диалектика движения/покоя, войны/мира прошла через историю всего евразийского континента. Континент развивался в духе эллинизма посредством конфликтов, через серию разногласий философского, религиозного, политического, экономического и территориального планов. Желание снизить уровень конфликтности противодействующих сил путем их примирения и гармонизации привело к обратному результату и вызвало волну разрушительных сил, порожденных самой Европой. Если мы рассмотрим древнегреческое понятие *Οὔων* [воспитание] у Платона, мы заметим, что оно представляет собой *Οὔων* [состязание], борьбу противоположных сил в рамках единой и гармоничной души. Борьба, по своей природе, стремится упорядочивать и гармонизировать. Любая борьба — это порыв к целостности, *Εξις* [способность] и *κοιματος* [напряжение, усилие] к гармонии: любое состязание начинается с надежды победить, но победить врага значит обратить врага к себе, объединиться с ним. Поэтому борьба и конфликты ценны только тогда, когда они направлены на создание единения и гармонии.

С этой точки зрения, невозможно не осуждать опасное разрушительное действие *στάσις* [раздор], национальных распрей и экономического соперничества, которые подорвали и продолжают подрывать основы органической общности евразийского континента. При рассмотрении геополитических и политико-юридических тезисов Карла Шмитта, основанных на оппозиции суша-море[1], на антагонизме между англо-саксонскими талассократическими силами и европейскими континентальными силами, нельзя не заметить, что, в противоположность европейской аристократической концепции политики и государства, талассократия навязывает демократические формы политической организации и провозглашает приход власти множества. Согласно конституции Афин, морское главенство требует, чтобы управление принадлежало народу [*δemos*, *демос*], который приводит в движение корабли. Речь идет о духе *ναυτική τέχνη* [искусство мореплавания], о царстве пиратов, которые все даль-

ше уводят свои корабли от суши, теряя органическую связь с землей и теллурическое сознание.

Это талассократическое отродье рождается без связи с суши и неизбежно становится склонным разрывать эту связь у других. Именно в этом ключ к пониманию геополитики «потока», которой для покорения надо сначала размьть, растворить «теллурическое», континуальность в «текущем», подвижном и индифферентном. Англо-саксонская талассократия переносит европейскую судьбу морского господства по ту сторону океана. Гегель исследовал это грандиозное *translatio imperii* [перемещение власти], стоящее в основе зависимости власти и моря, моря и войны в его *status nascendi* [состояние зарождения]. Новый Свет, Америка, о которой мечтали все мореплаватели, лишена какого-либо якоря и пространственной стабильности, это лишь несбыточная мечта, в которую многие поколения верили и продолжают верить сейчас. Англо-саксонская талассократия, олицетворенная в Америке и Англии, обнаруживает новую форму варварской жестокости — разрушение всякой формы *Ethos* [обычай] и *oikouμενη* [земля, мир]. Для Гегеля Америка представляет собой своего рода варварское обновление старого герметичного и теллурического мира, замкнутого на самом себе. Таким образом, талассократия не восторжествует, пока будет ставить сушу и море на одном уровне. Власть достанется тому, кто займет высшее положение. Метафорический полет моря должен стать реальным.

«Веселая наука» Ницше свидетельствует о таком же разрушении суши, когда искореняется *Othos* [обычай] и *νομος* [закон]. Распространение современного сознания на запад и в США как воплощение «крайнего запада» представляет собой наступление явления, которое Эрнст Юнгер определял термином *totale Mobilmachung* [тотальная мобилизация], а Ницше называл *moderne Unruhe* [современное беспокойство] и описал в книге «Человеческое, слишком человеческое» как потерю покоя современными людьми. Этнические различия, *genius loci* [духи

местности], социальная самобытность и плуральные объединения будут поглощены и уравнены индифференциацией, подобной поверхности воды [aequor]. На такой поверхности развивается кочевая жизнь, которая положит начало новой смешанной расе, это будут люди, ненасытно упивающиеся материальным, готовые в любой момент сорваться с места, имеющие лишь краткосрочные привычки, лишенные веры [Αλιστος δεμος, неверующие люди]. Для Ницше современный дух нигилизма, неизлечимая болезнь Европы, происходит от быстро распространяющегося обезличивания, которое искажает и искореняет традиционные обычаи, уничтожает границы между народами и навязывает индифференциацию времени и пространства. Под строгим контролем неприкосновенного демократического принципа, во власти увлечения техническим творчеством и экспериментированием происходит становление индивидуальной свободы, противной всякой форме sodalitas (политическое объединение). Желание политической власти, не терпящее континентальных границ, порождает процесс демократизации. Этот процесс несет в себе зачатки разложения, губельные для любой здоровой политики, которую воплощает ζωον πολιτικον [существо общественное, «политическое животное»] у Аристотеля. Этот процесс требует постоянного роста многочисленных требований и ожиданий и пропагандирует культурный и экзистенциальный номадизм, вместе с тем он гарантирует безмятежное обладание материальными благами и эгоистическую и индивидуалистическую независимость. Действие и исторический факт возведены в ранг идолов, а деятельность занимает место человека (для автора это идолопоклонство носит современное имя атеизма). Европейские ценности погрузились в сумерки от их искоренения и профанации, но Европа сама является Западом, который несет в себе сумерки внутренней энергии, воли, существовавшей реально в древней системе ценностей. Утрата ценностей смешивается с упадком воли к могуществу и геополитическому главенству. Общая тенденция нашей эпохи на-

правлена на всеохватывающее единение, «полное единство» по Бодрийяру. Дуальность вчерашней холодной войны была лишь переходным этапом на пути к этому единению, от периода радикальной идеологической оппозиции (Пражская весна 1968 года, которая привела к «зиме», маккартизм) до разрешения этого конфликта в пользу контроля мирового рынка. Эта тенденция к глобальной унификации и является современной формой европейского нигилизма. Защитники этого нигилизма оправдывают его основанием новой формы идеального «Левиафана», способного нейтрализовать варварство идеологических конфликтов и приступившего к уравниванию ценностей и сокращению политических угроз посредством административных декретов. Но никогда раньше тирания обезличивания не была такой сильной. Логика этой тирании в том, чтобы сделать относительным все, кроме высшей цели, которой является глобальная нейтрализация ценностей. Проект «вечного мира», разработанный Эрнстом Юнгером в труде «Мир», мистическое и эсхатологическое учение Николая Кузанского («De pace fidei», о согласии веры) — это лишь иносказательная постановка вопроса о становлении Европы. Если принять за основу, что Евразия всегда была Землей вечного поиска (*aeterna inquisitio*), тогда для исцеления ей необходимо строить себя на принципах сообщества, основанного на любви к различиям, разнообразия исторического опыта и экзистенциального становления. Массимо Каччари в книге «Геофилософия Европы» использует метафору «захода солнца» как символ искупления для Евразии. Этот «заход» означает не уход от самого себя, а, наоборот, обращение вглубь себя, где можно услышать и последовать речи высшей бесконечности, на основании которой множественные элементы признают необходимость подлинной и постоянной постановки вопроса в качестве основы для размышления. Даже если подобный «заход солнца» кажется недоступным для Евразии, этот недоступный абсолют, вечная постановка вопросов о

«смысле» — метаполитическом и геополитическом, — и станет единственным путем становления Европы.

Евразийская геополитика будет заключаться в динамике «смысла» онтологической территориализации (концепция Жюль Делёза и Феликса Гваттари): это «ровное пространство» необходимо заново покорить и приспособить. Открытие нового евразийского различия возможно только с помощью диалектики освобождения и детерриториализации, о которой писал Ришар Мариенштрасс: «Удаляться от того, что близко, и приближаться к тому, что далеко, противоречит привычной связи человека с его социальной и естественной средой[2]». Речь идет о парадигматическом русском образе «ближнего» и «дальнего» зарубежья, о восприятии других стран как неопределимые «чужие края» в противоположность преходящему «здесь».

Новое осознанное геополитическое пространство

Что общего у Хаусхофера и Делёза? Между полемиологической геополитикой и геофилософскими рассуждениями Отто Поггелера, Жака Деррида, Жан-Люка Нанси, Франсуа Маковски и итальянских философов Луизы Бонезио, Алессандро Марчерано, Катерины Реста и Виченцо Виттелио? Это определенное «осознание» пространства. Хаусхофер осмыслял пространство в категориях власти, Делёз — в категориях смысла и становления. Они оба смогли вырваться из традиционной западной временной и исторической схемы, которая привела к гомогенизации реальности, к отрицанию различий. В этом плане, Делёз и Гваттари смогли преодолеть распространенную точку зрения, поставив во главу угла понятие пространства и осмысляя различие без его сведения к подобному, гомогенному, к постоянству или к простой дискретности. Геополитическая трактовка мировых событий сторонником исторического подхода Йордисом фон Лохаузенем подкрепляется этим геофилософским выходом за пределы исторического, что позволяет лучше осмыслить Событие и Становление, отдаляя их от историче-

ской точки зрения и вовлекая в них изменение и перестройку. Таким образом, получается лучше осмыслить всю историю в целом и нашу современную историю в частности, справедливо характеризуемую преобладанием сложного, гетерогенного, мимолетного и дискретного. Геофилософия Делёза и Гваттари позволяет вписать мысль в пространство. Речь идет не об отказе от истории и от времени, но об особом взгляде, который вводит различие в историю и во время, создавая новую логику отношений. В этом плане, геофилософский метод точно вписывается в концепцию спектрального анализа Германа Кайзерлинга[3]. Это новое осознание пространства, «Raumsinn» [объемное восприятие] по Хаусхоферу есть не что иное, как онтологический поворот мысли к земле. Вероятно, мысль всегда была организована согласно пространственным и теллурическим схемам. Мысль направлена на истину, и каждое свойство имеет свою территорию, трудности заключаются в путях (метод), границах и их преодолении или закрытии (отношения между свойствами), разграничении, стратегиях для сохранения или подчинения территорий. Не случайно географ Иммануил Кант задал вопрос: «Что значит ориентироваться в мышлении?» Философия всегда была глубоко озабочена определением своей территории и ее границ, разделением своей географии на участки, возможным движением внутри этого разделения. Из-за своих застав и пунктов контроля она всегда интересовалась чужими краями, всем не-философским (и даже антифилософским), которое волнуется и копошится за ее пределами. Введение пространства в мышление именно таким способом позволяет определить через необходимость связи с внешним миром. Детерриториализация неразрывно связана с территорией и, наоборот, территория появляется внутри движения детерриториализации и определяется этим движением, которое заставляет ее изменяться. «Rimland» Маккиндера, «зоны соприкосновения» Коэна являются детерриториализованным периферическим продолжением «Hinterland» и позволяют лучше понять континентальную

динамику. Делёз в книге «Различие и повторение» показал, что репрезентация, как доминантная форма философии, предполагает определенный тип отношений с внешним миром. В геополитическом плане это — взаимодействие символических и дискурсивных репрезентаций личности и территории, предпосылка Парето, «ухронии» Франсуа Тюаля или герменевтических «предрассудков» Гадамера. Делёз подчеркивает, что мышление предполагает, что есть изначально образ того, что осмысливается, и того, что можно помыслить. Он предлагает выйти за строгое соответствие репрезентации, утверждать внешнее, развивать линии (ризомы) дифференциальной логики. Гваттари и Делёз исследуют возможность мысли, их цель — новый способ мышления. Динамика детерриториализации и ретерриториализации позволяет обнаружить новую специфику. Осмысление современной Европы в геофилософских терминах предполагает констатацию того, что духовной сущности Европы больше не существует, что она была «конфискована», «колонизована» американоцентричным «Дальним Западом», где царят меркантилизм, финансизм и свободный рынок. Современная Европа пережила не «успение», как пишет Раймон Абеллио (книга «Успение Европы»/Assomption de l'Europe), а настоящее поглощение «низменными сущностями» «Дальнего Запада». Однако Абеллио был прав, когда пророчил образование Евразии, которое позволит миру войти в период «реинтеграции», подготовленный самыми значительными и «конвульсивными» конфликтами истории. В этом процессе реинтеграции Европа лишится своей исконной сущности, сохраняя при этом свою «парализованную» территорию, подобно трупам без души и жизни. Несомненно, Европа «детерриториализована», ее духовная сущность и ее самобытность «в другом месте». Настоящий вызов для Европы — принять свое «ризомическое» будущее и следовать своему течению. Ее платой за обретение своей духовной территории будет геополитический и онтологический траур по переодетому понятию «запада», после которого Европа обнару-

жит свое истинное «евразийское» призвание. Европа, расколотая постоянной «инверсией инверсии» эллинских и иудейских гнозисов в христианстве и появлением универсалистского рационализма и национализма, никогда не сможет стать для себя «полем объединения», ведь «сила сегодня объединяется в масштабах целых континентов, а не отдельных наций», — считает Абеллио. То, что он называет «успением Европы», является ее смертью в «кризисе единения» цивилизации и появлением гностического Запада, «Европы как полюса инверсии [отмеченного «фашистским» моментом] между США и Россией» при «оксидентализации северного полушария» посредством «раширения и усиления бывшей среды Северная Америка — Европа — Россия в новую среду, растянувшуюся на все северное полушарие и представленную Восток — Западная Европа — Запад, замыкающуюся китайским и калифорнийским концами на Японии». Однако схема Абеллио будет неполной, если ее не дополнить пагубными эффектами «горизонтальной» метастазы основной формы, которой подчинены все мировые геополитические полюса, и которая, от Лондона до Токио и Нью-Йорка, не поддается никакой форме территориализации.

Разговоры о Евразии сводятся к вопросам онтологического и идентификационного плана. Каковы ценности и особенности, влияющие на современных европейцев? И существуют ли у них политические формы, способные выйти за рамки государства-нации, чтобы стабилизировать и объединить евразийскую территорию? Чтобы ответить на эти вопросы европейцы должны искать то, что политолог Заки Лаиди называет новыми «осмысленными пространствами» [Zaki Laidi, *Geopolitique de sens*, Desclee de Brouwer, 1998], потому что в наши дни стало понятно, что так называемые ценности рыночной географии, прав человека и мирового управления не производят никакого приемлемого «ценностного» осмысления. Именно с такой проблемой столкнулась сегодняшняя Европа, ее разрешение требует кропотливой работы по собиранию, составлению, сочета-

нию, синтезу и преодолению и кристаллизации, плоды которой вписались бы в пространство-время как непрерывное становление.

Сегодняшняя Европа заканчивает эпоху современности, которая на пути к постмодернизму будет продолжать глобализироваться. Религиозные верования, художественное и литературное творчество, социальные и политические формы, быстро растущая власть техники и научного прогресса возвещают наступление планетарной эры. Новое покорение мира опустошает завоевателей, и победители становятся похожи на проигравших. Европа, в прочем, как и личность и общество, не поспевают за миром, за неочевидным разоблачением ускользящей совокупности. Мы все, как и коллективное существо Европы, сами того не зная и не признавая, перешли к новому отношению к миру.

Талассополитика гомогенизации и имперский принцип гетерогенизации

В контексте геополитики атлантизма будет уместным сослаться на термин «талассополитика» — неологизм, созданный Жюльеном Фройндом, чтобы пересмотреть некоторые концепции геополитики, которые отдают приоритет теллурическим явлениям перед явлениями морскими. Этот концепт применим в контексте работ Шмитта о Суше и Море, Альфреда Мэхэна о «морской мощи» (Sea Power) и Хэлфорда Маккиндера о «Хартленде» (Heartland). Диалектика гомогенизации потока изменений и геополитической гетерогенности представляется как доминантная логика международной системы. Она затрагивает все сферы геополитической конструкции и склоняет на различный манер параметры изменения. Как это ни парадоксально, она одновременно охватывает связь между глобализацией и всеобщим, между конструктивистской геополитикой унификации и геополитикой дифференциации — этими двумя явлениями, которые подразумевают оппозицию между талассополитикой и евразийской теллурической геополитикой. Воссоединение

Евразии сложно представить без метаполитического и геополитического объединительного элемента, структуры имперского типа в старом понимании[4], то есть суверенной системы с дифференциацией статуса ее составляющих. Опыт показывает, что объединение затронутых единиц возможно только при различном темпе и в согласии с изменяющимися условиями, что не должно мешать двигаться дальше и быстрее желающим того единицам. Имперский принцип «поддержания гетерогенности организованной переменной геометрией[5]» был создан, чтобы учесть экономическую разнородность и предложить временное решение до ее устранения, и является ценным как в политическом плане, так и в культурном. В отсутствие единой европейской нации или европейской культуры, которые, преодолев стадию общего достояния, могли бы стать настоящим связующим элементом, необходимость примирить различия, сделать солидарным равнодушие и преодолеть разногласия обретет в этом принципе спасательный круг. Лингвистический барьер держится дольше, чем таможенный, психологические препятствия долго стираются. Рынок создать проще, чем нацию. Одних только экономических и финансовых причин не хватит, чтобы заставить сосуществовать государства, которые этого не хотят. Гетерогенность различных аспектов европейской проблематики может быть преодолена, только если признать главенство политики под давлением мировой обстановки. Необходимость геостратегической перекалибровки все еще зависит от действий настоящих и будущих великих держав. Однако если учитывать пространственные ограничения международной системы, смена масштабов на уровне пространства действия фирм, частных организаций, и относительное опережение большинством государств, лишь редкие единицы, зависящие от великого пространства, могут быть в числе этих великих держав. Только понятие великого пространства, подразумевающее многополярную и инклюзивную динамику трансформации, способно контролировать и предотвращать динамику дискретных изменений. Это

могут быть лишь государства-континенты или макросистемы, созданные, чтобы примирить региональные противоречия или удовлетворить национальные или локальные запросы, чтобы поглощать и регулировать силу изменений. Актуальная архитектура международной силы описана Бжезинским, ее можно свести к контролируемому США евроазиатскому равновесию, причем сами США пользуются настоящим геополитическим иммунитетом. Разумное представление этого равновесия требует учитывать динамогенные зоны международной системы, чего не предполагает классическая точка зрения. Ей пора отложить видение, не учитывающее рост могущества Азии.

Новые пространства силы и уравнивание международной системы

В контексте мультиполярной геополитической реконфигурации появляются новые пространства силы, меняющие представление политического мира. Роль стран с развивающейся экономикой группы БРИКС и восточной Азии в международных отношениях постоянно растет. Этот рост связан с ростом их присутствия в мировой экономике, центром гравитации которой они могут скоро стать вследствие роста могущества некоторых азиатских государств, которые остаются на данный момент державами регионального характера. Азиатского полюса, в собственном смысле этого слова, не существует в международной системе, потому что на Дальнем Востоке соперничество сильнее общности идей или национализма. Демографический рост не имеет к этому никакого отношения. Однако энергетика Восточной Азии придает новую перспективу евроазиатскому равновесию. Гипотеза ассимиляторской гомогенизации под влиянием США является преимущественным поведением талассократической геополитики, предусматривающей восстановление парадигмы взаимозависимости и интеграции. Ей сопутствует установившаяся структура власти. Это тенденция к унификации национальных и социальных единиц, их приве-

дению к единой норме рыночной демократии, экономического нео-либерализма и общества потребления. Геостратегический приоритет, который США отдают Европе, подтверждает концепцию мира, сосредоточенного вокруг северной части Атлантического океана. Тем не менее, если учитывать скорость европейского политического строительства и если не произойдет в ближайшее время маловероятное ускорение, есть все шансы, что в течение этого века Китай и Азия намного сильнее продвигнутся на пути модернизации, чем Европа — на пути унификации. В таком случае геополитическую реальность будет лучше отражать представление с центром вокруг северной части Тихого океана. Задача XXI века — построить осознанное пространство, которое будет общим для всех жителей и наций Европы, и создать альтернативные геополитические структуры, которые смогут восстановить равновесие с гегемонистской динамикой унификации талассократических сил.

[1] Карл Шмитт знал, что оппозиция суша-море является диалектикой суши и моря, воздушно-морской и воздушно-наземной сил, но эта оппозиция (политическая, а не природная) получила особое значение в 1941-42 годах, когда она связывалась с «мировой войной на море» между Германией и англо-американцами. Эта оппозиция имеет отношение к переломному моменту в английской истории, к «пространственной революции» XVI-XVII веков в эпоху завоевания Нового Света и религиозных войн, о которой Шмитт напишет в «Номосе Земли» 1950 года: «революционное решение перейти к чисто морскому существованию». Так как Англия стала наследницей европейского завоевания океанов, английское морское господство является фундаментальным фактом современной истории, главным аргументом «номоса» Земли, глобального и океанического, который с XVII по XIX век основывался на различении суша/море.

[2] Richard Marienstras, *Le proche et le lointain. Sur Shakespeare, le drame elisabethain et l'ideologie anglaise aux XVIe et XVIIe siecles*, Paris, Les Editions de Minuit, 1981

[3] Граф Герман Кайзерлинг является одним из создателей антропоморфической концепции. Его виталистский замысел уподобляет континенты и цивилизации организмам, находящимся на разных стадиях развития. Он считает, что тело Европы было поражено и что ее раны, как раны любого живого существа, надо прижечь, чтобы избежать заражения и гниения. Ей нужно обновиться с помощью «внутренней трансформации своих составляющих», но «обновиться, не отказываясь от прошлого», создав «новый космос на руинах после извержения вулкана».

[4] Антуан Винклер, статья «Империя возвращается»/ *L'empire revient* в *Commentaire*, весна 1992, том 15, n°57. Аналогия между европейской конструкцией и структурой средневековой империи может стать способом вывести Европу из тупика. Это не отменяет проблемы супранациональности — необходимости в едином центре политических решений, по крайней мере, для наиболее продвинутых объединений.

[5] Концепт Пьера Майе и Дарио Вело в книге «Европа переменной геометрии. Переход к интеграции»/ *Europe a geometrie variable. Transition vers l'integration*, Paris, L'Harmattan, 1994. Он вписывается в парадигму адаптивной гомогенизации, но порядок организации европейского пространства вызывает разногласия.

Дугин А. Г.

ЕВРАЗИЙСТВО И МНОГОПОЛЯРНОСТЬ — АБСОЛЮТНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ БУДУЩЕГО

Создание Евразийского Союза провозглашено одним из важнейших приоритетов российской внешней политики как стратегия третьего срока Президента Путина. Следует присмотреться к этому проекту внимательно и определить его значения как для глобальной архитектуры мира, так и для основных региональных держав, напрямую граничащих с Россией и странами СНГ. Итак, что понимают в Москве под Евразийским Союзом?

В своей программной статье, провозгласившей ориентацию на Евразийский Союз, Президент Путин не дает всех ответов на острые вопросы, но намечает общие подходы. Во-первых, из статьи явствует, что Евразийский Союз не является синонимом Евразийского Экономического Содружества (ЕврАзЭС), в рамках которого речь идет исключительно об экономическом партнерстве и создании Таможенного союза. ЕврАзЭС (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия) и Таможенный союз (Россия, Казахстан, Беларусь) уже существуют и действуют.

Не дублирует Евразийский Союз, по замыслу автора, и Организацию Договора о Коллективной Безопасности (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия, Армения). Речь идет не только об экономической интеграции и едином стратегическом пространстве — речь идет о новом сверхнациональном политическом образовании на пространстве СНГ, то есть — о своего рода Евразийской Конфедерации как прямом аналоге Европейскому Союзу.

Причем, будущее интеграционное образование нельзя сравнивать ни с Российской Империей, ни с СССР; оно создается на основании совершенно иной политической и социальной модели, в основе которой лежат демократические принципы и процедуры, признание суверенитета всех членов Союза, принцип добровольности членства, а также отсутствие какой бы то ни было унифицирующей идеологии.

Эти аспекты позволяют сразу отбросить возможные аналогии, на основании которых западная и мировая пресса принялась толковать инициативу Путина. Говорить о том, что Москва «воссоздает Империю или СССР» все равно, что рассматривать Евросоюз как «возрождение империи Карла Великого», возврат к «планам Наполеона» или реализацию «Пан-Европейского Рейха», планы которого вынашивались в СС (проект Долежалек). Это сравнение показывает всю абсурдность аналогий поверхностной и недоброжелательной критики. Евразийский Союз — проект создания совершенно нового демократического интеграционного образования на евразийском пространстве.

В создании Евразийского Союза важнейшую роль играет принцип цивилизации. И здесь мы вплотную подходим к философии евразийства, которая и является идейной средой, подготовившей проект Евразийского Союза. Согласно этой философии, Россия исторически была не просто европейской или азиатской страной (или же гибридом того и другого), но вполне самостоятельной цивилизацией, где большое значение наряду с восточно-славянским и православным фактором имели тюркские и финно-угорские этносоциальные и культурные традиции, а также мусульманские религиозные структуры.

Русская культура является евразийской как синтез и нечто вполне своеобразное, а не синкретическое сочетание разрозненных элементов Востока и Запада. Границы этого евразийского «культурного круга» отнюдь не исчерпываются искусственными пределами Российской Федерации, но включают в

себя практически все постсоветское пространство, представляющего собой единое целое. Цивилизационное единство подкрепляется сходством социального уклада, экономическими особенностями, энергетическими интересами и военно-стратегическими вызовами. Все это вместе составляет аргументы евразийской интеграции и предпосылки создания евразийского Союза.

При этом проект Евразийского Союза влечет за собой логически несколько иных фундаментально важных моментов, также относящихся к евразийской философии.

На планетарном уровне евразийство предполагает создание многополярного мира — вопреки однополярному (существующему сегодня при очевидной доминации США) или бесполярному (глобализационный проект, предполагающий появление мирового правительства). Евразийский Союз, предполагающий включение большинства стран СНГ, мыслится как полюс многополярного мира, наряду с другими полюсами — американским, китайским, европейским, индийским, исламским, латиноамериканским.

Для того, чтобы быть полноценным полюсом в системе многополярного мира, ни у России, ни тем более у других стран СНГ, фатально недостает ресурсов, масштабности, инфраструктуры. Следовательно, не объединившись в самостоятельное и равноправное евразийское образование, все страны СНГ рано или поздно окажутся принудительно включенными в те или иные коалиции, с явной гегемонией той или иной силы — Европы, США, Китая, радикального ислама и т. д. Но с каждой из этих гегемоний у стран СНГ будет заведомо намного меньше общего, нежели с друг другом или с Россией. Отсюда прямая зависимость успеха построения многополярного мира и скорости осуществления евразийской интеграции.

Однако, для того, чтобы построить многополярный мир, необходимо расстроить однополярное устройство и сорвать про-

ект создания мирового правительства. Поэтому Евразийский Союз представляет собой прямой вызов США и Западу в целом и их глобальной стратегии. Западу в многополярном мире отводится значительная, но не решающая роль. Не удивительно, если Запад будет этому проекту противиться. Создать Евразийский Союз можно только в активной и эффективной конкурентной борьбе на разных уровнях — стратегическом, экономическом, энергетическом, политическом, дипломатическом и т. д. Путин к этому готов и прекрасно это понимает.

Другим важным моментом евразийской политической философии является реорганизация баланса сил на евразийском материке в целом. Евразийский Союз имеет границы, совпадающие в целом с границами стран СНГ, где интеграция должна быть максимально тесной. Но от того, какова будет архитектура отношений между собой других прилегающих евразийских региональных держав (Китай, Индия, Иран, Пакистан, Турция, Афганистан и т. д.), зависит сам успех евразийской интеграции.

Таким образом, можно выделить три слоя в контексте евразийского континента:

— ядро интеграции — современная Российская Федерация (называемая геополитиками «heartland», сердечной землей);

— зона Евразийского Союза (территория стран СНГ, предполагающая вхождение в единое политическое образование, своего рода Конфедерацию);

— политическое пространство всей Евразии, структурированное вокруг других силовых полюсов (Китай, Индия, Пакистан, Иран, Турция, Афганистан и т. д.).

Эти три слоя в теории многополярности призваны быть максимально независимыми от США и Запада и организовать свои отношения в рамках строго регионального партнерства и в своих интересах. Каждая из региональных держав приглашается стать инициатором интеграционных проектов по аналогии с Евразийским Союзом.

Для Китая аналогом Евразийского Союза может быть интеграция с Тайванем. Для Индии — укрепление связей с Непалом и Бангладеш, а также урегулирование конфликтов с Пакистаном. Для Ирана — создание зоны шиитского влияния как в Афганистане и на Южном Кавказе, так и на Ближнем Востоке (Ирак, Сирия, Бахрейн, Ливан и т. д.) Для Пакистана — интеграция с пуштунскими регионами Афганистана. Для Турции — укрепление территориальной целостности, сохранение контроля над Северным Кипром и Курдистаном.

Некоторые зоны влияния могут пересекаться на основании общности тех или иных факторов — религиозных, этнических, политических, стратегических и т. д.

Вместе с тем, третий пояс Евразии предполагает появление в будущем координационной структуры, призванной осуществлять координацию основных региональных держав между собой. Отчасти эта функция возложена на Шанхайскую Организацию Сотрудничества. Но исторически и даже символически в ней бросается в глаза непропорционально большая роль Китая, а также отсутствие Ирана и Турции, ключевых игроков в Евразии. Поскольку ШОС решает ряд стоящих перед этой организацией вопросов, она вполне может существовать и дальше.

Но многополярный мир и евразийская философия требуют новой координационной модели — создания общей площадки Стран «Евразийского Диалога» или «Евразийского Форума» (вариант «Евразийской Конференции»). В этой структуре должны изначально быть учредителями все ключевые игроки Евразии, разделяющие императив многополярного мироустройства и заинтересованные в успешной региональной интеграции.

Так как Россия занимает центральное место в геополитическом пространстве континента, то можно представить себе «Евразийский Диалог» как набор осей, сходящихся в точке Москвы:

— юго-западная ось — Анкара-Москва;

- южная ось — Тегеран-Москва;
- юго-восточная ось (1) — Исламабад-Москва;
- юго-восточная ось (2) — Нью Дели-Москва;
- восточная ось — Пекин-Москва.

Кроме того, между всеми этими центрами сил могут быть дополнительные связи и соответствующие структуры.

К Евразийскому Союзу едва ли смогут примкнуть крупные региональные державы, так как степень предполагаемой интеграции здесь слишком высока. Равно как и Россия, и страны СНГ едва ли смогут стать естественными участниками интеграционных проектов, строящихся вокруг других евразийских центров. Но осуществление всех этих интеграционных циклов важно не только для тех, кто их осуществляет, но и для всех остальных евразийских держав: многополярный мир невозможно построить в одиночку, и в этом смысле в успехе Евразийского Союза должны быть кровно заинтересованы даже те страны, которые непосредственно в нем принимать участия не будут. Верно и обратное: Россия и страны СНГ должны активно поддерживать интеграционные инициативы других евразийских стран и оказывать им всяческую поддержку.

Если мы сложим наиболее значимые козыри потенциальных участников «Евразийского Диалога», то получим весьма внушительную картину:

— Китай (мощнейшая экономика, огромный демографический потенциал, технологический рывок модернизации, самобытная цивилизация);

— Россия (ядерный потенциал, огромные территории, богатейшие запасы природных ресурсов, традиции политической независимости, особая культура);

— Иран (активное политико-религиозное мессианство, древнейшая культура, жесткая оппозиция однополярному миру, западной глобализации и постмодернистской культуре);

— Индия (бурное развитие промышленности, высоких технологий, мощная демография, древнейшая культура);

— Турция (динамичное развитие, геополитическая активность в регионе, социо-культурные особенности);

— Пакистан (ядерное оружие, высокая демография, потенциал активной политической исламской культуры).

Если поодиночке конкуренция с США и Западом у всех этих стран проблематична, то в совокупности они представляют собой гигантскую планетарную силу, способную совместно диктовать Западу условия (по крайней мере — отстаивать право на свободное поведения на пространстве собственных стран и прилегающих зон влияния, без опасения экспорта цветных революций и иных субверсивных стратегий, применяемых Западом).

Многополярный мир, Евразийский Союз и евразийство в широком смысле связаны между собой неразрывно. Если мы совместно не отстаим право на то, чтобы сохранять и развивать свои оригинальные цивилизационные уклады, то утратим независимость и исчезнем с лица истории. Поэтому евразийство и многополярность являются абсолютными императивами будущего.

Это ясно понимает Путин. Это столь же ясно должны понять лидеры остальных великих евразийских держав.

Савин Л. В.

«АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МИРЫ» НАСТУПАЮТ

В начале декабря 2012 г. Национальный совет по разведке США официально представил общественности очередной доклад по будущим угрозам *Global Trends 2030: Alternative Worlds*¹. В нем традиционно представлены взгляды американского разведсообщества на то, как будет развиваться мир в следующие 15-20 лет, а его громкоговорящий подзаголовок — «Альтернативные миры» свидетельствует о действительно глобальных сдвигах в мировой геополитике. По крайней мере, в понимании авторов доклада. Его содержание уже стало причиной дискуссий и анализа в многочисленных аналитических центрах США — одни из них предлагают предпринять необходимые усилия для сохранения американского могущества, другие — с фатализмом говорят о неизбежности описываемых в докладе процессах.

Совет по международным отношениям лишь констатировал, что произойдет реверс исторического взлета Запада, который начался в 1750 г., и вместе с ним восстановится роли Азии в глобальной экономике².

Иные акцентировали внимание на науке и экономике. В частности, издание *Digital Journal* отметило возможности нейромедицины и создания искусственных органов (сделанных на

¹ *Global Trends 2030: Alternative worlds*. NIC, Dec. 2012.

² <http://www.cfr.org/united-states/nic-global-trends-2030-alternative-worlds/p29631>

3D принтере), что может сделать из людей новую расу, обладающую новым качеством скорости и силы¹.

Атлантический Совет, который помогал в сборе и анализе информации для данного доклада, и вовсе решил собрать конференцию по этому вопросу, на которой обсудить не только этот документ, но и представить свое видение будущего, презентовав в унисон свою работу «Envisioning 2030: US Strategy for a Post-Western World».

В отличие от выводов разведсообщества, данный мозговой центр предлагает конкретную стратегию для Белого дома, которая должна заключаться в шести основных пунктах:

— Продолжать уделять особое внимание «стрительству гоударства у себя дома», как первый приоритет внешней политики, не забывая о глобальном контексте.

— Признать, что Соединенные Штаты должны энергично действовать, чтобы формировать динамические, неопределенные глобальные тенденции, или в противном случае они будут формироваться в неблагоприятную сторону.

— Проводить больше совместных форм по управлению путем углубления текущих альянсов и взаимодействуя более эффективно с разнообразным количеством акторов. Самое главное, это должно укрепить стратегическую базу: трансатлантические отношения.

— Углублять сотрудничество с Китаем в качестве наиболее основного единственного фактора, который будет определять международную систему к 2030 году.

— Творчески подходить к локусу нестабильности в 21-м веке: Большому Ближнему Востоку от Северной Африки до Пакистана, что представляет собой серьезную угрозу для стратегии США и мирового порядка².

¹ Andrew Moran. Global Trends 2030: Conflicts for water, superhumans the norm.//Digital Journal, Dec 10, 2012.

<http://www.digitaljournal.com/article/338740>

² <http://www.acus.org/publication/envisioning-2030-us-strategy-post-western-world>

А то, что определенные политические группы в США не намерены в действительности сдавать свои позиции и делиться властью, было заключено в словах президента и исполнительного директора Атлантического совета Фредерика Кемпе, который на презентации сказал, что: «у Соединенных Штатов есть нечто редкое среди исторических великих держав — второй шанс на формирование международной системы для обеспечения своих долгосрочных интересов... И ни одна другая нация не имеет столько возможностей влиять на глобальное будущее».

Предыдущий доклад *Global Trends 2025* вышел около четырех лет назад, в аккурат после начала мирового финансового кризиса. Тогда отмечался подъем новых держав, глобализация экономики, исторический переход относительного богатства и экономического могущества с Запада на Восток и растущее влияние негосударственных субъектов. В какой то мере нынешний аналитический обзор продолжает тезисы предыдущего, что видно из самого названия. И если в прошлый раз речь шла о меняющемся мире, то сегодня это уже ни у кого не вызывает сомнений формирующаяся многополярная система. В целом, это уже пятая попытка обрисовать контуры будущего мира, сделанная с учетом работы прошлых лет.

Как указано в преамбуле, обозреватели выделили ключевые «надвигающиеся» проблемы, которые, возможно, появятся в течении следующего десятилетия:

- Большой акцент на роли США в международной системе. Одним из основных вопросов доклада состоит в том, как другие державы будут реагировать на снижение или решающее переутверждение власти США. Авторы исследования посчитали, что возможны оба варианта.

- Четкое понимание центральных звеньев в системе международных отношений. Предыдущие работы освещали постепенное восхождение негосударственных акторов, но не уточнялось, какой будет роль государства по сравнению с негосударственными субъектами. Обозреватели предположили, что

мы углубимся в динамику управления и будем получать выгоду из сложных взаимоотношений между спектром разнообразных акторов.

- Лучшее понимание времени и скорости. Прошлый доклад правильно предвидел направление вектора: Китай укрепляется, Россия слабеет (именно так указано в документе — Л.С.). Но могущество Китая постоянно увеличивается быстрее, чем ожидалось. С учетом четырех предыдущих докладов авторы сделали вывод, что они склонны к занижению темпов изменений.

- Широкое обсуждение кризисов и разрывов. Обозреватели считают, что использование слова «тенденция» «в названиях подразумевает больше преемственности, чем перемен. Однако в прошлом докладе «с его пристальным вниманием на вероятность значительных потрясений и скачков, предполагает радикальный пересмотр этой точки зрения». Авторы рекомендовали разработать основу для понимания отношений между тенденциями, разрывами и кризисами.

- Повышение внимания к идеологии. Авторы исследования признали, что «идеология является удручающе размытой концепцией, которую трудно определить и столь же трудно измерить». Они пришли к выводу, что великие «измы», такие как фашизм и коммунизм могут и не появиться на горизонте (интересно, что либерализм, который по мнению многочисленных экспертов и исследователей из многих стран мира, является более тоталитарным и деструктивным, чем, например, национал-социализм Третьего Рейха, не упоминается — Л.С.). Тем не менее, небольшие политико-философские сдвиги, которые часто не идут под эгидой идеологии, но приводят в движение «поведение», должны быть в центре внимания.

- Больше понимание последствий второго и третьего порядка. Один подход состоит в попытке определить надвигающийся дисбаланс. Другой — в том, что должно быть больше стратегического моделирования или имитационных игр для того, чтобы

понять возможную динамику среди международных субъектов в критические переломные моменты.

Из этого можно сделать предварительные выводы о том, как власти США будут действовать на мировой геополитической доске. Что касается самих прогнозов, то они разбиты на несколько секторов. Первая часть посвящена мегатрендам. По мнению авторов, следует ожидать следующих процессов.

1) Рост индивидуальных возможностей. Они увеличатся вследствие сокращения бедности, роста мирового среднего класса, больше образования, широкого использования новых коммуникационных и производственных технологии, прогресса в области медицины; 2) Распыление власти. Больше не будет никаких держав-гегемонов. Власть будет переходить к сетям и коалициям в многополярном мире. На наш взгляд данная характеристика крайне важна. До нынешнего момента американский истеблишмент всячески старался избегать разговоров о многополярности. Крайне показательным является то, что в подобном докладе, изданным Институтом исследований в области безопасности ЕС в марте 2012 г., будущая многополярность рассматривается в позитивном контексте. Сам доклад носил название «Граждане во взаимозависимом и полицентричном мире», и в нем отмечалось, что «от того, как ЕС справится с кризисом и использует свою мощь для эффективных действий в полицентричном мире, будет зависеть будущее. Если получится ответить на вызов заслуживающим доверия образом, то на смену нынешнему кризису может прийти новое «европейское Возрождение»¹; 3) Демографические изменения. Дуга нестабильности будет сужаться. Экономический рост может замедлиться в «стареющих» странах. Шестьдесят процентов населения мира будет жить в урбанизированных районах; миграция будет расти. Указывается, что согласно прогнозам нас станет примерно на один миллиард больше (от 7,1 млрд. в 2012 г. к 8,3

¹ Global trends 2030 — Citizens in an Interconnected and Polycentric World. Ed. by Alvaro de Vasconcelos. Institute for Security Studies. Paris, March 2012.

млрд. в 2030 г.). Однако риском будет не сам рост народонаселения, а те потребности, с которыми столкнутся люди — это достаточное количество питания и воды и энергии. Учитывая, что количество жителей городов увеличится на 10%, будут и проблемы, которые традиционно связаны с урбанистическим сектором — пробки, экология, адекватность необходимых минимальных услуг, перебои в снабжении и сбои в компьютерных сетях, которые будут тесно интегрированы с инфраструктурой. Потенциальные регионы конфликтов, — это Африка, Средний Восток (по классификации, принятой в США, туда помимо Ближнего Востока входят и некоторые страны Центральной Азии — Иран, Афганистан, Пакистан, а сам регион простирается между Средиземным морем и Индийским океаном — Л.С.) и Южная Азия.

4) Еда, вода и энергия. Этот пункт напрямую связан с предыдущим. Спрос на эти ресурсы будет существенно расти за счет увеличения глобального населения. Решение проблем, относящихся к одному товару, будут связаны с поставками и спросами на другие. И, конечно же, эксперты выразили беспокойство о будущей энергетической независимости США.

Кроме того, все четыре мегатренда предлагается учитывать на фоне общих климатических изменений, что является фактором, во многом не связанным с политической волей государственных деятелей. К росту индивидуальных возможностей, между прочим, отнесены и риски распространения оружия и утрата монополий государств по контролю над их производством и распространением, включая новые виды точных вооружений, кибертехнологии и биологическое оружие. Так что технический прогресс, как показывает данное исследование — феномен амбивалентный.

Второй блок исследования посвящен так называемым Game-Changers, т.е. тем, кто будет изменять правила игры. Такие потенциальные акторы разбиты на кластеры, связанные с экономикой, управлением, потенциалом для ведения конфликтов,

региональной нестабильностью, новыми технологиями и ролью США. В двух первых случаях акцентируется значение Китая. Также высказывается вероятность что западное доминирование в нынешних глобальных регуляторах, таких как Совет Безопасности ООН, Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд, будет трансформировано новыми экономическими игроками. Что касается доминирования Вашингтона, то указано на предпочтительность сохранения роли США «первых среди равных», но из-за того, что «однополярный момент» закончился, и эпоха американского господства в международной политике, которая началась в 1945 г. и известная как Pax Americana, быстро сворачивается.

Среди субъективных и объективных рисков, которые могут неожиданно и негативно повлиять на нынешнюю мир-систему отмечены:

- Распространение эпидемий;
- Ускорение изменений климата;
- Коллапс ЕС;
- Распад Китая;
- Реформы в Иране;
- Ядерная война или применение другого оружия массового уничтожения;
- Солнечные геомагнитные бури;
- Выход из игры США (по причине распада или резкого сокращения возможностей), что приведет к глобальной анархии.

Интересно, что в этом разделе нет ни слова о России. Не понятно, что имели в виду авторы — относительную стабильность в нашей стране до 2030 г. или исключение ее из счета в качестве потенциального риска.

Самой интересной, конечно же, является финальная часть, посвященная альтернативным мирам, т.е. будущим сценариям мироустройства. Нам предлагают четыре варианта с аллегорическими названиями: Заглушенные двигатели; Синтез; Джин, выпущенный из бутылки и Мир без государств.

Первый предполагает, что из-за новой Большой игры в Азии произойдет конфликт, а так как азиатские страны и являются двигателем мировой экономики, то это серьезно затормозит мировое развитие. Этот сценарий является наихудшим и предполагает более серьезные последствия, чем результаты Первой и Второй мировых войн. Второй сценарий является полной противоположностью первому. Это своего рода «хэппи энд» в американском понимании. Происходит конвергенция, США, Европа и Китай (где постепенно происходят политические реформы) находят пути для сотрудничества, мировой ВВП удваивается, «американская мечта» возвращается. Третий представляет мир крайностей. Внутри многих государствами растут социальные и политические противоречия. США больше не являются мировым полицейским, а в Китае увеличивается разрыв в доходах между прибрежной полосой и внутренней зоной. В целом, мир остается достаточно богатым, но он не такой безопасный, каким является сейчас из-за негативных эффектов глобализации на внутреннюю и международную политику.

И, согласно последнему варианту, неправительственные организации, транснациональный бизнес, академические структуры и богачи, вместе с субнациональными субъектами, такими как мегаполисы, начинают процветать и управлять глобальными изменениями. Базу для их поддержки может сформировать растущий глобальный общественный консенсус между элитами и средним классом в отношении вопросов окружающей среды, борьбы с коррупцией, верховенства права и проблем с бедностью. Мир, при этом остается неравномерным, а авторитарные также как и демократические режимы будут испытывать затруднения в осуществлении своих функций. Сами государства не исчезнут, но будут чаще организовывать «гибридные коалиции государственных и негосударственных акторов. Этот вариант лучше предыдущего, так как согласно нему происходит больше взаимодействия и кооперации по глобальным вызовам, а сам мир более стабилен и социально сплоченней.

Что касается России, то она упоминается скорее вскользь, хотя и в свете нескольких

В разделе, посвященном распылению власти, указано, что экономики России, а также ЕС и Японии могут продолжить относительное снижение. Также Россия наряду с Китаем и Индией упоминается в главе о потенциале для будущих конфликтов. Там отмечается конкуренция в области ресурсов (особенно с Китаем в отношении Сибири) и увеличения спектра военных возможностей. Конечно, есть и старая песня о необходимости демократизации: «модернизация России может интегрировать ее в более широкое международное сообщество, и в то же время, Россия которая не может построить более диверсифицированную экономику (ахиллесовой пятой российской экономики названы энергоресурсы — Л.С.) и более либеральную внутреннюю политику может больше представлять собой региональную и глобальную угрозу», а также возможного конфликта с какой-то из бывших советских республик, на чьей стороне против России выступит НАТО и США. Наличие ядерного оружия у РФ также беспокоит американских экспертов. При этом Россия сравнивается с Пакистаном, а в данном контексте упоминается Иран и Северная Корея. Однозначно, такая оценка имеет неадекватный характер и отражает желание военно-политических элит видеть Россию в более зависимом положении. Затрагиваются и другие вопросы, которые имеют объективный характер — это уменьшение численности населения страны (демографическое окно возможностей для России захлопнется в 2015 г.), а также интерес Москвы к более тесному взаимодействию с ЕС и США по ряду тем. По мнению авторов доклада, для России необходимы западные инвестиции, а также создание возможностей для экспорта собственных товаров. В качестве прогноза в отношении России, предлагается посмотреть, в какую сторону она двинется — к Китаю или на Запад. А негативную роль в будущем может сыграть ухудшение жизненных

условий населения, что приведет к росту националистических настроений в государстве.

Тезисно для России прописано три сценария.

1. Россия может начать больше сотрудничать с другими странами, скорее всего, выбрав брак по расчету, а не ценности. Многовековая амбивалентность России по поводу ее отношений с Западом по-прежнему находится в центре борьбы за стратегическое направление России.

2. Россия может продолжить более или менее двойственные отношения с другими державами, но в течение следующих 20 лет этот путь, вероятно, будет более хлопотным для международного сотрудничества, если Россия восстановит свою военную мощь и должна будет сдерживать более сильный Китай.

3. Россия может начать создавать проблемы, пытаясь использовать свое военное преимущество перед своими соседями, запугивая их в целях своего господства. Такой исход возможен, если лидер в России столкнется с ростом общественного недовольства по поводу ухудшения жизни и туманных экономических перспектив, надеясь сплотить националистические настроения и став более настойчивым в направлении ближнего зарубежья.

Конечно же, авторы не учитывают других тенденций, которые уже происходят — рост недовольством неолиберальным экономическим порядком, во главе которого стоят США, и интеграционные процессы — как в бывшем заднем дворе Вашингтона, т. е. Латинской Америке, так и в Евразии. Если подобные проекты воплотятся в жизнь, то мы увидим к 2030 г. совсем иную картину альтернативного мира, чем рисуют нам западные аналитики исходя из своих догматических убеждений и геополитических интересов.

Савин Л. В.

НОВАЯ ВОЛНА АМЕРИКАНСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ: ВЗГЛЯД НА КИТАЙ

На фоне различных потрясений, связанных с изменением географических границ и стремительно изменяющимся балансом силы в международных отношениях, научная политологическая мысль пытается найти ответы на насущные проблемы, предлагая новые концепции. Хотя традиционный геополитический дуализм, выраженный в борьбе сил талассократии и теллурократии, не снимается, некоторые акценты все же изменились, и политический истеблишмент государств, традиционно связанных с формированием стратегии в отношении различных регионов мира, активно ищет новые вариации для разрешения своих проблем и отстаивания интересов.

США в этом отношении скрупулезно и дотошно изучают все изменения на мировой шахматной доске и ищут возможности для применения своего классического инструментария в новом политическом оформлении. Если с приходом Обамы в Белый дом было официально заявлено о применении smart power (умной или гибкой силы) во внешней политике, а доктрина превосходства США в официозе была заменена на более корректное, как считают вашингтонские политтехнологи, лидерство, то для конкретных регионов и задач также были предложены новые концепции. Вместе с концертом сил (Concert of Powers), многосторонностью (multilateralism), новой архитектурой глобальной безопасности они вошли в обиход международного дискурса, сохранив при этом отношения «патрон-клиента» и завуалировав экспансионистские устремления Вашингтона.

Поскольку Китай стал для США заботой №1 в связи с ростом военно-политического могущества этой страны, многие интеллектуалы и аналитические центры тотчас начали прорабатывать возможные стратегии и доктрины, включая силовое сдерживание.

Рассматривая то, как КНР начинает устанавливать взаимоотношения с соседними странами, и куда простираются интересы Пекина, американские аналитики пришли к выводу, что стратегия Китая носит неконфронтационный характер и не имеет имперских и неоколониальных амбиций, в отличие от самих США и других стран Западной Европы. Тем не менее, интересы Китая были вполне прагматичны и связаны с энергоносителями.

Для описания комплексной стратегической ситуации, которая имеет долгосрочную перспективу, была предложена концепция «жемчужного ожерелья» (String of Pearls). Впервые она была употреблена в докладе Energy Futures in Asia, подготовленного компанией Booz-Allen-Hamilton по заказу Управления общих оценок Министерства обороны США в 2005 году.

Это «ожерелье» представляет собой некую последовательность (цепочку) кодов, где каждая «жемчужина» является связующим звеном китайского военного присутствия или геополитического влияния, благодаря которым Пекин выстраивает стратегические отношения и развивает возможности для установления присутствия вдоль морских линий коммуникаций, которые соединяют Китай и Ближний Восток.

Остров Хайнань, на котором в 2006 году были обновлены военные объекты, является одной из таких «жемчужин». Реконструкция взлетно-посадочной полосы на острове Вуди, расположенном в архипелаге Парасельских островов в 300 морских милях к востоку от Вьетнама, является другой «жемчужиной». Контейнерная база в Читтагонге в Бангладеш, является следующей «жемчужиной». Строительство глубоководного порта в Мьянме и военно-морской базы в Порте Гвадар в Пакистане являются очередными «жемчужинами», нанизанными на общую

«нить», которая простирается от побережья материковой части Китая через прибрежные воды в Южно-Китайском море, Малакский пролив, далее в Индийский океан и прибрежные воды Аравийского моря и Персидского залива.

Строительные проекты аэродромов и портов, дипломатические отношения, усиленная модернизация — все вместе представляет собой сущность китайского «ожерелья», благодаря которому Пекин строит стратегические отношения и развивает возможности для установления присутствия вдоль морских линий коммуникаций, соединяющих Китай и Ближний Восток.

Не менее интересна по отношению к зоне китайского влияния концепция Сердцевинного моря (HeartSea), предложенная недавно адъюнкт-профессором Военно-морского колледжа США Джеймсом Холмсом. На эти размышления его подтолкнуло интервью, данное бывшим командующим Тихоокеанским флотом Патриком Уэлшем японскому изданию *The Asahi Shimbun* в марте 2012 года. Патрик Уэлш, комментируя ситуацию вокруг спорных территорий в этом регионе, отметил, что через Южно-Китайское море проходят миллиарды долларов экономической активности. Следует отметить, что США официально заявили о том, что их основные интересы в XXI столетии будут сконцентрированы в Тихоокеанском регионе, а не в Атлантике, как было в прошлом столетии (что связано со смещением экономической и торговой активности в Азию, подтвержденное исследованиями Всемирного банка), а сам Китай связывает эту зону со своими жизненными интересами.

Крайне интересно, что США, утверждающие именно *Sea Power* в качестве основы своей власти и благосостояния, ранее не выдвинули подобную концепцию *HeartSea* в противовес сухопутному *Heartland* Хэлфорда Макиндера, который он соотносил с Россией. Данная геопропространственная привязка Сердцевинного моря позволяет сделать вывод о том, что стратегическое преимущество перейдет от США к той силе, которая будет доминировать в этом регионе, а если возникнет союз с

Хартлендом, то на глобальном господстве США можно будет поставить крест.

Безусловно, речь идет не просто об интересе Вашингтона к азиатскому региону. Как выразился бывший индийский дипломат Т. Шринивасан, в действительности в США ведутся разговоры только о том, какими методами лучше всего охватить этот регион и установить там свое влияние.

В подтверждение можно привести и стратегию Вашингтона в отношении очередного форпоста США в регионе — Японии. Например, в связи с японско-американским сотрудничеством в различных сферах, автор концепции *soft power* Джозеф Най и его коллега Ричард Эрмитаж предложили модель «расширенного сдерживания» (*extended deterrence*) в отношении стратегии нераспространения ядерного оружия, которая описывается как «комбинация возможностей и убедительности». Япония, по замыслу американских проектировщиков, должна продолжать диалог с США в этом вопросе, и наилучшей гарантией для этого будет не что иное, как присутствие американских военных на японских островах. При этом в недавнем исследовании «Американо-японский альянс», который авторы выпустили в Центре стратегических и международных исследований, говорится о необходимости сдерживать и Китай, поощряя, однако, его мирные намерения.

Что касается силового противостояния с Китаем, то Обама в начале 2012 года официально призвал американских военных переместить внимание в Азию — и здесь как нельзя кстати пригидилась доктрина «Сражение воздух-море» (*Air-Sea Battle*), разработанная Эндрю Маршаллом. Этот почтенный футурист, как его величают в американской прессе, возраст которого перевалил за 90, на протяжении 20 лет занимался в Пентагоне разработкой военной кампании против Китая с учетом его наступательных возможностей и наличия тяжелых вооружений. Война против КНР должна проходить с применением бомбардировщиков системы *стэлс* и подводных лодок, которые, со-

гласно теории, выведут из строя радары дальнего обнаружения и системы точного наведения, установленные в глубь страны. Первоначальная «кампания по ослеплению» должна быть поддержана более широкой воздушной и морской атакой.

В среде китайских военных эта концепция вызвала бурю негодования, в США ее раскритиковали из-за дороговизны, а в странах Азии пришли к мнению, что подобный конфликт может перерасти в ядерную войну. Тем не менее, несмотря на заверения Вашингтона о дружбе с Китаем на высоких встречах, в этом году в США были проведены симуляционные игры, а с партнерами из Южной Кореи, Японии и Филиппин военные маневры на их территории, явно направленные против Китая.

Впрочем, в США есть сторонники и более умеренных мер, выраженных термином «офшорное сдерживание» (синонимы — контроль и балансирование). Доктор Гэммс из Центра стратегических исследований Национального Оборонного Университета США ссылается на последнюю инструкцию Пентагона, где в отношении Китая указано, что США и Китай «имеют чрезвычайный интерес к миру и стабильности в Восточной Азии и заинтересованы в создании совместных двусторонних отношений».

Гэммс называет концепт «Сражение воздух-море» антитезисом стратегии и предлагает следующий вариант: «Согласно предложению, «офшорный контроль» позволяет снизить эскалацию и давление на лиц, принимающих решение, в то же время уменьшая зависимость от космического и киберпространства и сохраняя определенную прозрачность в условиях мира, кризиса и войны. Эта модель предназначена для замедления кризиса, чтобы решения принимались не в течении секунд, а за недели.

Кроме того, «офшорный контроль» предназначен для лучшего согласования стратегических требований с имеющимися в наличии ресурсами, а также местом США и союзных войск, исходя из благоприятных тактических позиций, если дело дойдет до драки. И, наконец, эта модель предусматривает разрешение

конфликтов, которые не требуют безотлагательной «решающей» победы».

Завершая обзор новой американской политологической терминологии, связанной с нашим соседом, необходимо отметить еще один свежий неологизм — учрежденная или влиятельная сила (Established Power). Он прозвучал на совместной конференции с министром иностранных дел Китая Яном Цзечи 5 сентября 2012 года из уст госсекретаря США Хиллари Клинтон, которая задалась вопросом, что же произойдет, когда растущая сила (Rising Power), т. е. Китай, встретится с США. В связи с появлением дискуссий о грядущем упадке Соединенных Штатов, возможно, что эта «учрежденная сила» как раз и заинтересована в Китае в качестве донора для подпитывания своих жизненных сил. Realpolitik однозначно указывает на то, что происходит с одной силой, когда появляется другая.

Тем более, что Китай прекрасно осознает значение морского могущества и стратегических коммуникаций. В качестве примера можно привести цитату профессора Центра стратегических исследований Пекинского университета авиации и астронавтики Чжана Ван Му из статьи «Sea Power и стратегические перспективы Китая», опубликованную еще в 2006 году, в которой рассматривались вопросы морской мощи, экономики и безопасности Китая. Он отмечал, что «Sea Power определила историческую судьбу народов... И Китай не является в этом исключением». Поэтому противостояние Китая и США в Тихоокеанском регионе — это вопрос времени.

Савин Л. В.

ПЕРЕЛОМНЫЙ 2012-Й

Профессор Высшей военно-морской школы США и один из авторов концепции сетевых войн Джон Аркилла в недавнем выпуске издания «Foreign Policy» назвал свою статью до удивления откровенно: «Да, Россия — это наш главный геополитический враг»» (Yes, Russia Is Our Top Geopolitical Foe). Хотя публикация была, в основном, посвящена оправданию резкого высказывания Мита Ромни в адрес России и общим положениям геополитического противоборства сил суши и сил моря, уходящим корнями еще в XIX век, стоит задуматься о возможных геополитических катаклизмах и роли внешних сил в новой Большой Игре.

Если страны-соседи на Востоке — Украина и Беларусь — являются для нас, в принципе, хорошо понятными игроками, то ситуация в странах Центральной Азии более сложная.

В целом можно сказать, что 2012 год стал переломным в процессе реформирования стратегического ландшафта Азии.

И хотя основные события разворачиваются в юго-восточной части континента, перемены неминуемо затронут и Центральную Азию. США продолжают рассматривать этот удаленный от береговой линии регион в качестве важного плацдарма для контроля как над Тихим океаном, где идет перегруппировка военных сил, так и над зоной Персидского залива, являющегося тем самым «горлышком», от которого зависят мировые поставки нефти.

Прежде всего, Вашингтон не упустит шанса «перекрыть кислород» Пекину, точнее, поставки энергоресурсов из Казах-

стана и Туркменистана, а также возможности манипуляций в отношении проекта «Нового Шелкового Пути».

Это значит, что Белый дом будет играть и на китайских/антикитайских интересах.

Следует учесть и интересы других геополитических игроков — Индии, Китая, Турции, стран Персидского залива и ЕС, а также противоречия между государствами этого региона. Иными словами, будущее «мягкого подбрюшья Евразии», по определению Збигнева Бжезинского, рождается сейчас, и для его формирования нужно учитывать ошибки прошлого.

Здесь достаточно вспомнить, как после распада Советского Союза бывшая партийная номенклатура начала строить национальные государства. Эффект «размораживания» привел тогда к вооруженным конфликтам на этнической и религиозной почве. (Особенно болезненно этот процесс проходил в Таджикистане.) Неопределенность курса России в эпоху Ельцина также не давала особого выбора постсоветским странам, которые обратили свой взгляд на Запад и часто именно там находили поддержку.

Одновременно с политической и экономической помощью в страны региона приходили и иностранные спецслужбы. Создавались агентурные сети.

Здесь свили гнезда и радикальные исламисты. Развернули свою деятельность западные неправительственные организации. И все эти структуры, хотя и разными методами, но привели к снижению роли государства в странах региона. А ослабление центральной власти неизбежно приводит к межэтническим трениям, которые, к сожалению, до сих пор происходят в регионе, особенно в Ферганской долине.

Цветные революции, которые всколыхнули и Центральную Азию, в первую очередь, Киргизию, заставили политическую элиту стран региона пересмотреть свое отношение к безусловной поддержке «демократических реформ», более внимательно относиться к геополитическим императивам. В Казахстане, например, были введены ограничения на выезд молодежи за ру-

беж на учебу. Предпринять такие меры, как говорится, жизнь заставила. После возвращения домой молодые люди начинали пропагандировать либеральные ценности, что нередко шло вразрез с интересами своей страны.

Вообще, Казахстан — это, пожалуй, единственное государство Центральной Азии которое изначально следовало геополитическим принципам.

Нурсултан Назарбаев практически сразу же после распада СССР предложил новую модель интеграции на постсоветском пространстве. Остальные страны, можно сказать, действовали реактивно, а Узбекистан во внешней политике вообще следовал принципу изоляционизма.

К этому можно добавить, что США, решая в регионе свои задачи, в том числе, по формированию агентурных сетей, традиционно старались действовать дипломатическими методами. Неформальная сторона внешней политики при этом была ими упущена. Образовался разрыв, который сегодня вполне может заполнить Россия, используя и межгосударственные институты, например бизнес-структуры Шанхайской Организации Сотрудничества. Вполне реально для укрепления экономического сотрудничества применять и «мягкую силу». Таможенный Союз и Евразийский Союз сами по себе могут вызвать позитивную цепную реакцию. Так, Киргизия является очередным претендентом на вступление в ТС.

Таджикистан присматривается к таможенному соглашению, а министр иностранных дел Х. Захири заявил, что их страна присоединится к Таможенному Союзу, если в него вступит Киргизия.

Россия, судя по всему, правильно оценивает роль и значение этого региона в реализации своих стратегических задач. Она сделала очень важный шаг, выступив в качестве посредника между странами региона в решении таких чувствительных вопросов, как распределение водных ресурсов. 20 сентября с.г. в Бишкеке были подписаны соглашения по гидроэнергетике меж-

ду РФ и Киргизией, согласно которым российские компании будут вовлечены в реализацию проектов Камбар-Атинской ГЭС-2 и Верхне-Нарынского каскада. При этом глава РФ Владимир Путин дал четко понять, что Москва заинтересована в выработке адекватной системы взаимодействия, контроля и раздела ресурсов, которая устроит все стороны. Ясно, что на данный момент Бишкек получил серьезные преимущества перед соседями, и следует ожидать, что Ташкент, Астана и Душанбе (Рогунская ГЭС) присоединятся к выработке взаимовыгодной водной стратегии региона.

Геополитическое значение газа, нефти, урана и редкоземельных металлов, которыми обладают страны Центральной Азии, также формирует интерес внешних сил к воздействию на регион. Здесь особую роль играет Туркмения. Текущие соглашения с Россией и Китаем по поставкам углеводородов на данный момент срывают планы Запада по принципиальной переориентации Ашхабада в направлении ЕС через Турцию. В августе с.г. Анкара уже выступила с инициативой подорвать монополию России по транзиту газа в Европу, переключив на себя поставки из Туркмении, а также из Азербайджана. США пока удается манипулировать мнением лишь по вопросу газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия, несмотря на то, что в проекте принимают участие компании из Китая, Южной Кореи и ОАЭ.

Важно отметить, что все актуальные вопросы решаются системно. Размещение военной силы РФ и ликвидация чужого (американского) присутствия также обсуждаются в текущих переговорах.

Игорь Шувалов ранее сообщил, что с Таджикистаном практически согласован вопрос продления договора о размещении 201-й сухопутной дивизии (самой крупной базы РФ за рубежом). Визит Президента РФ Владимира Путина в Душанбе 5 октября с.г. окончательно поставил точки над «i». Продление аренды на 30 лет и статус неприкосновенности российских во-

еннослужащих — это серьезная дипломатическая победа Москвы. Кроме того, будет развиваться сотрудничество и в нефтегазовой сфере — «Газпром» займется осваиванием газоносных участков, а Таджикистан сможет покупать российские нефтепродукты без пошлины. Более деликатные вопросы, связанные с гидроэлектроэнергетикой, будут прорабатываться с учетом интересов и других региональных игроков.

Кстати, в этом году Всемирный банк пытался оказать давление на руководство Таджикистана, обещая помощь в строительстве Рогунской ГЭС «в обмен на изгнание российской базы». Не получилось!

В Киргизии Россия также сохранит свое присутствие, а это четыре объекта — центр военной связи, база подводных испытаний, радиосейсмическая лаборатория и авиабаза. Более того, они будут интегрированы и усилены, что в ситуации оперативного обмена информацией и нестабильностью в соседнем Афганистане будет способствовать контролю над обстановкой, прежде всего, в самой Киргизии. И хотя Россия, со своей стороны, спишет часть киргизского долга, в данном случае геополитические интересы важнее экономических. Поэтому продуманные стратегические шаги в отношении каждого актора региона и политическая воля будут играть важную роль и для будущего региона, и для России, в том числе в вопросах безопасности.

К важнейшим угрозам здесь нужно отнести как рост воинствующего исламизма, так и проблему наркотрафика, который, главным образом, направлен в нашу страну. В этом отношении дополнительную роль может сыграть ОДКБ как межгосударственная структура. Генеральный секретарь этой организации Николай Бордюжа на координационном совещании председателей комитетов по обороне и безопасности парламентов стран ОДКБ 18 сентября с.г. в Армении уже заявил о необходимости укрепления военной составляющей ОДКБ через ее реформирование.

Предложение Н. Бордужи состояло в объединении всех существующих компонентов — миротворческих сил, КСОР, двусторонних группировок, сил быстрого развертывания в Центральном-Азиатском регионе с включением коллективного авиационного компонента.

Такое военное присутствие будет являться серьезным сдерживающим фактором как от возможной агрессии извне, так и для попыток дестабилизации изнутри. Страны-соседи Центрально-Азиатского региона также могут быть вовлечены в конструктивный процесс, связанный с общей безопасностью. Это, в первую очередь Иран, Китай и Индия. Евразийская дуга нестабильности хотя и затрагивает Центральную Азию, однако управляемый извне хаос можно пресечь, тем более, что у его основного источника за океаном назрели свои серьезные проблемы.

Есть еще ряд других вопросов, которые требуют особых решений. Например, те же деструктивные сети, представляющие собой сложную смесь экстремистов-салафитов, агентов западных спецслужб, зарубежных неправительственных организаций, расплодившихся в Центральной Азии, нельзя подавить только авторитарными методами. Хотя опыт России по борьбе с терроризмом и экстремизмом салафитского толка на Северном Кавказе, с определенными корректировками, может быть вполне применим и в Узбекистане, и в Казахстане, где в последнее время происходят всплески насилия. Нужны и свои контрсети, действующие по современной логике (без иерархии, жесткой структуры и четких ограничений) и с учетом местной специфики.

События в Киргизии также свидетельствуют о возможной дестабилизации республики, которая может затронуть и соседние страны. Более того, после вывода войск НАТО из Афганистана есть угроза заполнения образовавшегося вакуума радикальными политическими силами типа «Талибан», а также увеличения наркотрафика в сторону Российской Федерации. Следова-

но, усиление региональной безопасности при участии России, подразумевающее тесное сотрудничество по вопросам анти-терроризма, контрабанды и контроля границ, является одним из императивов для всех государств Центральной Азии.

Что касается методов «мягкой силы», то культурной и экономической составляющих будет мало. Поощрение изучения русского языка, пожалуй, является постоянной стратегической задачей, однако в странах Центральной Азии и так пока понимают «великий и могучий». Его знание подразумевает не только возможность временного трудоустройства в России, что в последнее время стало источником единственного и стабильного дохода для многих граждан Таджикистана, Киргизии и Узбекистана, но и причастность к элите, как было на протяжении всей советской истории.

Необходимо учитывать и новую природу взаимоотношений в Центральной Азии, где происходит динамическое смешение местных акторов, которые переосмысливают свою роль как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне стратегических осей.

Экономические проекты вроде «Нового Шелкового Пути» также могут способствовать широкой интеграции. Как вариант, можно объединить патриотические силы нескольких стран для выявления экстремистских элементов и противодействия им, а также для выработки контркредо, т.е. конструктивной политической программы действий. (Упомянутый ранее Бжезинский не случайно назвал контркредо основной угрозой США в контексте роста антиглобалистских настроений по всему миру.)

Для выстраивания адекватных векторов должна анализироваться и дипломатия других стран в постсоветских республиках. Например, усилившееся туркмено-китайское сотрудничество в области энергоресурсов и инвестиций, тесные связи Узбекистана и Афганистана, поступательное проникновение Индии в Таджикистан.

Все эти факторы тоже можно использовать с определенной стратегической выгодой для России.

Гибкое балансирование, направленное на создание взаимосвязанных микро-полюсов, которыми могут быть родовые кланы, политические силы и всевозможные интеграционные проекты, входящих в общее Большое интегрированное пространство Евразии региональных игроков, всесторонний учет сетевой природы и номадической культуры нынешних региональных социумов, сохраняющих преемственность кочевых традиций, — залог успешной внешней политики России в Центральной Азии.

Савин Л. В.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

В конце 2011 года идея интеграции евразийского пространства, в первую очередь Беларуси, Казахстана и России, получила новое выражение в государственных инициативах этих стран, фактически придав идее Таможенного Союза и ЕврАзЭС старый-новый смысл. Концепции евразийства, разработанные в 1920-е годы русскими мигрантами, а позже рядом ученых и политиков России и Казахстана, из теории начали воплощаться в политическую практику. В данной статье мы попытаемся очертить некие возможные векторы будущего развития проекта Евразийского Союза, сфокусировавшись на ряде аспектов, минимально необходимых для функционирования крупного государства или межгосударственного объединения, — от вопросов политической теории и экономики до переосмысления мирового порядка и оборонной стратегии.

Этимология как политическое конструирование

В первую очередь необходимо определиться с терминологическим аппаратом, связанным с перспективами создания Евразийского Союза. Нельзя упускать возможность расширить уже существующую терминологическую базу путем привнесения в политологический дискурс самобытных новшеств, отражающих глубинные структуры понятий. Как говорил Мартин Хайдеггер, язык — это дом бытия, и, формируя (воссоздавая) соответствующую этимологию, мы будем участвовать в процессе творения не только новых смыслов, но и новых процессов, свя-

занных с реорганизацией евразийского региона. Кроме того, необходимо преодолеть и позитивистский подход, где навязывается аппарат латинской, а, следовательно, западноцентричной терминологии. А далее — выработать лексикон, механизм и культуру международных отношений, которые будут адекватны для третьего тысячелетия, и не только для рассматриваемого нами региона, но и для остальных уголков планеты [1].

Название «союз» в русском языке означает узы и связь, указывает на некую общность. По сути, это калька с латинского слова *coniunctiō* (связь, сопряженность, согласие) или греческого *Σύνδεσμος* (связь, связка). Но рассмотрев пути развития этих терминов мы увидим существенную разницу. Распространенный англоязычный термин «союз», означающий — *Union*, происходит от того же латинского термина, но только в усеченном виде, т. к. слово *iunctiō* имеет меньше значений и не отражает идею общности. Более того, в политическом лексиконе это может означать и неустойчивые объединения, в том числе некие договоры (унии). Есть и более негативные трактовки этого понятия, например — «хунта», отсылающее к многочисленным переворотам в странах Латинской Америки, осуществленные военными. Принятая трактовка номинально подходит для будущего объединения, хотя есть и масса других синонимов. Однако, это будет только ярлыком для формы межгосударственной структуры. Но каково будет его содержание?

Сразу же возникает вопрос о форме правления (или соуправления) и механизмов принятия решений. Будет ли создан Евразийский парламент или законодательная власть будет делегирована межпарламентской ассамблее стран Евразийского Союза? Адекватна ли в данном случае сама форма делегирования полномочий по европейскому парламентаристскому образцу или есть возможность для создания более гибкой и отвечающей интересам народов Евразийского Союза структуры? Применимы ли полицентричное право и консоционализм в качестве инструментов для решения насущных социально-политических

и хозяйственных вопросов? Экономика ли является движущей силой евразийского локомотива или есть более глубинные причины (хотя и с трудом поддающиеся описанию в привычных для политиков словах) для геополитической консолидации (как говорил Аристотель — целое больше суммы своих частей)?

Античные философы считали, что государство — это высшая форма человеческого творчества. Тогда такой наивысшей формой будет объединение государств в союзную силу с тщательно выверенными механизмами внутренней и внешней политики, системой балансов и противодействия внешним угрозам. Но над обыденными политическими конструкциями должна находиться духовная составляющая — идеология. Идеократия, для которой характерно общее мировоззрение и готовность правящих элит служить одной общей идее-правительнице, представляющей «благо совокупности народов, населяющих данный автаркический особый мир» [2], на наш взгляд, должна стать политическим строем правления Евразийского Союза.

Судьбоносная география

Что такое Евразия? Хотя Эдуард Зюсс в своей фундаментальной работе «Лик Земли» [3] употребил это понятие, указав на условность границ между Европой и Азией, безусловно, нужно принять во внимание в первую очередь школу классической евразийской мысли от Петра Савицкого до Льва Гумилева, поскольку в чисто географическом контексте мы не сможем сконструировать теоретические основы для цельной политической реальности [4]. Принимая это за основу, мы обнаружим, что евразийцы использовали этот термин в исключаящем смысле. Евразия есть особый мир, а не совокупность Европы и Азии. Стоит заметить, что «в этом они следовали славянофильским взглядам языковеда, этнолога и географа В.И. Ламанского, который первым — на основе географических и языковедческих данных высказал мысль о том, что Старый Свет разделяется не на два, а на три континента — Европу, Азию и Россию, или

«Срединный мир» восточнее Европы и севернее Азии» [5]. При этом речь идет об общности культур и народов, населяющих данное пространство, которые не в европейские и азиатские окраины Евразии [6]. Подобным методом апофатической геополитики можно попробовать смоделировать наше возможное будущее Евразийского Союза.

Новая политическая конфигурация не будет являться воссозданием Советского Союза или Российской Империи. Это также не будет являться подобием Европейского Союза, где страны разделены по языковым, административным и, в ряде случаев, по валютным отличиям. Ввиду того, что ряд государств будущего объединения имеют свои языки, это не будет похоже и на латиноамериканские интеграционные проекты [7]. С другой стороны, в этом процессе есть не только преемственность общего прошлого, но и общие культурные и лингвистические корни, что позволило евразийцам говорить даже о языковом союзе. Например, выделение Романом Якобсоном общего пространства мягкостной корреляции, практически совпадающей с границей СССР, за исключением части Дальнего Востока, где граница проходила примерно по реке Омолон, отделяя Чукотку и Камчатку (однако в эту зону попадала Монголия и северные регионы Китая). А Лев Гумилев указывал на комплементарность тюркских, славянских и угро-финских народов, населяющих Евразию выше горной цепи, тянувшейся от Гиндукуша до Тянь-Шаня.

Кроме того, при формировании Евразийского Союза есть возможность просчитать все недостатки предыдущих проектов, — от строя правления до интересов местных общин. Но, прежде всего, мы должны взглянуть на евразийский массив с глобальной позиции.

Англосаксонские геополитики в своих империалистических устремлениях, хотя и говорили о Старом Свете и преемственности западноевропейской политической культуры, но не забывали о целостной картине мира. Географическая ось истории,

а также Серединная Земля (Heartland), находятся в России [8]. Отсюда вытекает известная формула о господстве над миром, которая корректировалась Николасом Спайкманом, Збигневом Бжезинским и Генри Киссинджером, однако от этого не потеряла своей сути. Но, как любой географический организм, этот Heartland будет неполноценным без других жизненно важных элементов. Так, Казахстан является мягким подбрюшьем Евразии, откуда открывается доступ как в другие страны Центральной Азии, так в Китай и Россию [9], представляя собой Innerland, — Внутреннюю Землю Евразии, удаленную как от береговой зоны (Rimland), так и от Серединной земли. На Западе Беларусь и Украина являются логическим завершением культурно-географического евразийского пространства, заканчиваясь на границе Карпатских гор и нулевой изотерме января (по Савицкому). Следовательно, Украина является важным звеном для Евразийского Союза и упорная борьба США и Запада за эту республику имеет именно геополитический подтекст, так как без Украины Евразийский Союз будет являться незавершенным.

Между тем, Евразийский Союз — это еще и мост между Западом и Востоком. Говоря экономическим языком, это важная коммуникационная линия между такими политическими гигантами как Евросоюз и Китай. В связи с расширением единой таможенной зоны от Мазурских болот на севере и Каспийско-Черноморского бассейна на юге с одной стороны и до Джунгарии с другой, возможность создания мощного транспортного коридора уже вызывает большой интерес Пекина. Таким образом, концепция Петра Савицкого о сухопутном море Евразии находит свое воплощение в третьем тысячелетии.

За рамками классического евразийства

Основные тезисы для переосмысления классического евразийства были заложены после распада СССР Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым и российским ученым

и геополитиком Александром Дугиным. Они подошли к этому вопросу с разных сторон, но их концепции адекватно сочетались и дополняли друг друга. Нурсултан Назарбаев выступал с позиции государственника и сохранения преемственности Союза. По его замыслу новое объединение должно было преодолеть разногласия, заложенные в доктрине большевизма, марксизма-ленинизма и советского строя, одновременно сохраняя хозяйственные связи между республиками. Его предложение осталось на многие годы невостребованным в силу ряда причин, — от конфликтов в различных республиках до ошибочной ориентации на либерально-капиталистические установки, навязываемые государственными и надгосударственными акторами, такими как МВФ и Всемирный банк. У Дугина проект неоевразийства предстал как широкомасштабная геополитическая доктрина, превосходящая рамки условных географических границ. При этом классическая дихотомия Суши и Моря, разделение на врагов и друзей по К. Шмитту, автоматически расширяла евразийство до планетарного масштаба [10].

Дугин отмечал, что «евразийцы — это не только представители народов, населяющих континент Евразия. Евразийцами являются все свободные творческие личности, признающие ценность традиции — в том числе и представители регионов, объективно являющихся базой атлантизма» [11].

Недавно китайский исследователь Д. Сюй справедливо заметил, «что сближение Китая и России — это неизбежный результат стратегического давления США, а также выбор, которые стороны сделали в целях собственного выживания» [12]. В своей публикации он отмечал, что «КНР и РФ являются самыми прочными политическими образованиями на евразийском континенте, обладают исторически длительной цивилизацией и совершенной промышленной и сельскохозяйственной базой. Взаимодействие между Китаем и Россией не только будет способствовать продвижению безопасности и развитию двух государств, но и может привлечь внимание других стран на

территории Евразии, в том числе Ирана и Пакистана, чтобы нарушить стратегические планы США в регионе» [13]. И далее, продолжая региональный анализ через призму геополитических императивов, Сую вполне логично указал, что Латинская Америка представляет собой внешнюю силу Евразийского сообщества, Африка является дружественной силой, а в Азии есть много сторонников России и Китая.

Таким образом, формирование Евразийского Союза вместе с другими интеграционными процессами в других частях света будет представлять собой движение в сторону создания многополярного (полицентричного) мира. Чем быстрее будет создан Евразийский Союз, тем быстрее государства, в него входящие, а также другие страны, вносящие свой посильный вклад в формирование нового миропорядка, смогут выйти из под прямого (*hard power*) или опосредованного (*soft power*) влияния США.

Экономика

Должны ли мы следовать немецкой идее об автаркии (самодостаточности), изложенной в книгах Иоганна Фихте («Закрытое торговое государство») и Фридриха Листа («Национальная система политической экономии»), преодолевая различные национализмы (русский, казахский и др.) и выходя на уровень коллективного хозяйственного суверенитета, или придерживаться концепций Николая Трубецкого и Петра Савицкого, которые говорили не только об экономически выгодном решении для Евразии, но и об общечеловеческом идеале, который может воплотиться в особом мире евразийского сверхнационализма? [14]

Гезелевская система свободных денег или этическая экономика, в которую будут заложены различные функционалы в зависимости от региональной специфики, — так или иначе, необходимо преодоление логики неолиберального капитализма. Недавнее обсуждение возможности создания банка BRICS является хорошим началом для выхода из-под зависимости спекулятивных активов Запада. В целом, как отмечал Грегори

Глизон, доктор политических наук из США, «создание единого экономического пространства на всей территории Евразии уже давно назрело» [15].

Но если на данный «официальная формула нынешнего проекта интеграции в рамках Евразийского союза обозначает экономическую интеграцию при сохранении политического суверенитета и гарантированной коллективной безопасности» [16], то в будущем она должна быть расширена и включать в себя политические и социальные объединительные процессы, в том числе и на уровне публичной дипломатии. Это позволит выйти на уровень системной интеграции и выработке своих правил игры.

Как ответ на вызов глобализации также необходимо: 1) стимулировать производство на внутренних рынках; 2) задействовать принцип субсидиарности; 3) защищать локальную торговлю от разрушительного действия транснациональных корпораций и низких тарифов; 4) поощрять внедрение экологических технологий; 5) формировать тип смешанной экономики [17].

Что бы ни говорили об умной экономике и информационных технологиях, двумя столпами производства всегда будет пищевая промышленность и энергетика. Без еды адекватное функционирование любой рабочей силы невозможно, а без энергетической составляющей фабрики, заводы и транспорт останутся. Россия и Казахстан являются крупнейшими мировыми производителями и экспортерами пшеницы. Кроме того, Россия и Казахстан обладают обширными запасами углеводородов и радиоактивных материалов, и имеют соответствующую инфраструктуру для их переработки. Сырьевая составляющая имеет амбивалентный характер, из-за чего Россия и Казахстан расцениваются Западом как собственный нефтяной и газовый придаток. А атомная энергетика, несмотря на инцидент в Японии [18], еще долгое время будет оставаться перспективной и относительно малозатратной, в связи с чем, будущее создание альтернативной зерновой (и шире — сельскохозяйственной),

а также энергетической бирж будет означать новую роль и новый статус Евразийского Союза. В этом контексте вступление России в ВТО многими российскими политиками и экспертами оценивается как ошибка.

Этносы в политических процессах Евразийского Союза

В большой степени будет влиять на успех то, какой будет выработан подход к решению этнических и традиционных культурных вопросов народов будущего Союза. Исходя из теории Льва Гумилева, нам, скорее всего, удастся избежать конфликтов в хантингтонианском стиле, хотя попытки раздувания этноконфликтов и дестабилизации извне исключать никогда нельзя.

Среди ненасильственных методов управления этническими различиями можно выделить следующие: 1) интеграция и/или ассимиляция; 2) гегемонистский контроль; 3) арбитраж (подключение к процессу третьей стороны); 4) кантонизация и/или федерализация; 5) консоционализм или разделение власти [19]. Первый вариант в несколько «гуманизированной» версии был опробован в Западной Европе и известен под названием мультикультурализм. Его провал признали в 2010 году президенты Франции Николя Саркози и Германии Ангела Меркель. Второй и третий варианты для нашего случая совершенно не подходят. Четвертый хотя и достаточно изучен на примере стран Западной Европы, не совсем адекватен к реалиям евразийского пространства. Консоционализм, который часто связывают с корпоративизмом, более интересен, так как базируется не на экономических принципах, которые позволяют регулировать классовые конфликты, но «на основе согласования социальной фрагментации по этническому и религиозному признаку» [20], которая уже существует, причем даже в России. Как отмечают специалисты по альтернативному праву Существует ряд условий, по которым консоционализм может быть эффективным. Это:

- Сегментная изоляция этнических общин;
- Множественный баланс сил;

- Наличие внешних угроз, общих для всех общин;
- Общая лояльность к государству;
- Традиция элитного проживания;
- Социально-экономическое равенство;
- Небольшая численность населения, снижение политической нагрузки;
- Умеренная многопартийность с сегментными партиями [21].

Еще один немаловажный аспект — это гибридизация границ, которые представляют собой не административную линию, а социальные пространства с особой спецификой (если между Беларусью и Россией подобный феномен гармонизирован общей этнической славянской спецификой и православной религиозной культурой, то между Россией и Казахстаном существует больше различий, не только по линиям славяне-тюрки, православные-мусульмане, но, например, в связи с наличием казачьего элемента и разделения общего тюрского суперэтноса на различные составляющие. Тем не менее, феномен гибридов-границ может оказать позитивный эффект. Исторический опыт показывает, что взаимное проникновение культур способствует налаживанию полилога [22] народов, несмотря на их специфические бытовые, культурные, мировоззренческие и обрядовые различия.

Критики и противники

Что касается нынешней критики идеи Евразийского Союза, то ряд политиков и экспертов, в основном из США и Западной Европы, уже назвали данную инициативу попыткой воссоздания Советской Империи с принципиальной ролью Москвы в качестве основного центра принятия решений.

Более проницательные аналитики рассматривают данную инициативу в контексте международной ситуации, роста могущества ряда государств и региональной геополитики. Лорен Гудрич из разведывательно-аналитического центра «Стратфор», назвал план создания Евразийского Союза воссозданием Им-

перии по возможности. Он считает, что из-за уникальных географических условий Россия имеет незащищенные границы, поэтому должна максимально расширить свою территорию, создав на своих «окраинах» стратегическую глубину. Гудрич пишет, что «конечный план России состоит в том, чтобы восстановить контроль над большей частью своих бывших территорий... Россия начнет эту новую интеграцию русской империи, создав союз с бывшими советскими республиками на основе текущих ассоциаций Москвы, таких как Таможенный Союз, Союзное Государство и Организация Договора о Коллективной Безопасности. Это позволит ЕАС стратегически охватить как экономическую сферу, так и сферу безопасности» [23]. Тем не менее, американский эксперт признает, что Евразийский Союз не будет являться новой копией СССР, так как Москва учла все ошибки, связанные с контролем, поэтому «Москва будет влиять на внешнюю политику и безопасность, но не будет нести ответственность за большую часть внутренних дел в каждой стране».

Украина в лице действующих властей также ведет политические интриги — позиция «ни да, ни нет» и заигрывание с ЕС, по сути, является продолжением политики Леонида Кучмы «сидения на двух стульях». Однако, Киеву в ближайшее время необходимо будет определиться с приоритетами. Действия Москвы по созданию трубопроводов Северный и Южный поток показывают, что время двусмысленностей в стратегических вопросах подходит к концу. Пока предложение войти в евразийский клуб остается в силе, но ставки в любое время могут быть понижены.

На повестке дня в перспективе также присоединение государств Средней Азии, что не ускользает от внимания политологов. С Кыргызстаном на данный момент установлено взаимопонимание по принципиальным вопросам, включая региональную безопасность. Таджикистан тоже является членом ЕврАзЭС и вместе с Кыргызстаном недавно заявил о необходимости включения в Таможенный Союз. Узбекистан в геополитическом плане считается не менее важной фигурой на евразийской шахмат-

ной доске. На данный момент принято решение по разработке «дорожной карты», и ее эффективность будет являться своего рода тестом на евразийскую интеграцию.

Как бы то ни было, любая критика должна тщательно анализироваться. Картина более-менее понятна, если аргументы «против» звучат из неолиберальных мозговых центров США или стран Западной Европы, которые, исходя из неокOLONIALНОЙ логики, не заинтересованы в объединительных процессах Евразии. Если же в возражении оппонентов есть рациональное зерно, нужно принимать во внимание эти тезисы и выносить на широкие дискуссии. Необходимо понимать, что Евразийский Союз — это не проект властных элит, а материализация чаяний народов нашего континента.

Стратегия или стратегии?

Каждое государство имеет свою стратегию внешнеполитической деятельности, связанную с национальными интересами и ценностями. На примере стран блока НАТО мы видим, что зачастую по вопросам внешней политики могут возникать споры, связанные с принципами стратегической культуры. Подобное может произойти и в Евразийском Союзе, если уже сейчас не будут предприняты попытки синхронизации национальных стратегий, включая вопросы безопасности.

Сам проект Евразийского Союза будет нуждаться в долгосрочной стратегии, требующей как идеологического наполнения, так и институционализации новой стратегической культуры, которая должна будет преодолеть возможные этнические, национально-гражданские и религиозные противоречия, которые в предыдущие исторические этапы служили поводом для эскалации конфликтов, а с учетом новой международной ситуации могут приобрести иные формы, связанные с тактическими приоритетами властных элит и влиянием извне.

И эта стратегия обязательно должна быть Великой Стратегией, так как подразумевает не только грандиозные географиче-

ческие масштабы и экономические реформы государств, которые войдут в будущий союз, но и сильную реакцию со стороны конкурирующих стран или государственных блоков [24]. Хотя первоначально этот термин относился к военному искусству, и указывал на необходимость широкомасштабных усилий государства в различных сферах деятельности в ходе ведения войны [25], позже он был переосмыслен геополитиками и начал применяться для консолидированных действий государства и альянсов с целью достижения определенных стратегических целей.

Для этого необходимо задействовать синергетический потенциал уже существующих доктрин и коллективных договоров. Академический «пул», вопросы природного детерминизма, мышление высокопоставленных чиновников, тактические вопросы, региональные и межгосударственные векторы должны прийти к единой общеевразийской парадигме. Для этого нужно учитывать общий геополитический контекст. Как говорил видный геополитик Колин Грей, контекст (от латинского *contextere*), имеет два значения. Он может касаться того, что «окружает», что сейчас является его повседневным значением. В то же время он может значить «то, что сплетается вместе» [26]. Контекстом, как для национальной безопасности стран Евразийского Союза, так и в качестве основы будущего развития, является единство. И если тактические ошибки в реализации различных программ еще можно исправить, то стратегическую ошибку исправить не возможно. В нашем случае мы не имеем права на такую ошибку, ибо это означает как минимум потерю многих будущих десятилетий. Чтобы этого не произошло, акторам-основателям Евразийского Союза необходимо самим формировать геополитический контекст, а не формироваться под его воздействием.

[1] Даже сам термин не совсем адекватен, так как все действующие школы — реализма, конструктивизма и либерализма описывают, в первую очередь, отношения между государствами, а не народами, которые могут быть разделены государственными границами или, наоборот, находиться на территории одной страны.

[2] Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства. // Евразийская хроника. Выпуск XI. Париж, 1935. С. 29-37.

[3] Suess, Eduard. Das Antlitz der Erde. Wien, 1885.

[4] Подобные противоречия можно наблюдать в современных геополитических спорах, проходящих в Латинской Америке, где представители интеграционной геополитической школы Южной и Центральной Америки критикуют современную политическую мысль Северной Америки на уровне терминов, называя свой регион (Nuestra America), осуждая колониционные процессы бывших европейских держав.

[5] Серю П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30 гг. — М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 89.

[6] Хотя в дальнейшем перспектива и более широкого объединения вполне возможна. В свое время ряд европейских геополитиков (Карл Хаусхофер, Жан Тириар, Йордис фон Лохаузен) уже предлагали проект континентальной «Евразийской Империи от Дублина до Владивостока», указывая на необходимость интеграции стран Западной Европы и Советского Союза. Совсем недавно китайский исследователь Дао Сюй предложил создать Евразийский альянс России и Китая для совместного отстаивания интересов в противостоянии гегемонистским устремлениям США.

[7] Жители всех страны этого континента, за исключением Бразилии говорят на испанском языке (кроме автохтонных индейских гуарани, аймара и пр.)

[8] Mackinder H. Geographical Pivot of History // Geographical journal, 1904.

[9] Такую формулировку предложил З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска».

[10] См. Наш путь. Стратегические перспективы развития России в XXI веке. М.: Арктогея, 1999; Дугин А.Г. Проект «Евразия». — М.: Эксмо, Яуза, 2004; Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. — М.: Арктогея, 2002; Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1999.

[11] Дугин А.Г. Евразийский взгляд. // Геополитика № XIII, С. 5.

[12] Сюй Д. Китаю и России следует создать Евразийский альянс.// Жэньминь жибао онлайн. 30/01/2012. <http://russian.people.com.cn/95181/7714612.html>

[13] Там же.

[14] Трубецкой Н.С. Мысли об автаркии.//Новая эпоха. Нарва, 1933. С.25-26.

[15] Парамонов В. Евразийская интеграция и Китай: виртуальный экспертный форум. Часть 5.// Информационно-аналитический центр. 04.12.2011. <http://www.ia-centr.ru/expert/12185/>

[16] Солозобов Ю.М. Евразийский Союз: от идеи к практике.// Геополитика № XIII, С. 15-16.

[17] Савин Л.В. Глобализация во благо народов. Перспективы четвертой политической теории. Текст доклада на международной конференции «Земля, живи! От вражды к сотрудничеству цивилизаций». г. Москва, 04.12.2009.

[18] Следует отметить, что станция Фукусима представляет собой американский образец. Современные российские атомные станции имеют высокий уровень безопасности, в том числе на случай природных катаклизмов.

[19] John McGarry and Brendan O'Leary Introduction: The macro-political regulation of ethnic conflict// John McGarry and Brendan O'Leary (eds.) The Politics of Ethnic Conflict Regulation: Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts, London: Routledge, 1993. pp. 1-40

[20] Hassel A. Wage setting, Social Pacts and the Euro: A New Role for the State. Amsterdam, Netherlands: Amsterdam University Press, 2006. P 281

[21] Michael K. Imposing Power-Sharing: Conflict and Coexistence in Northern Ireland and Lebanon. Dublin: Irish Academic Press. 2006. pp. 27-28.

[22] В отличие от диалога (греч. *Διάλογος*), где участниками взаимоотношений являются два субъекта, для многосторонних отношений правомочно использовать именно термин «полилог» (или «малтилог»).

[23] Гудрич Л. Россия: восстановление империи по возможности.// Геополитика № XIII, С. 35-40.

[24] Савин Л.В. Великая Стратегия для Евразийского Союза.// Геополитика № XIII, С. 26-30.

[25] Подробнее см. Гарт Б.Л. Стратегия непрямых действий. — М. Эксмо, 2008.

[26] Colin S. Gray, *Modern Strategy*, Oxford: Oxford University Press, 1999, ch. 5, «Strategic Culture as Context.»

Андреа Фаис

БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ В ГРУЗИИ?

Как любой экономический кризис, последний, имевший место в Европейском Союзе, спровоцировал напряженную дискуссию о будущем геоэкономического пространства и о возможных изменениях, грядущих на Старом континенте. Экономике стран PIGS (Португалия, Ирландия, Испания, Италия, Греция и Испания) выявили высокие риски, связанные с уменьшением значимости политики и увеличением роли рынка. На протяжении девяностых годов самой популярной формулировкой среди правящего класса Европы была «меньше государства, больше рынка». Холодная война и связанный с ней пересмотр стратегии в рамках политики Соединенных Штатов породили со всех точек зрения радикальные трансформации в Европе, словно цепную реакцию: от геостратегии до экономики, включая традиционную концепцию европейской политики. Например, серьезный политический скандал имел место в Италии в 1992 году, когда некоторые из ведущих политиков 70-х и 80-х годов были осуждены и изгнаны из парламента, в связи с чем в глазах общества родилась так называемая Вторая республика, основанная на наличии двух партийных коалиций и парламентского большинства — система, наиболее приближенная к двухпартийной американской системе. Последние откровения Бобо Кракси, сына бывшего премьер-министра-социалиста Италии, подтвердили гипотезу о том, что расследование дела «Тангентополи», проведенное миланскими следователями, координировалось ЦРУ и осуществлялось непосредственно через посла США в Риме Реджинальда Бартоломью.

Воссоединение Германии после падения Берлинской стены привело к ряду драматических изменений в экономической и социальных сферах внутри бывшей ГДР. Другие социалистические страны Европы, союзники СССР, были полностью опустошены шоковой терапией, разработанной западными экономистами, когда их государственные системы были подведены внезапно, без подготовки и защиты социальной сферы, к «свободному рынку». На Балканах ситуация раскалилась после распада Социалистической Федеративной Республики Югославия, когда старые межрелигиозные распри обрели новую жизнь. Две западные интервенции в Боснии и Сербии усугубили ситуацию, разожгли межэтническую ненависть, унизили сербский народ и привели к военному вторжению и созданию незаконного государства Косово. Прекращение действия Варшавского договора в марте 1991 года позволило НАТО расшириться на восток: в середине 90-х США и их союзники начали переговоры о расширении стратегической команды, и уже в 1999 году Польша, Чехия, Венгрияполнили Североатлантический альянс. В десятилетие между 1999 и 2009 годами блок НАТО также расширился также за счет Эстонии, Латвии, Литвы, Словении, Словакии, Румынии, Хорватии, Болгарии и Албании, развивался диалог и партнерские отношения с враждебными Белграду бывшими югославскими республиками (Босния и Герцеговина, Македония, Черногория) и с иными, оппозиционными Москве государствами (т.н. ГУАМ и не только), среди которых наиболее ориентирована на США Грузия. Вопрос о вступлении Грузии в НАТО обсуждался особым образом во время работы саммита НАТО в Чикаго в мае прошлого года. Пентагон действует в соответствии с программой Smart Defense, согласно которой «совершает больше с меньшими тратами» (на самом деле взваливая военные расходы на плечи своих европейских союзников), и Грузия играет важную роль данной в схеме, беря, в том числе, на себя бремя ситуации в Афганистане — грузинский контингент там является вторым по численности. В 2008 году

на саммите в Бухаресте министр обороны США Роберт Гейтс высказался за скорейшее вступление Грузии в альянс, еще до парламентских и президентских выборов, грядущих в начале 2013 года. Столкновение между Москвой и Вашингтоном было бы чрезвычайно опасно; и Россия, по мнению Вашингтона ставящая под угрозу территориальную целостность Грузии, на самом деле имеет моральное право на защиту своих граждан в Абхазии и Осетии и территорий, исторически с ней связанных. Нынешнее же правительство Грузии представляет собой продукт так называемой Революции роз 2003 года, одной из главных цветных революций, потрясших в последнее время постсоветское пространство с целью привести к власти проамериканских деятелей.

В условиях этой «малой» холодной войны Европе стоит задаться вопросом: почему и зачем именно Грузия должна интегрироваться в атлантический альянс? Будет ли это сопровождаться также и экономической интеграцией, которая грозит еще большим ухудшением благосостояния Европы, как мы уже убедились на примере вступления в ЕС Польши и Румынии? И существует ли опасность для коллективной безопасности Европы с интеграцией такой амбициозной и агрессивной грузинской элиты?

Две Европы

Хотя кризис наметил множество стратегических линий, основным их фактором является растущая экономическая мощь Германии. Мы не осуждаем политику Ангелы Меркель, но очевидно, что Германия пытается укрепить свою политическую власть в Европе посредством финансового «шантажа». В конце концов, не только Германия участвовала в построении единой денежно-кредитной системы, и удивительно, что многие политики, указывающие на неравенство и противоречия, в 90-е годы были самыми верными сторонниками европейской интеграции. Также в этой ситуации не блещут своим профессионализмом

премьер-министр Италии Марио Монти и председатель Европейского центрального банка Марио Драги, которые должны были понимать, что объединение европейского рынка влечет за собой необратимые последствия. В связи с этим существует несколько возможностей: государства могут полностью переосмыслить свою роль в экономической системе Европы, замкнуться и покинуть ее, учтя все возможные риски (в частности, это касается Испании, Италии, Португалии, Греции), или же могут продолжать двигаться в том же направлении. В последнем случае, нужно учесть некоторые моменты.

Учитывая их, мы видим серьезные препятствия для европейской интеграции, так что проект европейского автономного единого субъекта, который некоторые аналитики пытались представить как «соединенные Штаты Европы», вряд ли осуществим. Во-первых, потому что США рьяно блюдут уникальность такого образования, как НАТО, и всячески противостоят любой экономической интеграции и образованию единых стратегических пространств. Противоречия, возникшие между англосаксонским дуэтом Вашингтон-Лондон и Берлином, возродили старую вражду, но вряд ли это приведет к уходу Германии из атлантического альянса. Германия дорожит своим военным присутствием в рамках миротворческой операции НАТО на Балканах. Но факт остается фактом: в последние годы Ангела Меркель значительно укрепила торговые связи с Китаем, и продолжают улучшаться отношения с Москвой. Интересные процессы происходят сейчас в венгерской внешней политике, где премьер-министр Виктор Орбан выдвигает любопытные идеи о Средней Европе и об этнической политике. Но разве возможно сейчас возродить в центральной Европе силу, способную стать альтернативой морской сверхмощи? Все говорит о том, что реставрация Пруссии или Австро-Венгрии стала бы сейчас безумием. Но, тем не менее, Германия, Венгрия и Австрия сейчас так укоренились в немецком рынке, что существует вероятность через 10-15 лет более глубокой интеграции, но Ва-

шингтон и Тель-Авив, конечно, обеспечат постоянное международное давление. Но такое развитие событий маловероятно, так как слишком много противоречий существует во внешней политике этих государств.

Исламские миграции породили в Европе и в частности в Германии ксенофобские настроения и определенные интенции в сторону политического объединения с странами восточной Европы, по преимуществу христианскими. Неостановимый поток турецких мигрантов вызвал напряжение между Берлином и Стамбулом, которое будет лишь усиливаться — а это говорит об определенном расколе в рядах членов НАТО и их переосмыслении своей роли. Все больше и больше европейцев задумываются о создании политического пространства имперского типа с целью защитить свое культурное, территориальное наследие и этничность. Ищут точки сближения православные Болгария, Сербия и Греция. Но экономический и политический потенциал для возможности какой-либо интеграции есть в настоящее время только у Германии.

Европейский Союз должен развиваться и трансформироваться в конфедерацию с собственным институтом премьер-министров, с оборонно-стратегическим институтом, с развитым механизмом контроля и регулирования экономики и финансов.

Европейские государства, включая Германию, должны разделить свой суверенитет в пользу конфедерации. Члены ЕС должны принять ведущую экономико-политическую роль Германии в данное время и проводить соответствующую политику.

Грузия: большая опасная игра

Выступая недавно в Принстонском университете, президент Грузии Михаил Саакашвили заявил, что его страна уже заканчивает путь подготовки к вступлению в НАТО, и напомнил американским студентам и журналистам, в какой опасности находится Грузия, что ее территориальная целостность находится под угрозой. При этом действия России в Южной Осетии он

сравнил с вводом советских войск в Чехословакию и Афганистан. Однако, Саакашвили не упомянул о том, что его партия сомнительным образом набрала большинство голосов на выборах и наблюдатели от ОБСЕ не обнаружили никаких нарушений, в отличие от выборов в Белоруссии и Казахстане. Эта ситуация убила истинную демократию в стране, которая и без того не блещет экономическими показателями: лишь 120 место в мире по уровню ВВП, высокий уровень безработицы (16%) и нищеты (9,7%). На многочисленные выступления противников победившей партии Вашингтон и международные наблюдатели закрыли глаза. За последние два года политический климат в Тбилиси раскалился, и противоречия между правящей элитой и оппозицией в ближайшее время будут только нарастать. Русофобская политика репрессивует каждого, кто заподозрен в связях с Москвой, хотя большинство грузин относится к русскому народу с симпатией. Последней серьезной провокацией было заявление властей о сносе памятника Сталину в Гори, который был воздвигнут более 70 лет назад, и заменой его мемориалом в память о погибших в военных действиях против России в августе 2008 года. Это вызвало сильнейшее возмущение, в первую очередь, со стороны пенсионеров, но деспотизм Саакашвили это обстоятельство не волнует.

В феврале 2005 года был найден мертвым премьер-министр Грузии Зураб Жвания, давно критиковавший политику Саакашвили. Всего через два дня пришла новость о самоубийстве Георгия Хелашвили, человека из аппарата Жвании, назвавшего действия Тбилиси по отношению к Южной Осетии самой большой ошибкой грузинского правительства. В мае того же года психически неуравновешенным человеком был убит директор Национального бюро судебной экспертизы Леван Самхараули. Эти смерти остаются по-прежнему нераскрытыми и ставят множество вопросов к самим руководителям, а также характеризуют политическую значимость данных драматических эпизодов. Недавно, 21 мая прошлого года, в Москве был убит бывший

командир 25 бригады грузинской армии Роман Думбадзе, приговоренный в Тбилиси в 2004 году к 17 годам тюрьмы (в 2008 он нашел убежище в Москве) после обмена военнопленными во время осетинского конфликта. 7 августа в Белоруссии был найден труп Бондо Шаликиани, бывшего депутата парламента Грузии, очень влиятельного бизнесмена и владельца телеканала «Кутаиси». Во время последних Олимпийских игр в Лондоне грузинский спортсмен Бетко Шуквани запросил политическое убежище в связи с угрозами в его адрес, прозвучавших со стороны грузинского правительства. На этом список темных дел грузинского руководства не заканчивается. Георгий Гамсахурдия (сын диссидента, первого президента независимой Грузии Звиада Гамсахурдии), нынешний заместитель министра по вопросам диаспор, считается ответственным за координацию террористической антироссийской деятельности совместно с чеченскими террористами и неправительственными фондами, связанными с Национальным фондом развития демократии. 28 августа в связи с международной легитимизацией салафистско-ваххабитского терроризма в рамках «арабской весны» был убит духовный лидер Дагестана шейх Саид Афанди аль-Чиркави, а его коллега из Татарстана Ильдус Фаизов чудом избежал покушения в Казани месяцем ранее. Следователи подозревают, что экстремистские группы, на которых лежит ответственность за убийство, связаны с грузинскими координаторами.

Так кто же такой Михаил Саакашвили и каковы же реальные цели и намерения правящей элиты, интересы которой он представляет? Ответственность за какие действия лежит на нем за почти десятилетнее его пребывание в политике? Мы не можем с уверенностью ответить на эти вопросы, но также не можем и избавиться от подозрений, которые кажутся очевидными, однако ясно, что вступление в Европейский Союз подобного государства с огромным дефицитом конституционного, демократического и экономического потенциала было бы чрезвычайно опасно для нашей финансовой стабильности, политического и

социального развития. Сама личность президента Грузии вызывает опасения, известно его пристрастие к героину и психическая неустойчивость. Общее недовольство вызвано антисоциальной политикой Саакашвили, которая может побудить тысячи грузин легально переехать в страны Европы, согласно Шенгенскому договору, что грозит ростом проституции и незаконного производства, как мы уже видели на примере мигрантов из Польши и Румынии. С другой стороны, есть опасения, что многие нелегальные производства переедут на восток, воспользовавшись новым рынком с низкими ценами, где им не смогут препятствовать наши законы.

Очевидно, что странная финансовая система Европейского союза, гегемонистские амбиции США по отношению к нашему континенту, подкрепленные интересами крупного, паразитарного по характеру бизнеса любой ценой втянут Грузию в Европу и НАТО, не учитывая разрушительных последствий для нашей экономики и социальной сферы, и, несомненно, развяжут новую крупную антироссийскую кампанию.

Сергей Бирюков, Владислав Савин

ГЕГЕМОНИЯ США ИЛИ КВИНТЕТ ДЕРЖАВ

Какой порядок формируется в мире «завтрашнего дня»? Какие старые и новые «игроки» будут определять мировую политику? Эти вопросы были поставлены в повестку дня сотрудниками Фонда Розы Люксембург и журнала «WeltTrends». 10-12 октября в Потсдаме на базе местного университета прошла международная конференция на тему «Гегемония или мультиполярность — мировой порядок в XXI веке». Конференция была приурочена к 20 — летию со дня основания журнала «WeltTrends» — независимого и высокопрофессионального журнала по международной политике (главный редактор — доктор Раймунд Кремер), который издается в Потсдаме при поддержке польских коллег из Познани. При этом популярное издание не имеет никакой институциональной поддержки, но опирается на сеть единомышленников и партнеров из Германии и других стран, связанных общим интересом к актуальным проблемам внешней политики. Разрастание этой партнерской сети позволило дополнить собственно издание журнала рядом самостоятельных проектов, сформировав на этой базе издательство «Potsdamer Textbuecher». Примечательно, что коллектив журнала соединяет опытных профессионалов и экспертов в области внешней политики с молодыми студентами и аспирантами, которые, помимо работы в редакции, участвуют в различных научно-исследовательских и издательских проектах. Примечательно, что представители коллектива журнала — главный редактор доктор Раймунд Кремер, профессор доктор Клаус Монтаг, профессор Потсдамского университета доктор Йохен

Францке, профессор Высшей школы экономики (Берлин) доктор Лутц Кляйнвехтер, редактор журнала Азадех Замирирад и др. — председательствовали либо активно участвовали в обсуждениях в рамках всех четырех панелей, заявленных на конференции.

Проведение конференции на базе журнала «WeltTrends» и Потсдамского университета было поддержано Фондом Розы Люксембург (один из координаторов проекта — представитель правления Фонда доктор Эрхард Кроме), который уже достаточно давно проявляет глубокий интерес к организации и проведению подобного рода научных мероприятий.

Ученые и внешнеполитические эксперты с четырех континентов согласились с тем, что США теряют свое доминирующее влияние в мире. И хотя по окончании «Холодной войны» именно они рассматривались в качестве единственной «сверхдержавы». Некоторые участники конференции, в частности, утверждали, что благодаря происходящему экономическому и военному усилению Китая мир может прийти к «биполярности», которая в долгосрочной перспективе может перерасти в китайскую гегемонию.

В частности, профессор доктор Ульрих Менцель (Технический университет Брауншвейга) указывает в качестве даты этого «превращения» для Китая 2030 год. В своем обширном докладе, анализирующем циклы восхождения и нисхождения основных известных истории великих государств, доктор Менцель принципиально различает между собой империи и «великие державы», формирующие два качественно различных типа миропорядка. Конкуренция между империями и великими державами, по мнению Менцеля, проходит через всю мировую историю, и приводит к итоговой победе последних, что в итоге отражается на всей системе международных отношений.

Положениям Менцеля в известной степени оппонировал в своем докладе сотрудник внешнеполитического ведомства КНР Жаи Декуан, заявивший, что Китай не стремится ни к какой

гегемонии, и речь для него идет о создании мирных и благоприятных условий для социально-экономического развития. Именно Китай, по мнению доктора Декуана, формирует и продвигает новую глобальную политическую философию, предполагающую укрепление стратегического партнерства между мировыми державами в решении глобальных проблем, мирное решение спорных вопросов, признание разнообразия форм и моделей политического и экономического развития.

В свою очередь, в политической элите США как утверждает профессор Стэнфордского университета доктор Роланд Бенедиктер, активно дискутируется переход от абсолютной к относительной гегемонии. «Поворот к пацифизму», по мнению Бенедиктера, будет означать «радикальное изменение» во внешней и военной политике США в течение долгого времени. Следуя этой логике, профессор Стэнфорда предпочел говорить не о гегемонии, но о лидерстве США, утверждению которого, по его мнению, способствуют масштабные реформы, осуществляемые действующим президентом Америки Бараком Обамой.

По утверждению Барри Бьюзена, профессора Лондонской школы экономики, время сверхдержав прошло. Система международных отношений развивается вследствие процессов глобальной индустриализации и модернизации в направлении неизбежного перераспределения власти и влияния, создавая возможность для формирования различных вариантов «капиталистического порядка» после фактического банкротства пресловутого «Вашингтонского консенсуса». США не смогут сохранить свое современное положение (и в том числе вооруженным путем), а новые мировые державы — например, тот же Китай — не смогут занять их место. В долгосрочной перспективе формируется многополярный миропорядок, воплощенный в лице нескольких региональных держав, который сам профессор Бьюзен предпочитает называть «децентрализованным глобализмом». Для его более полного воплощения существующее в мире «сообщество государств» должно создать новые идеи и

институты, которые призваны стабилизировать систему международных отношений и способствовать решению глобальных проблем. Главное для Запада, по мнению Бьюзена — понять, что будущее принадлежит не одному только ему.

Развивая эту логику, профессор доктор Ачин Ваниак (Университет Дели, Индия) говорил о «квинтете держав», который сегодня образуют США, Китай, Россия, Индия и ЕС. Параллельно доктор Ваниак остановился в своем докладе о возможном вкладе Индии как динамично развивающейся региональной державы. Основанием для этого, по мнению профессора, являются современные социально-экономические успехи Индии, конструктивные традиции ее политической культуры и все возрастающее международное влияние, укрепляющее ее репутацию как надежного партнера основных глобальных «игроков».

Авторы данной статьи в представленном ими докладе на тему «Россия — новый подъем державы?» рассуждали о будущей роли региональных «больших пространств». Они полагают, что создаваемый сегодня Евразийский Союз — включающий Россию, Казахстан и Беларусь — способен выполнять связующие функции между Западной Европой и Юго-Восточной Азией. И именно Россия, выходящая за рамки модели традиционного «национального государства», призвана вместе со своими стратегическими партнерами сформировать собственный вариант «большого пространства», альтернативой которому являются феномены деиндустриализации и социальной деградации, итоговое торжество этнократии и других форм политической архаики. Большое пространство «России-Евразии» — естественный партнер других региональных «больших пространств», значимый элемент формируемой «глобальной архитектуры».

Аудо Арайю Фалейро, сотрудник Администрации Президента Бразилии, сосредоточился на рассмотрении роли его страны в рамках усиливающихся процессов интеграции в Южной Америке. Время гегемонии США, по мнению Фалейро, проходит, и будущее региона будут определять прогрессивные

силы. Об этом, в частности, свидетельствует недавняя победа на президентских выборах в Венесуэле Уго Чавеса. Масштабные трансформации, происходящее под эгидой «левых» сил, по мнению Фалейро, будут способствовать консолидации стран региона, а также повышению их значимости и роли в глобальных вопросах.

Установившийся среди участников конференции консенсус исходил из положения о том, что Европейский союз, несмотря на все его современные проблемы, способен играть важную роль в современных международных отношениях. Некоторые зарубежные участники говорили о лидерстве Германии в ЕС. Доктор Богдан Козел (университет Адама Мицкевича, Познань, Польша), в частности, полагает, что современный Берлин сегодня находится «в фазе» определения своей позиции в Европе и мире. И именно Германия должна создать конструктивную концепцию будущего для ЕС, сохраняя при этом верность общеевропейским ценностям и стандартам.

По мнению доктора Эрхарда Кроме (Фонд Розы Люксембург), «немецкий вопрос» снова стоит сегодня в повестке дня. Германия, по его мнению, является главным «бенефициантом» от введения евро, и она же понесет наибольший ущерб от разрушения «зоны евро». Спасение евро, как полагает доктор Кроме, возможно сегодня не через установление германской гегемонии, но на основе кооперации между странами ЕС. И именно стратегия, нацеленная на мирное решение споров между странами Союза в рамках действующих институтов, будет способствовать решению современных проблем.

Вольфганг Герке (Магдебург, спикер по внешней политике фракции *Die Linke* в Бундестаге) в своем выступлении подчеркнул актуальность дискуссии о дальнейшем развитии внешнеполитической концепции «левых», которая должна быть нацелена на поиск альтернативной модели миропорядка. По его мнению, Германия находится сегодня на основной «линии»

борьбы за национально-государственную гегемонию, будучи главным образом сосредоточенной на реализации своих интересов через усиление своей роли в международных организациях — от ЕС до Мирового банка и ООН.

Главное достижение конференции, на наш взгляд, заключается в том, что она сформировала (предложила) определенную платформу для критического обсуждения основополагающих международных вопросов, а также предоставляет хорошую возможность подискутировать с европейскими коллегами для участников из Бразилии, Китая и Индии. Последний выпуск журнала «WeltTrends» содержит ряд материалов участников конференции. Полный же сборник материалов конференции, как запланировано, будет напечатан в ноябре. Как представляется, почин, положенный в Потсдаме, может получить свое дальнейшее развитие и на других «дискуссионных площадках». Ибо проблемы формирования новой, более справедливой и сбалансированной системы международных отношений, волнуют сегодня многих.

Раджа Мохан

ДИПЛОМАТИЯ НОВОГО ТРЕУГОЛЬНИКА: ИНДИЯ, КИТАЙ И США НА МОРЕ

Как и в Холодной войне, так и в текущей политической игре между Соединенными Штатами и Китаем, остальная часть Азии просто не представляет себя в рамках биполярной модели. Азия будет активно формировать и формироваться новой стратегической динамикой отношений между Вашингтоном и Пекином.

Азия является родиной для многих больших государств, которые преданы идеям национализма и территориального суверенитета, противодействуют местным амбициям к региональной гегемонии, стараются быть автономными от великих держав, и преисполнены решимости содействовать более тесной экономической интеграции друг с другом. Эти конкурирующие императивы, которые плохо уживаются друг с другом, определяют противоречивый характер восхождения Азии.

Одним из таких важных региональных держав является Индия, третья по величине экономика в Азии и четвертая по величине расходов на оборону в Индо-Тихоокеанском регионе после США, Китая и Японии.

Потенциал Индии может внести существенный вклад в новый баланс сил в Азии, как это признано и Вашингтоном, и Пекином. Министр обороны США Леон Панетта был в Дели в июне этого года, объявив Индию «краеугольным камнем» в оси США в Азии.

Министр обороны Китая Лян Гуанле вскоре постучался в двери Дели, пытаясь успокоить Индию в связи с растущей озабоченностью по поводу взлета Пекина.

Осторожная реакция Дели на азиатскую ось Америки подчеркивает открытую и совещательную стратегию Индии, которая сталкивается с зигзагами стратегии США в отношении Китая.

Индия имела сложные и трудные отношения с Китаем, так как они стали соседями в середине XX века. И только в последнее десятилетие отношения Дели с США начали нагреваться.

Индия не имела прямого конфликта интересов с США во время Холодной войны, хотя у обеих сторон имелись глубокие разногласия по глобальным и региональным вопросам.

Отношения Дели с Китаем были омрачены множеством нерешенных двусторонних споров, с самого начала как они стали соседями, и бесконечной конкуренцией за влияние в регионе.

Из-за того как это соперничество будет проходить в ближайшие годы, — усилится или наоборот, смягчится, будут иметь влияние на результаты оси США в Азии и строительство нового азиатского баланса.

В последние годы, несмотря на растущее экономическое взаимодействие, китайско-индийская политическая напряженность усилилась не только в традиционном театре Великих Гималаев, но и перекинулась на морские просторы Индийского и Тихого океанов.

Со своей растущей и глобализированной экономикой Китай и Индия в настоящее время зависят от морей как никогда прежде в своей истории. Обе страны строят большие флоты.

Военно-морские планировщики в Пекине и Дели хотели бы спроецировать мощь далеко за пределы своих территориальных вод, чтобы обеспечить более дисперсные интересы своих народов.

В обеих столицах традиционная привязанность к идеологии «неприсоединения» уступает, хотя и медленно, признанию необходимости иметь возможность влияния на развитие событий далеко от своих берегов.

Военно-морские лидеры как Пекина, так и Дели, хотели бы получить доступ к объектам в критических местах и выстроить особые политические отношения, которые позволят их зарождающимся флотам работать в дальних морях.

Так как их морские интересы расширяются, а их военно-морские траектории пересекаются, то есть и новые трения между Китаем и Индией в Тихом и Индийском океанах.

Подъем Китая и появление Индии в качестве морских держав привело к широкому признанию, что два океана уже не могут рассматриваться как отдельные театры, но лишь как единое стратегическое пространство индо-тихоокеанского региона.

Основные морские заботы Китая находятся в западной части Тихого океана, — это воссоединение с Тайванем, защита китайских территориальных претензий, и сдерживание американского военно-морского доминирования.

Тем не менее, рост морского присутствия Китая в Индийском океане, откуда он импортирует большую часть своих энергетических и минеральных ресурсов, порождает глубокую озабоченность в Дели.

В то время как основной интерес Индии состоит в обеспечении своего первенства у берегов Индийского океана, ее военно-морской флот делает частые набег в западную часть Тихого океана.

Углубление двустороннего военно-морского сотрудничества с Вьетнамом, который погряз в территориальных спорах с Китаем, является поддержкой принципа свободы судоходства в Южно-Китайском море, а частые совместные военно-морские учения с Японией и США заставляют хмурить брови в Пекине.

В то время как Китай и Индия наращивают свой военно-морской потенциал и наступают друг другу на пятки в Индо-Тихоокеанском регионе, ни одна из стран не находится в таком положении, чтобы вытеснить США как доминирующую морскую державу из обоих океанов.

Американский военный баланс в сторону Азии отмечен глубокой настороженностью растущей мощью Китая и большим энтузиазмом к укреплению партнерских отношений с Индией. Этот процесс может стать последующим динамическим треугольником в Индо-Тихоокеанском регионе.

Как и все остальные в Азии, Индия хочет извлечь выгоду из экономического роста Китая, но хотела бы ограничить перспективы доминирования Пекина в регионе.

Поскольку стратегический разрыв между Индией и Китаем увеличивается (в Китае он растет гораздо быстрее, чем в Индии), Дели может преодолеть его через сочетание внутреннего и внешнего баланса.

Союз с Вашингтоном, как кажется, был бы естественным для Дели. Но Индия обеспокоена непостоянством американской политики по отношению к Китаю, фискальной и политической устойчивостью оси для Азии в Вашингтоне.

Дели остро осознает опасность потенциального китайско-американского сближения, которое может сделать Индию незащищенной. Поэтому там стремятся одновременно расширить сотрудничество в области безопасности с Соединенными Штатами, избегая при этом ненужной провокации в отношении Пекина.

Китай, очевидно, берет верх в текущем динамическом треугольнике с Индией и Соединенными Штатами. Он может подстроиться под Дели или Вашингтон, чтобы ограничить глубину предполагаемого стратегического партнерства Индии и США.

Учитывая нынешнюю двусмысленность в Вашингтоне, Пекине и Дели, есть много неопределенности и в направлении этой треугольной динамики между ними.

Одна вещь, однако, является предельно ясной. Появление Китая и Индии как военно-морских держав и пересечение их морской политики с интересами Соединенных Штатов непременно взболтают политику безопасности Индо-Тихоокеанского региона на десятилетия вперед.

Ксения Агапеева

КОНЦЕПЦИЯ «ПРОМЕЖУТОЧНОГО РЕГИОНА» ДИМИТРИСА КИЦИКИСА

Введение

Димитрис Кицикис родился в 1935 году. Получал образование во Франции, в мае 1968 году был исключен из Университета в связи с участием в беспорядках. В 1970 был приглашен в Оттаву, где получил должность преподавателя, а затем и профессора. С 1970-х годов преподавал в ряде университетов турецкую историю, политическую идеологию и геополитику. В Турции был советником президента Тургута Озала. В Греции Димитрис Кицикис был научным сотрудником Национального института социальных исследований, издает с 1996 года журнал «Промежуточный регион» по одноименной концепции.

Концепция «Промежуточного региона»

Еще в 60-х годов Кицикис анализируя карты Евразии, обратил внимание, что различные авторы по-разному проводят границы между Востоком и Западом. Он пришел к выводу, что эта граница находится где-то в пределах Адриатики и реки Инд. Другими словами, все авторы единогласно относят Италию к Западу, а Индию — к Востоку, но при этом их мнения расходятся в отношении, к примеру Греции, то есть областям между этими пределами. Кроме того, народы, проживающих на данной территории, описывают свою культуру в качестве связующего звена между Западом и Востоком и уверены, что именно их конституируют эту связь.

Результатом ряда исторических событий, охватывающих сотни лет, является тот факт, что евразийский континент, включает в себя, по мнению ученого, три цивилизационных области. Он разделяет Евразию три зоны: 1) Запад, включающий в себя Западную Европу и простирающийся от Атлантики до Адриатики; сюда же относит Америку. 2) Восток, включающий в себя Китай и Индию и простирающийся от Тихого океана до реки Инд; Япония и Индонезия. 3) Промежуточный регион — огромный и автономный регион цивилизации между двумя вышеупомянутыми регионами, простирающийся от Греции до Пакистана и от Сибири до Северной Африки.

С цивилизационной точки зрения значение Промежуточного региона заключается в том, что не существует таких понятий как «единая» Европа или Азия. Термины «Европа» и «Азия» обозначают географические регионы, а не цивилизации. Промежуточный регион — это не переход между Востоком и Западом. Западная цивилизация отделилась от Промежуточного региона с началом Ренессанса в Италии и представляет собой, таким образом, ответвление греческой цивилизации.

В центре Промежуточного региона всегда находилась единая политическая единица — Империя, постоянно защищавшая себя от вторжения варваров с периферии. Империя считалась вселенской. Главная формула сохранения ее существования заключалась в равновесии центробежных и интегрирующих сил. На протяжении истории это была одна и та же империя, и сменявшие друг друга ее лидеры стремились объединить населявшие данную территорию народы. Начавшись как персидская империя Дария, она попала в руки Александра Великого (IV век до н.э.), затем к эллинизированным римлянам и, наконец, к членами ордена бекташи и алевитам туркам-османам вплоть до 1923-1924 годов. Вселенская Империя последовательно называлась Персидской, Македоно-Греческой Александра Великого, Эллинистической, Римской языческой, Римской христианской (Византией), Римской Оттоманской — вплоть до 1923 года.

В фокусе внимания Кицикиса находится история Османской Империи. В своей работе «Османская империя» он рассматривает ее, вопреки господствующей точке зрения, как полноправную преемницу Византийской империи. Он отмечает, что эта цивилизация была не только транснациональной, но и трансрелигиозной. Османская империя представляла собой систему равновесия и синтеза христианской и мусульманской частей и изначально являлась космополитичной, скрепившей союз христианских Балкан и мусульманской суннитской Анатолии. Создатели империи — семейство Османлы (Османов) — появились в 1280 г. не на окраине, а в самом центре Промежуточного региона, в нескольких десятках километров от Константинополя. Кицикис отмечает, что турки уже проживали в Промежуточном регионе, когда в его недрах возникла местная правящая династия, которая станет преемницей политического и территориального наследия Византии. Следовательно, несправедливо воспринимать османов как чужаков, ведь они родились вблизи столицы и самым естественным образом потребовали оспариваемого многими права на преемственность.

Геополитика Промежуточного региона

Итак, в центре Промежуточного региона находилась вселенская империя, на которую была ориентирована политика других империй, находившихся на ее периферии. Такими империями были Арабский халифат, Исламская империя, Персидская империя и Российская Империя.

Динамика отношений между центральной империей и периферийными империями ведет к постоянному конфликту внутри Промежуточного региона. Каждый из главных народов в данном регионе стремится захватить контроль над ее центром влияния, которым является Византий-Константинополь-Стамбул. Арабам в VIII столетии и русским в XX веке почти удалось сделать это, но они не смогли удержать контроль над вселенской империей. Геополитика этого региона характеризу-

ется стремлением континентальной державы выйти к морскому побережью, в качестве способа, призванного остановить этого продвижение, выступало образование империи, объединяющей берега Эгейского моря.

Геополитика этого региона показывает постоянную динамику, в которой континентальная держава (Персия или Россия) стремится достичь морского побережья. Результатом этого был постоянный конфликт между талассократией (морской мощью), которая контролировала Эгейское море, и континентальной державой. Единственным способом остановить продвижение континентальной державы всегда считалось объединение двух берегов Эгейского моря в одну империю, то есть Империю промежуточного региона или ее будущую реконструкцию в виде греческо-турецкой конфедерации. Таким образом, внутренний конфликт определяется борьбой между различными народами за главенство в Константинополе для сохранения региона в рамках единой Вселенской империи. Внешний фактор — Запад — стремится превратить Промежуточный регион в колонию, разрушив его единство и импортировав западные ценности.

Кицикис выделяет два геополитических концепта, созданные Западом для того, чтобы использовать их для мирового доминирования. Начало первому было положено во второй половине XVIII века. Эта концепция получила название «Восточный вопрос». Для того, чтобы открыть прямой путь к восточным колониям, Западу необходимо было разрушить стоявшую на его пути Османскую империю, занимавшую сердцевину Промежуточного региона. С целью ее дезинтеграции, Запад распространял идеи национализма, начав с Греции, которая став номинально независимой, фактически попала под протекторат Англии. Таким образом, Кицикис определяет Восточный вопрос как проблему, привнесенную извне.

Вторым геополитическим концептом, использованным Западом для империалистической экспансии, была теория Харт-

ленда, разработанная британским геополитиком Хэлфордом Маккиндером в начале XX века. Морские державы, стремясь окружить Россию и Германию, останавливая их продвижение к южным морям, сохраняли остатки Османской империи исключительно под англосаксонским контролем.

Главной целью военных усилий американцев является приобретение тотального и эксклюзивного контроля над Промежуточным регионом — не только с целью захвата монополии на источники энергии, в основном нефти и воды, но также для того, чтобы не дать их противникам закрепиться в какой-либо части Промежуточного региона, например, предотвратить экспансию Китая на Запад, экспансию России на Юг, Европейского Союза — на Восток (путем включения Турции), и экспансию арабов на север. Для ее реализации они принялись воплощать в своих интересах теорию восстановления империи Александра Великого, которая бы протянулась от Адриатического моря до реки Инд, выступая в качестве огромной плотины, останавливающей продвижение России на Юг.

Для того, чтобы воссоздать Империю Александра Великого от Адриатики до реки Инд, необходимы были бы две конфедерации: Западная конфедерация: 1. Греко-Турецкая конфедерация. Ее жесткое ядро формировали бы: Греция без западной Фракии и Турция без Курдистана и Восточной Фракии, и Конфедерация греко-турецкого Кипра. 2. Периферийные государства, которые были бы автономны к центральному жесткому ядру: а) государство Фракия, которое объединяло бы Восточную и западную Фракию и часть Болгарии, населенной турками, б) государство Македония со столицей в Фессалониках, включающее греческую Македонию, болгарскую Македонию и нынешнюю республику Македонию (со столицей в Скопье), но без западной части, населенной албанцами, в) Великая Албания, состоящая из Албании, Косово и западной части современной республики Македония, г) Курдистан, составленный из турецкой, иракской, сирийской и иранской частей, д) Израиль и

Палестинское государство. Кицикис отмечает, что если эти две конфедерации будут созданы, они будут представлять угрозу для России и будут закреплять старое противоборство между континентальными и морскими державами. С другой стороны, население регионов, включенных в эти конфедерации, может рассматривать их как соответствующих собственным интересам.

После греческой революции 1821 года и вплоть до Крымской войны 1856 года практически все греки были сторонниками России, но во второй половине XIX века они были испуганы ростом панславизма и распространением русского языка.

По мнению Кицикиса, Россия может разрушить американские планы в Промежуточном регионе, только завоевав доверие греков и турков, признав с этой целью, что Россия является старшей и наиболее любимой дочерью Греции, греческой цивилизации и греческого Православия, основанного греческими отцами Церкви. Во-вторых, греческий язык, а не русский язык является главным языком цивилизации, поскольку он признан всем миром, а не только Промежуточным регионом. И, наконец, Россия должна помочь созданию греко-турецкой конфедерации со Стамбулом в качестве столицы по модели бывшего Советского Союза, где особую роль будет играть алевизм как синтез между православием и исламом. Промежуточный регион — прежде всего православно-исламское цивилизационное целое, где греческая цивилизация занимает центральное положение со времен Александра Великого. Греческая цивилизация могла бы играть цементирующую роль, объединяя греков, турок и русских.

Заключение

Димитрис Кицикис выделяет три цивилизационных блока, существующих в Евразии — Запад, Восток и Промежуточный регион, в центре которого на протяжении всей истории до конца Первой мировой войны существовала Вселенская империя. За-

падную цивилизацию он считает осколком греческой, отделившейся в период Возрождения. В целом, его концепцию можно считать грекоцентристской.

Отношения между центральной империей и периферией характеризуется постоянным конфликтом, выражающимся в стремлении захватить контроль над центром влияния — Константинополем. Запад, в качестве внешнего фактора, стремится превратить Промежуточный регион в колонию, разрушив его единство. Для осуществления этого было создано два концепта. Одним из них является «Восточный вопрос», распространивший «болезнь национализма», разрушившего Османскую империю — центр Промежуточного региона. Вторым геополитическим концептом была теория Хартленда: морские державы, стремясь окружить континентальные державы, сохраняли контроль над Османской Империей.

Кицикис выдвигает ряд условий, которые необходимо выполнить России, если она желает противостоять планам США по контролю над Промежуточным регионом. Среди прочего, она должна помочь созданию греко-турецкой конфедерации со Стамбулом в качестве столицы по модели бывшего Советского Союза, где греческой цивилизации будет отведена основная связующая роль.

Научное издание

Левиафан

Выпуск 4

Гегемония и многополярность

Центр Консервативных Исследований

119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы,

МГУ им. М. В. Ломоносова,

3-й учебный корпус, социологический факультет

Тел./факс: (495) 939 03 73

E-mail: seminar@socio.msu.ru

www.konservatizm.org

Руководитель Центра — профессор Александр Гельевич Дугин

Главный редактор

д. пол. н. А. Г. Д у г и н

Редактор-составитель

Л. В. С а в и н

Редактор

В. В. А л т у х о в

Оформление обложки

В. В. Алтухов

Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.

Усл. п. л. 12,5. Тираж 550 экз.

«Евразийское Движение»

Москва, 2-й Кожуховской проезд, д. 12, стр. 2, офис 5